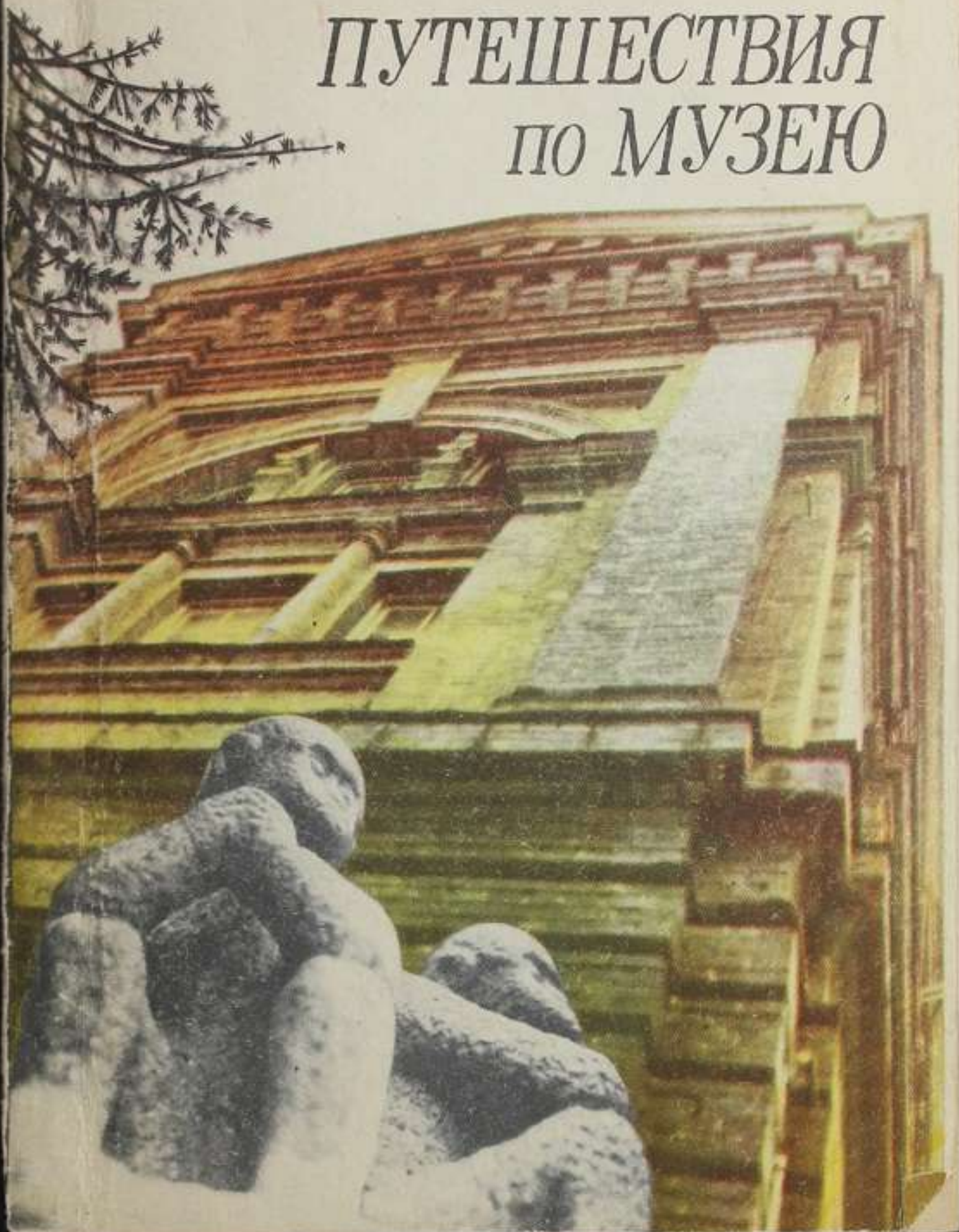

Всеволод СЫСОЕВ

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО МУЗЕЮ

Exa B.D

Всеволод СЫСОЕВ

ПУТЕШЕСТВИЯ по МУЗЕЮ

Записки краеведа

Хабаровское
книжное
издательство
1979

ББК 47.2.1.2

P2

C95

C $\frac{70302-58}{M160(03)-79}$

4702010200

© Хабаровское книжное издательство, 1979.

Приглашение к путешествию

Ровно 20 лет назад я вошел в кабинет директора Хабаровского краеведческого музея в сопровождении главного хранителя фондов.

— Всеволод Петрович, — торжественно произнес он, — оцените по достоинству: вы будете работать за столом Владимира Клавдиевича Арсеньева.

Хранитель ушел, а я сел за стол и задумался. Справлюсь ли? Ведь я не музеевед, а охотовед. «Прежде всего нужно возродить традиции организации экспедиций и участия музея в решении хозяйственных проблем края, — думал я. — Путешествовать с целью изучения края, а также сбора ценных экспонатов. Затем нужно писать о крае, привлекая к нему внимание людей, зажигать в их сердцах любовь к Дальнему Востоку. И наконец, следует достроить и реконструировать музей».

Время показало, где я правильно оценил свои возможности, а где и переоценил их. Но на всю жизнь запомнилась мне увлекательная охота за экспонатами, волнения и заботы, связанные с реконструкцией и обновлением музея. Нелегко дались сдвиги в деятельности музея, и, разумеется, во всем этом не только моя заслуга. Музейное искусство — коллективное искусство! Успех музейной экспозиции, ее высокая эмоциональность, как правило, создаются талантами ученого, художника и техника. Нашему музею посчастливилось! На протяже-

нии ряда лет в нем процветало содружество этих трех талантов.

Много уделяли времени и охотно передавали свои знания сотрудникам музея академик А. П. Окладников и заведующий сектором средневековья Института истории, археологии и этнографии ДВНЦ АН СССР Э. В. Шавкунов. Разве могли бы наши экспонаты так глубоко волновать сердце зрителя, если бы над их оформлением не потрудились такие одаренные художники, как Г. Д. Павлишин, Н. Н. Кириллов и В. Н. Высоцкий! В отделе природы на вас словно живые смотрят звери и птицы. Это искусные руки таксидермистов М. И. Мужилко и братьев Машотиных вдохнули вторую жизнь в этих животных.

Пожалуй, нигде вы не найдете столько энтузиастов своего дела, как в музее. Обманчива музейная тишина: в закрытых фондах, научных кабинетах и препараторских бушуют страсти, идет кипучая работа по изучению, отбору и оценке документов и предметов. И все это ради того, чтобы неведомое прежде стало явным, могло тревожить чувство и будить мысль посетителя.

Кто же стоял у колыбели Хабаровского музея? Передо мной «Краткая история Приамурского отдела Русского Географического общества за 20 лет его деятельности. 1893—1913 гг.». Вот что в ней говорится:

«20 ноября 1893 года (здесь и далее по старому стилю. — В. С.) в совете общества состоялось постановление об организации Приамурского отдела. Прибывший в 1894 году в Хабаровск приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской в апреле этого года собрал учредителей отдела. Было избрано временное правление, названное распорядительным комитетом, председателем коего избирается помощник генерал-губернатора генерал-лейтенант Н. И. Гродеков. Деятельность учредителей Приамурского отдела была столь активной, что из

пожертвованных экспонатов был составлен музей, размещенный в здании аптечного склада. В основу музея легли коллекции, собранные Н. А. Корфом».

19 апреля 1894 года музей открывает двери для посетителей. Здесь же располагается библиотека. Директором музея избирается военно-медицинский инспектор Приамурского округа В. Н. Радаков, передавший в дар музею более ста шкурок животных.

Небольшое помещение аптечного склада не вмещало поступившие коллекции. Поднимается вопрос о строительстве здания для музея, эскиз которого был выполнен Н. Ф. Александровым. Проект и смету составил инженер Л. О. Чайковский, он же руководил строительством. Библиотека переселилась в новое помещение.

В мае 1896 года в недостроенное еще здание переносятся коллекции. Директором нового музея избирается В. П. Маргаритов — окружной инспектор училищ Приамурского края, один из первооткрывателей месторождений каменного угля в Приморье.

Через год после открытия музея (6 декабря 1896 года) в его фондах насчитывалось 11 тысяч экспонатов. Среди них были такие уникальные приобретения, как два скелета исчезнувшей ныне морской коровы Стеллера, купленные у алеута Т. Синицина. Один скелет впоследствии был продан Парижскому музею за 2500 франков.

«В августе 1899 года заканчивается строительство второй трети здания, а 17 июля следующего года завершается полностью. Трехэтажное каменное здание музея, по своему контуру напоминавшее букву Н, явилось украшением Хабаровска. Располагая помещением в 264 кв. сажени, оно стало одним из самых обширных хранилищ достопримечательностей Дальнего Востока. Завершал строительство музея С. Н. Ванков, принявший его у В. П. Маргаритова».

В 1910 году музей перешел в руки Владимира Клавдиевича Арсеньева. К этому времени им было совершено три путешествия в горную страну Сихотэ-Алинь. Работая директором музея, Владимир Клавдиевич подготовил к печати свои книги «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» (воспоминания о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 году), впервые изданные уже в начале двадцатых годов. В 1912 году в Хабаровске вышла в свет первая книга В. К. Арсеньева — «Военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края, 1901—1911 гг.».

Октябрь 1917 года Владимир Клавдиевич встретил в Хабаровске, но в 1918 году выехал в экспедицию по обследованию долины реки Камчатки. В 1924—1926 годах он вновь на посту директора музея, затем работает в Дальневосточном переселенческом управлении и позднее в Бюро экономических изысканий Уссурийской железной дороги.

Музей Владимир Клавдиевич передал в надежные руки известного революционера Карла Яновича Лукса, к тому времени уполномоченного Главнауки на Дальнем Востоке. К. Я. Лукс много сделал для улучшения деятельности музея. Ему принадлежит честь открытия в Хабаровске первой на Дальнем Востоке картинной галереи. Именно на ее основе был создан позднее Дальневосточный художественный музей.

Много достойных уважения людей работало в Хабаровском краеведческом музее. Благодаря их многолетнему кропотливому труду музей стал тем, чем он является ныне, — одним из лучших учреждений культуры РСФСР.

Краеведческий музей — это край в миниатюре. Его обширные экспозиции, созданные на строго научной основе, служат для школьников и студентов своего рода «наглядным пособием», помогающим им изучать географию,

ботанику, зоологию и историю. А несметное количество геологических образцов, гербариев, энтомологических коллекций, исторических документов и предметов быта аборигенов и русских переселенцев, собранных музейными работниками за 80 лет существования музея, облегчает творческие поиски дальневосточных ученых и деятелей культуры. Не все, что собрано, выставлено в экспозициях. Тысячи экспонатов покоятся в музейных фондохранилищах. Поэтому краеведческий музей выступает и в роли хранителя национальных ценностей.

Понятие «музейный — значит древний» ныне устарело. Теперь музеи не печальные паноптикумы, не кунсткамеры, в которых собраны одни естественноисторические редкости. Сейчас рука музейного работника, образно выражаясь, лежит на пульсе текущей жизни, современной истории. Это сразу чувствует каждый, кто в музее приобщается к познанию «той среды, в которой мы живем, движемся и проявляем себя». Экспозиции не нуждаются в объяснении экскурсоводов, они рассчитаны на посетителя, который сам способен разобраться в том, что представлено ему для обозрения.

Большинство музейных работников стремятся выставить в экспозициях как можно больше экспонатов, полагая, что музей при этом будет выглядеть интереснее, богаче. Но чрезмерное множество предметов, пусть даже самых ценных, утомляет зрителя. Он начинает чувствовать себя как в антикварном магазине.

Однажды мы встречали путешественников, побывавших во многих зарубежных музеях. На вопрос, какая отличительная черта нашего музея прежде всего бросилась им в глаза, они ответили: «Умение немногими предметами рассказать о многом. В вашем музее не «рябило в глазах» от обилия экспонатов».

Экспозиции музея рассчитаны на зрительное восприятие. Робкие попытки звукового оформления — воспроиз-

водство звуков леса в отделе природы — пока не удалось, но это новшество имеет перспективу. Созерцая животных, очень хочется услышать их голоса. Оживление среди наших посетителей всегда вызывала струя свежего лесного воздуха. Созданная искусственно, она словно вытекала из лесной диорамы, и человеку казалось, что он вошел в лес.

Я против изгородей, которыми мы огораживаем парки, бульвары, дома, но территория, прилегающая к музею, обязательно должна быть обнесена художественной решеткой — ведь это продолжение музея, только под открытым небом. Здесь выставлены громоздкие орудия, изваяния. К сожалению, пока музей окружает унылая однообразная растительность. Ее следует обогатить дальневосточными деревьями и кустарниками. Почему бы не сотворить искусственный водоем с цветущим лотосом, не насадить декоративные живые изгороди и лианы!

Я всегда внимательно присматривался к посетителям музея и по тому, как они реагировали на выставленные экспонаты, заключал, удалась ли та или иная экспозиция. Бывало и так: выставишь уникум — люди равнодушно проходят мимо. Значит, непонятен он им, нужен более подробный рассказ или соответствующее оформление экспозиции.

Шаблонных объяснений экскурсоводов посетители не терпят, но стоит начать рассказ об истории какого-либо экспоната, как сразу собираются любопытные слушатели.

Очень снижается впечатление о музее у тех, кто приходит в составе больших групп: тут много не увидишь, а из-за шума — не услышишь. Большая посещаемость радует администрацию, но когда однажды, в «день открытых дверей» для пионеров, музей посетило около семи тысяч детей, экскурсия превратилась в увеселительную прогулку, а пыль в залах стояла столбом.

Посетители обижаются, если им не дают близко подойти к экспонатам, потрогать их руками. Это не формальная строгость. Легкие, но многократные прикосновения оставляют след даже на камне и металле, что же говорить тогда о менее прочных музейных экспонатах?!

Ознакомиться с музеем за один день невысказимо. Для этого требуется три-четыре дня. И восприятие будет глубже, и многое запомнится на всю жизнь!

Что же привлекает в музей людей всех возрастов и самых различных профессий? С чувством благоговения входит посетитель в просторный вестибюль, потом в зал. У входа его встречает скульптурный портрет Владимира Клавдиевича Арсеньева. Рядом — этюд художника В. Г. Шешунова, изображающий спутника Арсеньева Дерсу Узала. Это о нем сказал при жизни Владимир Клавдиевич: «И до чего же похож Дерсу — как живой!»

Отдел природы. Внимание посетителя привлекает огромная рельефная карта. словно из иллюминатора трансконтинентального лайнера, открываются перед ним бескрайние земли Дальнего Востока, синева Тихого океана. Справа от карты — огромные кости и черепа некогда водившихся у нас бизонов и шерстистых носорогов. Прекрасно сохранились бивни мамонта, охотясь на которого «древние Колумбы» смогли проникнуть в Северную Америку еще в каменном веке.

Редчайший скелет морской коровы Стеллера, вымершей в XVIII веке. И неподалеку — представители древней природы, сохранившиеся в крае до наших дней: стайка чешуйчатых крохалей, реликтовый жук-дровосек, огромный ствол полуторатысячелетнего тиса...

Несметны сокровища недр земли дальневосточной. В зеркальных витринах зала тускло поблескивают обломки оловянной руды, кварца с прожилками золота, халькопирита и молибденита. Сверкают своими словно отточенными гранями друзы горного хрусталя, выросшие

в мрачных подземельях. Богата коллекция разноцветных мраморов, вулканических пород и керамических глин.

Изумленному взору посетителя предстает чудесная раковина жемчужницы с крупным, как горошина, жемчугом. Из перламутра речных моллюсков делают пуговицы, составляют инкрустации.

Каких только рыб не водится в Амуре! Жирные, как поросята, амуры, серебристые желтощеки и верхогляды, страшноватые змееголовы и миноги и, наконец, гордость рыбаков, самая крупная пресноводная рыба мира — калуга из семейства осетровых. В возрасте 100 лет она достигает веса более тонны.

В многочисленной коллекции пернатых вы найдете представителей всех семейств птиц: от крупной дрофы до крохотного крапивника. Особенно интересны случайно залетающие на Амур фрегаты — жители тропических морей, а также экзотические синие широкороты и белые индийские цапли. Запоминаются обитатели наших лесов. Чучела, сделанные лучшими таксидермистами Москвы, настолько точно воссоздают их облик, что кажется, будто звери только что вышли из амурских дебрей и замерли в нерешительности перед зрителями.

Притягивают взоры калан, или морская выдра, дикий дальневосточный кот, стройная кабарожка и черный заяц. Посетитель может полюбоваться и такой невидалью, как белая и платиновая белки, пегая норка. Нельзя спокойно пройти мимо «черной жемчужины» тайги — соболя. Миловидный темно-коричневый зверек — основной объект пушного промысла в крае.

Во втором зале отдела природы представлены ландшафты края. В создании этих экспозиций участвовали художники В. Н. Высоцкий, Г. С. Зорин, А. М. Федотов, Н. Ф. Чайкин.

Перед зрителем суровое Охотское побережье. В па-

мяти воскресаает могучая симфония моря: «О скалы грозные дробятся с ревом волны...» Лежбище ластиногих. На переднем плане — «владыка» гарема морской котик. Вы сходите на берег, поднимаетесь в горы, и перед вами расстилаются необозримые просторы светлохвойной тайги с пасущимися на переднем плане лосями. Далее идут темнохвойные леса охотского типа — медвежье царство. И наконец, сумрачный, таинственный кедрово-широколиственный лес, «северные джунгли» нашей Родины.

Русский промысел отлова живых тигров вдохновил художников Г. С. Зорина и Я. С. Куриленко на создание картины «Бригада уссурийских тигроловов Богачевых». Созерцая, как охотники вяжут огромную полосатую кошку, невольно восклицаешь. «Нет, не перевелись на Руси богатыри!»

В центре зала — скульптура Н. К. Гееца на эту же тему. Поводом к созданию скульптурной группы послужил случай, когда два охотника, А. В. Черепанов и П. Н. Реутов, поймали молодого тигра.

Богат и разнообразен животный мир края, но мы не довольствуемся этим, стремясь обогатить его новыми ценными промысловыми видами. На одном из стендов музея можно увидеть ондатру и американскую норку, завезенных в край в 1939 году. Эти виды успешно акклиматизировались, на них ведется охота. Заяц-русак расселен в крае в 1963 году.

Музей по праву гордится коллекциями предметов материальной культуры древних обитателей Приамурья. При создании экспозиции эпохи неолита и средневековья Дальнего Востока нас консультировали археологи академик А. П. Окладников и его ученик Э. В. Шавкунов.

В отделе дореволюционной истории выставлены оружие и доспехи эпохи русских землепроходцев, документальные материалы Амурской экспедиции Г. И. Невельского. Особенно богата и красочна коллекция одежды

и домашней утвари народов Амура и Тихоокеанского побережья.

Перед нами интерьер нанайского жилища прошлого века: жалкая утварь, одежда из рыбьей кожи, головные уборы из бересты. Медный чайник, за который платили столько, сколько вмещалось в нем соболиных шкурок, берестяная оморочка, вырезанное из дерева изображение «доброго» духа — «хранителя» нанайского жилища...

Здесь же — орудия промыслов народов, населявших Амур и побережье Тихого океана: самострел (денгур) на соболя, лук со стрелами, гида — копье для охоты на медведя, черкан — ловушка на горностаю, кремневое шомпольное ружье, сеть, связанная из кожаных ремешков, костяная блесна, гарпун. Особенно интересны кухлянка из птичьих шкурок, рубаха, сшитая из выделанных тонких кишок морского зверя. Об ушедших в небытие обычаях народов Приамурья дают представление костюм шамана с маской и большим бубном, «добрые» и «злые» бурханы (божки, вырезанные из дерева).

Перед зрителями — уникальная свадебная нарта (сани), в которую запрягали несколько собак. Легкие высокие нарты, сделанные из дерева и ремней, легко скользили не только по снегу, но и по росистой траве тундры. Легкие люльки хорошо были приспособлены к условиям походной жизни, а малыши играли рысьими косточками, набор которых приторачивался к люльке. Жалобные и монотонные звуки, издаваемые причудливыми музыкальными инструментами, не жили слух «лесных людей».

В обширных витринах второго этажа собраны многочисленные предметы быта и орудия труда русских переселенцев прошлого века.

В экспозиции мы видим прялки, серпы, косы, ухваты того времени, акты на закрепление земельных участков, одежду, посуду крестьян. Об амурском и уссурийском

казачестве напоминают стальной клинок и седло, атаманская булава и наборный, с серебром, ремень, серебряная братина работы ювелира Хлебникова. На братине высечены народные афоризмы: «Атаману — первая чарка и первая палка» и т. д. А над ними — обобщающая надпись: «Мы, казаки, во всем простаки: говорить красно не умеем, но сердце у нас — что чистый алмаз».

Есть в зале дореволюционной истории стол, сделанный одним политзаключенным в Горнозверентуйской каторжной тюрьме. Убегая за границу, белогвардейцы прихватили его с собой, и находился он в Маньчжурии до 1945 года. На крышке стола выжжена карта «кабинетских» земель в Забайкалье.

С распятого на плахе двуглавого орла начинается показ новой главы в истории нашей Родины. Борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке посвящена панорама «Волочаевская битва». Мраморный бюст В. К. Блюхера и бронзовый — П. П. Постышева запечатлели образы этих известных деятелей, внесших большой вклад в освобождение Приамурья от белогвардейцев и интервентов. О делах дальневосточных партизан свидетельствует карта боевых действий времен гражданской войны, вырезанная из дерева, их именное оружие и документы.

Кончилась гражданская война, и советский народ приступил к строительству новой жизни. Экспозиции рассказывают о закладке на Амуре города юности — Комсомольска, о хетагуровском движении, о размахе социалистического соревнования в промышленности и сельском хозяйстве края.

Вероломное нападение фашистской Германии на нашу страну прервало мирный труд советских людей. С берегов Амура на фронт отправились многие тысячи стойких бойцов. В музее хранятся их боевое оружие, награды, личные вещи. В эти трудные годы дал первую плавку металлургический завод «Амурсталь» в Комсомоль-

ске, отдельные эпизоды строительства которого сохранил для истории фотоальбом, выставленный в экспозиции.

В августе 1945 года наши войска разгромили Квантунскую армию, созданную Токио для войны с Советским Союзом. На натуральных снимках Н. Н. Шкулина зафиксированы эпизоды боев с самураями, показана освободительная миссия Советской Армии в Северном Китае.

Ведущее место в экспозициях музея по праву принадлежит отделу истории советского общества. Здесь представлен сегодняшний день края. Достижения наших земляков впечатляют. Так, широко известны в стране и за рубежом станки-автоматы, дизели, трансформаторы, кабель, турбины и компрессоры, изготовленные на предприятиях Хабаровска. Самоходные комбайны «Дальсельмаша» СКГ-3 и СКГ-4 на всемирной выставке в Брюсселе удостоены диплома Гран-При.

В шестидесятые годы на карте края появились новые города: Амурск с его целлюлозно-картонным комбинатом, Солнечный с его первой горно-обогатительной фабрикой. Строительству Байкало-Амурской магистрали посвящена специальная экспозиция.

Хорошо представлена в музее лесная промышленность края. Посетитель может проследить все процессы заготовки и переработки древесины, отдать должное высокохудожественной резьбе по дереву. Запоминается скульптура «Хозяин тайги» И. А. Горбунова и Г. И. Потапова, высеченная из кедра.

В нашем крае произрастает более 500 видов лекарственных растений, и не удивительно, что в Хабаровске действует химико-фармацевтический завод. О его истории тоже идет рассказ в экспозиции.

Знакомясь с экспозициями отдела истории советского общества, поражаешься переменам, происшедшим

в жизни нанайцев, ульчей и нивхов. Если до революции они одевались в одежду из рыбьей кожи и не знали вкуса хлеба, ютились в землянках, то теперь в их распоряжении все блага цивилизации. Механизирован рыбный промысел, живут аборигены в благоустроенных домах, и нет отрасли, в которой они ныне не работали бы. В одной из витрин — труды ученого-нивха Ч. М. Таксами, произведения известного писателя, лауреата Государственной премии РСФСР им. М. Горького нанайца Григория Ходжера, поэта Андрея Пассара, билет члена Союза писателей РСФСР Джанси Кимонко — первого удэгейского прозаика, чья повесть «Там, где бежит Сукпай» переведена на многие языки мира. Расцвело и прикладное искусство народов Амура. Привлекает выставка художественно расшитых халатов, ковров, мягкой обуви, резьбы по кости. Самодеятельное искусство нанайцев и ульчей, удэгейцев и коряков неоднократно демонстрировалось в выставочных залах Москвы и Ленинграда.

Заканчивается осмотр...

И вот, после предварительного ознакомления с музеем, читатель может совершить еще одну экскурсию — вместе с автором, сотрудниками и друзьями музея. Предлагаемая его вниманию книга не претендует на то, чтобы заменить путеводитель. По жанру это скорее записки краеведа об истории и о природе Приамурья, о встречах с интересными людьми, о некоторых экспедициях, в которых довелось участвовать автору в бытность его директором Хабаровского краеведческого музея.

Раздел первый

**«Минувшее
проходит
предо мною...»**

Хабаровский мамонт

Когда смотришь в музее на окаменевшие раковины моллюсков силурийского моря, как-то не можешь себе представить, что они жили более четырехсот миллионов лет тому назад. Это самые древние останки животных, найденные до сих пор палеонтологами на территории Дальнего Востока.

В конце мезозойской эры, когда на Земле господствовали пресмыкающиеся (около 80 миллионов лет тому назад), на берегах Амура, как и в Северной Америке, жили траходоны — громадные ящеры. Сравнительно хорошо сохранившийся скелет этого травоядного животного, найденный в Приамурье в начале столетия, находится теперь в Ленинграде. В экспозиции нашего музея выставлена только одна окаменевшая кость траходона.

В эпоху великого оледенения по просторам Дальнего Востока бродили мамонты, шерстистые носороги и бизоны. Кости этих животных неоднократно попадали в музей, большинство из них представлены в экспозиции, однако ценность их как музейных экспонатов невелика: неизвестны место и время находок. И лишь сравнительно недавно к нам поступили останки ископаемых животных, «паспортные» данные которых не вызвали сомнений.

Как-то поздно вечером мне на квартиру позвонил

инженер СУ-22 Дальтранстроя Юрий Петрович Шеховец.

— Хочу вас обрадовать, — сообщил он. — При рытье котлована для станции перекачки на глубине восемь метров обнаружены кости мамонта. Приезжайте, посмотрите. Может, они нужны для музея.

Подумать только: в черте города — и вдруг останки мамонта! Нечасты такие находки в городах. Случалось это в Москве на Калужской площади, в Таганроге, Томске и вот теперь — в Хабаровске.

Долго не спалось в ту ночь после звонка. Все думал о мамонтах. Видно, память о далеком прошлом живет подспудно, коль одно упоминание об этом звере будит охотничью страсть. Доводилось мне и раньше искать бивни мамонта — на далекой Мае. И тогда я ощущал какой-то душевный трепет, особый прилив сил.

Давно вымерли мамонты, а я, сидя в машине, уносившей меня на стройплощадку СУ-22, волновался так, словно впервые ехал на ловлю тигров. Есть в Хабаровске неподалеку от локомотивного депо улица с прозаическим названием Промывочная. В конце ее вот-вот поднимется новый жилой массив. Места здесь ровные. К стройплощадке примыкает заболоченная равнина шириной до двух километров, по которой вьется маленькая речка Чернушка. Берега ее низкие, топкие, здесь много мелководных озерков, поросших тростником. Рядом с одним из таких озерков строители вырыли глубокий котлован для будущей насосной станции.

На стройке меня встретил строительный мастер Василий Степанович Сковпень. Вглядываясь в улыбчивое лицо Василия Степановича и вспоминая, что знаком с ним давно. Это он, обнаружив на Батуевской ветке во время прокладки траншеи трехтонную старинную пушку, не сдал ее в зачет металлолома, а привез в краеведческий музей. Как хорошо, когда люди, подобные

Василию Степановичу, интересуются историей своего Отечества и стремятся сохранить для потомков предметы древности.

Мы тепло поздоровались и направились к котловану.

— Вот на этом месте и попал в ковш экскаватора бивень мамонта, — махнул рукой Василий Степанович. — След от него и сейчас виден. Извлекли мы бивень, сошлись все строители. Сперва за обломок дерева его приняли. Но шофер один понюхал и заявил: «Костью, братцы, пахнет!» А тут плотник с топором подошел, я и глазом не моргнул, как он по бивню два раза тесанул. Щепу на зуб попробовал: «Самая что ни на есть кость».

— Ну, и где же он теперь?

— На складе. Идемте, покажу.

По пути пригласили с собой двух молодых рабочих. Не без труда вынесли на дорогу бивень, вес которого не менее 60 килограммов. Да, находка всем на удивление. Несомненно, это бивень мамонта. Взятой на всякий случай рулеткой измеряю его: длина — 2,55 метра, обхват у основания — 48 сантиметров. Поражали не только размеры и хорошая сохранность бивня, но и цвет его — почти сплошь ярко-голубой, словно кто-то покрыл кость известью с большой примесью синьки.

Сделала это сама природа. Слой голубой краски на поверхности бивня не что иное, как вивианит — вторичный минерал, образующийся в болотистых местах при разложении костных остатков. В старину вивианит называли «синей болотной рудой» и получали из него прочную голубую краску. Научное название его — водный фосфат окиси железа.

Весть о находке бивня мамонта быстро облетела Хабаровск. Газета «Тихоокеанская звезда» опубликовала снимок, на котором Василий Степанович стоял у выкопанного бивня, и короткое сообщение.

По-разному встретили появление нового экспоната

в музее хабаровчане. Одни — с чувством радости, другие — скептически, сомневаясь в возможности пребывания мамонтов на территории нынешнего Хабаровска.

— А не занесло ли водой откуда-нибудь этот бивень, — спрашивали они, — или, может, кто завез его задолго до революции с Севера?

Я решил снова посетить котлован на Промывочной, но не один, а в сопровождении геологов и палеонтологов Дальневосточного геологического управления. Василий Степанович встретил нас радушно, хотя мы и мешали ему. Когда я начал было извиняться за вторжение, он улыбнулся и сказал:

— Да что там, не так уж часто вы у нас бываете, не часто и находить такое случается. Признаться, мы думали, что нам запретят вести дальше строительство: начнут здесь раскопки и стройку перенесут.

Получив у мастера разрешение на осмотр, наша группа спустилась в котлован. Здесь горел костер, вокруг которого грелись озябшие строители.

— Здравствуйте, товарищи! Не попадалось ли вам что-нибудь интересное? — обратились мы к ним.

— А чем вы интересуетесь? — в свою очередь осведомились рабочие. Я ответил.

— Нет, больше таких бивней не находили, а вот по мелочи кое-что попадалось. Тут утром позвонок ребята в костер кинули, горел хорошо.

Заметив, как я расстроился, один из строителей протянул обломок почти полностью разложившегося бивня:

— Вот возьмите, только что подобрал.

Переговорив с рабочими, геологи и палеонтологи приступили к тщательному осмотру дна и обнажений котлована. Я присоединился к ним. Стены котлована, схваченные морозом, напоминали вафли. Сверху чернел торфянистый слой почвы, затем шла трехметровая толща желтоватой глины, а ниже лежали пласты тяжелого

спрессованного ила. И весь этот илистый горизонт был усыпан голубыми звездами вивианита. Мы находились на дне древнейшего болота.

Пока специалисты брали пробы грунта с разных горизонтов, я выбрался наверх, чтобы обследовать отвалы земли, вынутой со дна котлована. Вскоре мне повезло найти два осколка крупной кости и полуметровый обломок рога бизона. Моими поисками заинтересовались водители самосвалов. Один из них сообщил, что в его кузове вместе с грунтом оказалась какая-то крупная кость, но он, не придав этому значения, завалил ее землей. Другой таинственно шепнул, что нашел несколько костей и спрятал их поблизости. Мы тут же пошли с ним, но, к сожалению, костей на месте не оказалось.

— Видать, на черенки к ножам забрали, — вздохнул водитель. — Наш бульдозерист тоже взял себе небольшой зуб. Поговорите с ним, может, отдаст.

Однако бульдозерист, о котором шла речь, сменился после дежурства.

Несколько мелких осколков костей удалось найти и геологам. Все собранные нами кости были покрыты толстым слоем вивианита. Теперь уже сомнений не могло быть: в котловане покоился не только мамонт, но и бизон.

— Не торопитесь, Всеволод Петрович, утверждать, что это останки именно мамонта, — заключил геолог Станислав Петрович, большой знаток рыхлых отложений. — Возможно, это трогонотериевый слон. Тогда возраст останков не 35—40 тысяч лет, а около 100 тысяч. Необходим специальный анализ проб. Только точно определив возраст отложений, можно судить о том, кому принадлежали эти кости.

Перед нашим отъездом со стройки ко мне подошел Василий Степанович:

— Вы бы как-нибудь рассказали нам о мамонтах... Я дал согласие. И вот через неделю приехал на стройку снова. Тщательно осмотрел отвалы еще раз, собрал мелкие осколки костей. За это время рабочие собрались в домике, и я поведал им все, что знал о мамонтах.

Есть предположение, что хоботные впервые появились в Африке (это их родина и теперь) в третичном периоде и переселились оттуда не только в Европу и Азию, но и в Америку, перейдя по пути через Берингскую сушу. За последние 58 миллионов лет многие предки слонов вымерли. В настоящее время на Земле сохранилось всего два вида из некогда многочисленной группы хоботных — индийский и африканский слоны. Наиболее древними и похожими на современных слонов были мастодонты и так называемые южные слоны.

Во время одного из четвертичных оледенений южные слоны вымерли, но их прямые потомки — трогонотериевые слоны, не столь массивные, приспособились к похолоданию климата.

Первая находка трогонотериевого слона в нашем крае отмечена в 1946 году. Ископаемые кости были выявлены в карьере кирпичного завода города Вяземского в отложениях надпойменной террасы реки Уссури на глубине 6—7 метров. По заключению палеонтологов, в ту пору территорию современного Вяземского района занимала лиственнично-березовая лесостепь с травянистым покровом из полыни и злаков. Слон назван по имени своего современника трогонотерия — крупного грызуна, похожего на бобра.

Проходили тысячелетия, и на смену вымершему трогонотериевому слону пришли его потомки мамонты, более приспособленные к холодному климату. От морозов их защищали густой и длинный волосной покров, толстый подкожный слой жира. Звери достигали четы-

рехметровой высоты, а их бивни были длиной почти до пяти метров. Пара таких бивней весила не менее 400 килограммов!

Конечно, не все мамонты были исполинами. Знаменитый березовский мамонт, превосходно сохранившийся в толще сибирской вечной мерзлоты, отличался двухметровым ростом при длине туловища 3 метра. Вес его не превышал двух тонн, а длина бивня, весившего 21 килограмм, составляла 1,75 метра. Правда, это был молодой самец.

Миролюбивые мамонты питались преимущественно древесной растительностью, а их огромные бивни (видоизмененные резцы, а не клыки!) помогали им находить корм под толщей спрессовавшегося снега.

Мамонты широко заселяли некогда Землю. Они обитали во всей Северной Европе, но особенно много их водилось в Северной Азии. Появившись в Сибири в доледниковое время, они исчезли с лица Земли 10 тысяч лет тому назад. В прошлом веке в Сибири мясом вытаскивавших из-под земли волосатых слонов нередко питались собаки и дикие звери.

В палеонтологии и археологии «мамонтами» прежде называли всех ископаемых слонов четвертичного периода. Вот почему и хабаровскую находку тоже можно отнести к мамонтам. Со временем ученые определяют разновидность этого ископаемого слона и уточнят его название.

Но почему же вымерли мамонты — неприхотливые и, казалось бы, приспособленные к суровому климату животные? И почему именно в пору, когда ледники стали отступать? На эти вопросы наука пока не дает однозначного ответа. Одни ученые объясняют вымирание мамонтов «перепромыслом» их первобытными охотниками, другие — геологическими и климатическими изменениями на Земле. Есть мнение, что этим животным повредила узкая специализация к сухому холоду и именно

поэтому они не смогли переступить через климатический рубеж послеледникового периода.

Можно допустить, что в Европе первый в истории Земли экологический кризис повлек за собой исчезновение мамонтов, но как объяснить их массовую гибель на Севере Сибири и Дальнем Востоке, в почти безлюдной тундре? Очевидно, вымирание мамонтов произошло не по одной какой-то причине, а вследствие действия целого комплекса факторов.

Мамонты играли большую роль в жизни людей эпохи палеолита. Мясо и жир гигантов помогали им выстоять в борьбе за жизнь; кости, этот «кокс палеолита», — поддерживать огонь в жилищах, остов которых был сложен из ребер мамонта и обтянут его же шкурой. Бивни шли на различные поделки, а также на изготовление оружия. Древние художники оставили изображения мамонта в «картинных галереях» эпохи палеолита, и именно с них начинается история искусства.

Охота на мамонта была трудной и опасной. Первобытные охотники, вооруженные дубинами и дротиками, иногда загоняли этих огромных животных в болота и топи. Увязая, они становились добычей человека. Нередко мамонты угоджали в глубокие ямы, выкопанные на тропах, ведущих к водопою, и сверху замаскированные. В Чехословакии, например, найдена стоянка древних охотников, вблизи которой покоились останки не менее чем тысячи мамонтов.

Исчезновение этих животных до основания потрясло экономику общества верхнего палеолита.

Не так давно на берегу реки Берелёх (приток Индигирки) удалось размыть огромное «кладбище» мамонтов, живших 12 тысяч лет тому назад. Дата определена с помощью радиоуглеродного метода. Профессор Н. К. Верещагин, выезжавший на Берелёх по приглашению якутских ученых, рассказал об этой загадке при-

роды в очерке «За мамонтами в Якутию», опубликованном в 1977 г. в ежегоднике «Дальневосточные путешествия и приключения».

В 1971 году неподалеку от «кладбища» мамонтов на Берелёхе археологи открыли стоянку палеолитических охотников. Здесь же палеонтологу Б. С. Русанову посчастливилось найти хорошо сохранившуюся ногу мамонта, которую он назвал «охотничьим трофеем охотников палеолита». Упрятав свою долю добычи в естественный «холодильник», первобытные охотники почему-то так и не воспользовались ею. А вечная мерзлота сохранила «трофей» до наших дней.

Во все времена люди интересовались «слоновой костью», высоко ценившейся на мировом рынке. По свидетельству историков, трон хана Золотой Орды и скипетр русского царя были вырезаны из бивней мамонта. В XVIII веке в Европе бивни сибирского мамонта котировались под названием «российская слоновая кость». Крупный русский ученый-естествоиспытатель А. Ф. Миддендорф утверждал, что за двести лет на разных рынках были проданы бивни не менее чем 20 тысяч мамонтов. По данным других исследователей, — вдвое больше.

Замечательная резьба по «мамонтовой кости» неизменно изумляла и приводила в восторг посетителей выставок прикладного искусства малых народов Сибири и Крайнего Севера. Образцы ее хранятся и в Магаданском музее. От чисто-белой окраски до почти черной и от светло-желтой до коричневой — таковы возможности цветовой гаммы драгоценной кости, позволявшие художникам находить необходимый для их произведений фон. Особенно хорошо мне запомнилась белоснежная упряжка собак, вырезанная из бивня молодого мамонта.

Но вернемся к хабаровским мамонту и бизону. Мощные отложения ила в котловане, где были обнаружены

останки этих животных, позволяют предположить, что здесь в древности находилась обширная трясина. В ней-то и увязли звери. Но что их привело сюда: загнали охотники или сами забрели, привлеченные обилием растительности? Это станет ясно после новых поисков и открытий, и не только костных останков животных, но и, возможно, каменных орудий первобытного человека.

Некоторые скажут: мамонт — это экзотика, стоит ли придавать находке особое значение? По-моему, стоит! Место, где выявлены ископаемые останки, становится известным для мировой науки. Как знать, может, где-то рядом в земле таится «недостающее звено», открытие которого поколеблет устоявшиеся представления о прошлом человечества.

Преданья старины

История всегда волнует. Такова ее особенность. И всегда интересно знать прошлое земли, на которой ты живешь.

Наш советский Дальний Восток... Что было здесь два-три века назад? Пройдемся по залам Хабаровского краеведческого музея, прикоснемся к седой старине. О чем она поведаст нам?

Дальний Восток был открыт и заселялся русскими с середины XVII века. Кому же принадлежали земли Дальнего Востока до прихода сюда наших предков? Какие здесь жили племена?

В IV—III веках до н. э. Китай опоясывался великой стеной, отгораживаясь от кочевников. Кто были эти кочевники? Сперва хунну, сяньби и жужани, затем тюрки, еще позднее — воинственные тибетцы. На далеком Северо-Востоке, защищенном от экспансии китайских богдыханов непроходимыми горами, обитали мохэсцы.

Древнетунгусские племена мохэ были многочисленными и сильными. В VIII веке н. э. мохэсцы, объединенные князем Цзожуном, создают государство Бохай. Как свидетельствуют древние летописи, Бохай был «одним из самых цветущих государств на берегу Восточного моря, страной просвещения и ученых».

В экспозиции краеведческого музея есть реконструкция бохайского храма, выполненная по данным советских археологов. Нельзя не отдать должное искусству архитекторов и строителей Бохая, творчески овладевших достижениями зодчих Восточной и Юго-Восточной Азии. Стихи же бохайских поэтов даже заучивались наизусть в далекой Японии.

В 926 году родственные монголам кидани разгромили войска бохайцев и захватили значительную часть территории их государства, за исключением Приморья и Приамурья. Эти земли, находившиеся в номинальной зависимости от Бохая, сохраняли свою самобытность и впоследствии. Вскоре на исторической арене появляются чжурчжэни — сородичи мохэсцев. Объединил чжурчжэней, как известно, Агуда. Он разбил войска киданей и провозгласил себя в 1115 году императором. Созданное в период кризиса патриархально-родового строя, чжурчжэньское государство постепенно трансформировалось в военное раннефеодальное, а затем и в мощную централизованную военно-бюрократическую монархию.

В течение одного десятилетия чжурчжэни под предводительством Агуды уничтожили империю киданей Ляо. Покончив с киданями, чжурчжэни объявили войну Сунскому Китаю и в 1126 году завладели его столицей Бяньцзин (Кайфын), поставив династию Сун в подчиненное по отношению к династии Цзинь положение. К 1142 году Суны потеряли половину Китая и откати-

лись далеко к югу от реки Хуанхэ, не помышляя более о военных действиях против Цзинь.

Чжурчжэни отличались большой воинственностью. Занимаясь скотоводством и земледелием, а также охотой и рыбной ловлей, умели плавить и обрабатывать металл, понимали и ценили искусство. Чжурчжэньские ученые создали не менее 400 научных трудов на родном языке.

Не затих еще в степях Центральной Азии топот чжурчжэньской конницы, ходившей походами на татаро-монголов, как просторы Гоби сотрясают вопли разноплеменных полчищ Темучжина, принявшего титул Чингисхан. Бросив в 1209 году вызов чжурчжэням, Чингисхан в течение трех лет (1211—1214) опустошил Северный Китай, входивший в состав Цзинь, а в 1216 году монголы вторглись в южные чжурчжэньские владения с запада.

В 1234 году, уже после смерти Чингисхана, государство чжурчжэней пало. В последние годы война велась монголами в союзе с китайцами. Сокрушив Цзинь, Чингисиды разбили сунские войска и намеревались вырезать всех китайцев, чтобы на просторах «Поднебесной» без помех выпасать своих скакунов. По преданию, от этой чудовищной затын монгольскую верхушку отговорил советник Елюй Чу-цай, потомок киданьских императоров.

Трагической была участь побежденных чжурчжэней. Сотни тысяч их воинов пали на поле брани, семьи беспощадно истреблялись.

Музейная экспозиция дает представление об уровне развития культуры чжурчжэней. Здесь выставлены кирпичи из стен храмов, металлические монеты, нефритовые и бронзовые украшения. Особенно интересны меч, части железного панциря и наручней чжурчжэньского

воина, найденные В. К. Арсеньевым в 1913 году у железнодорожного моста через Амур.

Однажды мне довелось пополнить чжурчжэньскую коллекцию. Получив сообщение от связистов, копавших ямы под столбы в районе села Невельского, я выехал на место работ и вскоре извлек из земли железные ножницы, бронзовое зеркальце с изображением на тыльной стороне женьшена, маленькие бронзовые шипчики (видимо, для удаления волос), бронзовое запястье, серебряное кольцо и целый «сервиз» фарфоровых пиал.

На территории музея стоит черепаха, высеченная из гранита, со стелой на спине — символ вечности и покоя. Описанная в 1870 году П. Кафаровым, она была доставлена из-под Уссурийска в Хабаровск в 1896 году и торжественно установлена перед музеем, как раз ко дню его открытия. 80 лет простоял этот памятник культуры дальневосточного средневековья на одном месте, пока в 1977 году зачем-то не переставили его на пригорок за павильоном со скелетом кита. А жаль! Загадочное изваяние превосходно вписывалось в архитектурный ансамбль музея.

В экспедиции с академиком А. П. Окладниковым

Появился Алексей Павлович в нашем музее как-то незаметно, однако хорошо знал, где и что находится. Да это и понятно: ведь свою научную деятельность он начинал сотрудником Иркутского музея. Не случайно ученый относился и к нашему музею по-родственному, считая его как бы своим домом в период полевых работ в Приамурье.

Первое знакомство с Хабаровским музеем состоялось у него еще в 1935 году, когда Алексей Павлович намеревался, спускаясь по Амуру, провести археологическую разведку в Приамурье.

В год нашей встречи А. П. Окладников решил приступить к более обстоятельному изучению древних культур Дальнего Востока.

Высокий, стройный, быстрой легкой походкой вошел он ко мне в кабинет, словно к старому знакомому, и, не сводя с меня добрых лучистых глаз, заговорил о предстоящих исследованиях на Амуре, в которых, как он надеялся, приму участие и я, о том, как прекрасно путешествовать по нашему краю. Мне казалось, что мы давно знаем друг друга и даже где-то работали вместе.

Алексей Павлович привлекал неисчерпаемым оптимизмом, юношеской бодростью духа, искренним человеколюбием. Он говорил о наших далеких предках как о своих знакомых — с восторгом, душевной теплотой и уважением.

Окладников очаровал меня с первого взгляда, и это чувство не иссякает во мне много лет. Раньше мне почему-то представлялось, что археологи — пожилые люди. Алексея Павловича окружали молодые парни. В большинстве своем его помощниками были студенты и даже учащиеся старших классов, которых он охотно брал с собой на летние раскопки.

Нетребовательный к комфорту, скромный во всем личном, Алексей Павлович неотлучно находился среди своих юных питомцев. Во дворе музея стояла грузовая автомашина экспедиции, крытая брезентом, из-под которого иногда торчали ноги спящего шофера или художника, а сам Окладников, устроившись на полу музейного домика, до поздней ночи обсуждал детали полевых работ. И не потому, что для известного профессора не нашлось бы номера в гостинице, — просто он полагал,

что лишний час общения с сотрудниками принесет только пользу делу.

— Местом, где стоит Хабаровск, интересовались люди разных эпох. Они охотно селились здесь и тысячу, и десять тысяч лет тому назад, — говорил ученый.

Вскоре эти древние поселения были им открыты в районе Хабаровского спиртзавода. Здесь при раскопках археологи выявили следы жилищ и мастерских.

Помню, с каким ликованием ученик Окладникова Виталий Ларичев, ныне почтенный доктор исторических наук и писатель, принес в музей каменный «верстак» первобытного человека. Нашел он его возле того же спиртзавода, скрепил гипсом и советовал обязательно поместить в экспозицию.

Всех, кто бывал в экспедициях Алексея Павловича, всегда поражали его удивительная зоркость и интуиция археолога. Однажды, прогуливаясь по городскому парку около утеса, он на одной из тропинок обнаружил едва заметный краешек сосуда, изготовленного несколько тысячелетий тому назад. Где бы мы с ним ни бывали, он никогда не забывал осмотреть обрывистый берег, овраг, строительный котлован, почвенный разрез. И земля щедро открывала ему то, что прятала от других: то кремневый наконечник стрелы, то тонкую ножевую пластинку, то осколок древней керамики.

С окончанием летнего полевого сезона А. П. Окладников обычно возвращался в Ленинград, на свою зимнюю квартиру, с тем чтобы летом будущего года снова появиться на Дальнем Востоке.

В начале шестидесятых годов я занимался полевым обследованием Девятки — притока Горина. Необходимо было выяснить, смогут ли завезенные в край бобры прижиться на берегу этой реки. Изучая почвенные разрезы, мы иногда извлекали обломки древних сосудов, а то и каменные орудия.

Я сообщил об этом местному учителю В. Шабурову, и тогда он показал мне богатейшую археологическую коллекцию, собранную под его руководством учениками Кондонской школы.

— Где же вы обнаружили эти сокровища? — спросил я краеведа.

— На берегу реки, на огородах, причем прямо на поверхности земли, — ответил он. — Если вас они так заинтересовали, можете взять для музея, мы соберем еще.

При случае я показал коллекцию Шабурова Алексею Павловичу. Заинтересовавшись находками и отобрав некоторые из них, профессор решил на будущий год выехать на Девятку и слово свое сдержал.

Восемь рек впадает в большое живописное озеро Эворон, и только одна вытекает из него, почему и называли ее Девяткой. На этой реке стоит древнее нанайское село Кондон. Сюда и прибыла археологическая экспедиция А. П. Окладникова. Наш музей принимал в ней участие. Раскопки велись на окраине села.

С первых же шагов — обилие всевозможных находок: керамика, каменные мотыги, грузила для сетей, скребки, тесла. Чем глубже проникала лопата археолога в землю, тем больший интерес проявляло местное население к нашей работе. Старики нанайцы, не говоря о детях, часто посещали раскопки, предлагали свои услуги, рассказывали старинные легенды и предания.

Как-то пришел на раскоп и председатель кондонского национального колхоза «Сикау-Покто» («Новый путь») Ермиш Владимирович Самар и сказал Окладникову:

— Хорошее дело вы делаете, Алексей Павлович! Давайте договоримся: мы будем начислять трудодни тем колхозникам, которые будут работать у вас проводниками или землекопами, а вы поможете создать в Кондоне народный музей. Хорошо показать бы в нем не толь-

ко достижения древней культуры, но и возрождение нанайского народа за годы Советской власти.

Желание Е. В. Самара было позднее осуществлено при горячей поддержке А. П. Окладникова. В настоящее время в Кондоне существует нанайский народный музей. А раскопки приносили все новые и новые открытия. Особый интерес представляли наконечники стрел и копий, кремневые ножевые пластины, женские украшения, орнаментированные глиняные кувшины, нефритовая блесна для ловли рыбы, глиняные статуэтки. Одна из них была выполнена со столь тонким художественным вкусом, что археологи называли ее «Кондонской Венерой».

Уже вскрыто больше сотни землянок древнего поселения на Девятке, а конца им не было видно. Позднее радиоуглеродный анализ показал, что люди жили на Девятке в середине III тысячелетия до н. э. По тем временам это был целый город.

Что же притягивало человека к этому месту? Прежде всего обилие пищи. Река Девятка столь богата рыбой, что совсем недавно ее черпали из проруби сачком, как из бассейна в магазине по продаже живой рыбы. По берегам — множество водоплавающей птицы, разного зверя. Для охотника и рыбака трудно найти лучшее место. Кроме того, Кондон стоит на месте, через которое проходила большая дорога древних обитателей края из Приамурья на Охотское побережье. Начинался путь по реке Горин, шел Девяткой, пересекал озеро Эворон, вился по заболоченному Эвуру, спускался по Амгуни до Немилена, поднимался по нему до Тугурского волока, а затем выходил по Тугуру к Тугурскому заливу Охотского моря. Доводилось и мне в разное время ходить этим путем на лодках — и везде от Девятки до Тугура встречались следы пребывания древнего человека.

Несколько лет вел раскопки в районе села Кондон А. П. Окладников. Много уникальных предметов извлекли из земли археологи. Теперь весь мир знает об этом замечательном историческом уголке Дальнего Востока, описанном А. П. Окладниковым в одной из глав пяти-томной монографии «История Сибири», за создание которой он удостоен Государственной премии СССР.

Покидая Кондон, я приобрел для Хабаровского музея берестяную нанайскую оморочку. Эта легкая лодка имела в длину восемь метров, и хотя ее мог свободно поднять один человек, транспортировка оморочки оказалась делом непростым. На воде она была надежной, на земле же оказалась хрупкой. Ни на тракторе, ни на машине отправить ее было невозможно, а заказывать для ладьи железнодорожную платформу — хлопотно и очень дорого.

Решили сплыть по Горину. Художник экспедиции Михаил Раменский, человек, не равнодушный к экзотике, вызвался провести оморочку, а мы сопровождали его на резиновой лодке. На сплав ушло несколько дней. Однако, пригнав ладью в Комсомольск, мы еще раз столкнулись с препятствиями: на пристани оформлять столь негабаритный груз отказались. Помог наш кинооператор Олег Максимов. Он официально заявил, что лодка ему необходима для съемок, во время которых А. П. Окладников должен проплыть на оморочке по Амуру на фоне Хабаровска. Имя профессора подействовало магически: лодку приняли на борт теплохода моментально.

После Кондона я путешествовал с А. П. Окладниковым по Амуру, участвовал в раскопках в Нижнетамбовском и на острове Сучу, что напротив Мариинского. Местное население называет Сучу Щучьим островом. Этот небольшой, высокий и очень живописный остров, омываемый протоками Амура, некогда был его правым

берегом. Здесь на протяжении многих веков селились предки ульчей.

Прибыли мы на остров в сентябре. Назойливый холодный ветер пронизывал легкие летние домишки, в которых ютились участники экспедиции. Там даже не было печей. Замерзая днем, мы не могли согреться и ночью. Алексей Павлович не давал никому унывать. Поднимаясь раньше всех, он начинал готовить завтрак, подбадривал молодежь шутками. Мягкий окладниковский юмор создавал легкую атмосферу приподнятости, а как бесподобно владел он лопатой! Глядя на него, невольно самому хотелось копать и копать.

На Сучу мне посчастливилось найти замечательно орнаментированный сосуд и несколько хорошо отшлифованных тесел. Алексей Павлович похвалил мое усердие и добавил, что я наделен не только охотничьим чутьем, но и «нюхом» археолога.

Тем временем холод выживал нас с обдуваемого со всех сторон Сучу. По ночам донимали заморозки. Окладников, в легких сапогах и короткой синтетической курточке, был бодр и ласков и не унывал.

Во время полевой жизни я видел Алексея Павловича в разных трудных условиях — бездорожья, отсутствия теплого крова и еды, в состояниях недомогания и великой усталости, но никогда не видел его злым или раздражительным, жестким или мрачным. И не потому, что он умел сдерживать себя, просто эти черты отсутствуют в его характере. Все, кто работал с Алексеем Павловичем, искренне любили его и были всегда к нему очень привязаны. Учеников он имел всегда много, есть они и теперь. Это, как правило, хорошие ученики, его талантливые последователи.

Однажды я неодобрительно отнесся к молодому археологу, оспаривавшему научную версию академика Окладникова.

— У Мичурина, — заметил Алексей Павлович, — по этому поводу высказана правильная мысль: «Мои последователи должны опережать меня, противоречить мне, даже разрушать мой труд, в то же время продолжая его. Из только такой последовательно разрушаемой работы и создается прогресс». Я думаю, мои ученики будут следовать совету Мичурина, — улыбнулся ученый.

Успех всегда сопутствует А. П. Окладникову — и при раскопках, когда он собирает богатый материал, и в страстной охоте за писаницами. И если в XIX веке Б. Лауфер первым описал петроглифы Сикачи-Аляна, то А. П. Окладников впервые в науке раскрыл их тайну. В своей замечательной книге «Петроглифы Нижнего Амура» он пишет: «...Примерно 10—12 тысяч лет тому назад, когда на Нижнем Амуре еще не было известно искусство изготовления глиняной посуды, на камнях в Сикачи-Аляне появились первые изображения животных и птиц... В неолите, около 6—5 тысяч лет тому назад, а может быть, и раньше, появились антропоморфные изображения — маски или личины». А. П. Окладников убедительно доказал: самобытное искусство амурских племен имеет «свое собственное, местное начало на собственной амурской земле».

— Нет цены древним наскальным рисункам Сикачи-Аляна! — говорил Алексей Павлович. — Эти уникальные памятники истории Амура интересовали многих ученых еще в XIX веке. Так, Лауфер хотел спилить рисунки камней, чтобы увезти их в Америку.

Алексея Павловича всегда волновала судьба сикачи-алянских писаниц. Осматривая их во время своих поездок по Амuru, он то советовал перевезти камни с петроглифами из Сикачи-Аляна в Хабаровский музей, то предлагал создать на месте музей-заповедник под открытым небом. И всегда огорчался тем, как медленно решаем мы эту проблему.

Недавно я получил от него письмо: «...Лучшее место для черепахи — в Сикачи-Аляне, где следует реализовать мою же идею о создании заповедника между Малышево и Сикачи-Алян. Чтобы там была и древность и природа, а мы могли бы производить ежегодно систематические раскопки и охранять памятники. Я и сейчас думаю, что такой город, как Хабаровск, мог бы позволить себе такую «роскошь», а я бы охотно идейно и методически возглавил бы на общественном принципе этот эксперимент. Готов даже под старость переехать туда сторожем...» Скоро академик А. П. Окладников начнет новый этап исследований в Сикачи-Аляне.

Разливы Амура каждый год затопляют камни с рисунками. Невежественные люди разрушают их, используя подчас для технических надобностей. Настало время серьезно позаботиться о сбережении исторического памятника. Прежде всего писаницы необходимо разместить на незатопляемой площадке, накрыть навесом и объявить памятником, охраняемым государством. Хорошо бы издать альбом, воспроизводящий сикачи-альянские петроглифы.

Алексей Павлович не только обогатил наш музей новыми экспонатами, но и был постоянным научным консультантом при разработке экспозиций по древней истории края.

Наш музей часто посещают ученые-путешественники. Осматривая его экспозиции, они всегда спрашивают о последних трудах академика Окладникова. Известный мексиканский антрополог Хесус Лосойя сказал: «В нашем мексиканском историческом музее есть большая красочная схема, показывающая заселение первобытным человеком Северной Америки из Азии через Чукотку и Берингию по Окладникову. Передайте ему мою благодарность!»

3 октября 1978 года Алексею Павловичу исполнилось

семьдесят лет, но он все такой же, как и в молодости. Я хочу сказать, что он ни телом, ни душой не стареет. И по-прежнему поражает окружающих своей юношески кипучей энергией и неутолимой жаждой познания.

Приамурье— земля русская

С именем Ивана Юрьевича Москвитина связано одно из величайших географических открытий в истории человечества. В 1639 году с 11 красноярскими и 20 томскими казаками он вышел к побережью Охотского моря и в устье реки Ульи заложил первое русское зимовье. Бывдя на кочах в море, казаки поднялись на север (до современного Охотска), а в 1640 г. спустились на юг. Если верить «расспросным речам» Нехорошка Иванова Колобова, им удалось даже побывать у Амурского лимана. Но некоторые исследователи полагают, что до Амура Москвитин не доходил, приняв за него реку Уду. Сведения о «земле бородатых», которые «называют русских братьями», всколыхнули Якутск.

В 1643 году из Якутска с целью «государства ясашного сбора и для поиску вновь неясашных людей и для серебряной, и медной, и свинцовой руды и хлеба» на Амур посылается письменный голова Василий Поярков с 133 служилыми людьми. Впервые на Амур выплыли русские челны в 1644 году. Очень тяжелым был поход Пояркова. Лишь в 1646 году он вернулся в Якутск, пройдя по Амуру от Зеи до лимана и затем морем достигнув зимовья, основанного москвитинцами. Участники похода Пояркова открыли Сахалин, собрали ценные сведения о природных ресурсах Приамурья, обычаях, занятиях и промыслах местных племен и сделали вывод

о том, что аборигены ясака никому не платят и в подданстве какого-либо государства не состоят.

В «Истории о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением», изданной в 1757 году Петербургской Академией наук, говорится: «Промышленный человек, уроженец города Соливычегодской Ерофей Хабаров вышел из Якутска в 1649 году, а в 1650-м прибыл на Амур». Цель похода сам Хабаров объяснял так: «Надеюсь привести дауров к ясашному платежу. Соберу с них ясак и пришлю в Якутск». На вопрос местного князя Лавкая: «Зачем пришел на Амур?» — Хабаров ответил: «Мы люди промышленные и приехали для торгу».

За три года Хабаров совершил два похода на Амур и привел в русское подданство почти все местные племена. Им же предпринимались первые попытки заведения русской пашни на новых землях.

В 1665 году на Амур хлынула новая волна русских переселенцев, крестьян и казаков. Вплоть до 1689 года, когда маньчжуры под угрозой применения силы навязали русской стороне свои условия территориального размежевания между Россией и Китаем, на всем протяжении Амура слышалась русская речь и мирным трудом крестьян, промышленников и казаков преобразались суровые дебри. Албазинский уезд, а впоследствии — воеводство, снабжал хлебом Забайкалье, гарнизоны русских острогов на Зее, Бурее и Амгуни; водные и сухопутные коммуникации связывали Албазин с Нерчинском, Якутском и Тугуром; русские купцы проникали в бассейн Уссури, вели торги в низовьях Амура и, очевидно, неоднократно посещали Сахалин...

Передовые русские государственные деятели и ученые, среди которых можно назвать Ф. С. Салтыкова, М. В. Ломоносова, В. А. Мятлева, Ф. И. Соймонова и многих других, неоднократно ставили перед правитель-

ством вопрос о возвращении России амурских земель, но только в середине XIX века российскому правительству удалось заключить Айгуньский (1858) и Пекинский (1860) договоры, по которым Приамурье и Приморье вошли в состав России. Этими же договорами было определено прохождение государственной границы России по Амуру, Уссури, реке Сунгача, озеру Ханка и далее к реке Тумень-Ула, без каких-либо изменений существующей и поныне.

Экспозиция «Открытие и присоединение края» неизменно интересует посетителей музея. Подолгу простаивают они у изваяния Г. И. Невельского работы скульптора Л. М. Бобровникова.

Я знал, что Петровское зимовье — штаб Амурской экспедиции Невельского — находилось в заливе Счастья, на подступах к Амурскому лиману, и давно собирался разыскать хотя бы следы его строений. С этой целью я выехал однажды на Нижний Амур. В Николаевском краеведческом музее экспонировалась карта, на которой Петровское зимовье было обозначено рядом с устьем реки Иски.

Прибыв в залив Счастья, я с трудом подплыл к берегу на плоскодонной лодке. Около устья Иски простирались обширные мели, заселенные морскими водорослями. К такому берегу, конечно, не могли подходить морские суда. Раскрываю книгу Г. И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России». Вот что он писал: «Тщательно осмотрев с Орловым берега залива Счастья, мы нашли, что кошка, образующая восточный берег этого залива, представляет единственную местность, к которой могут подходить суда с моря для подачи грузов...»

Брожу по Петровской косе. Узкая полоска земли покрыта травянистыми полянами, окруженными непроходимыми зарослями кедрового стланика. В сильный

шторм волны Охотского моря местами переваливают через нее в залив. Почти в середине косы выступ в сторону залива Счастья. Берег крут, и возле него сравнительно глубоко. Сюда могли подходить морские суда даже с большой осадкой. Недалеко от этого мыса — квадратная западина от землянки-склада. Здесь я нашел остатки полуразложившегося каменного угля. Взяв образцы для исследования, позже узнал, что он не дальневосточного происхождения. На естественном песчаном валу, судя по вмятинам в почве, некогда стояли казармы, где жили солдаты, матросы и казаки. Воду они брали из колодцев, вырытых в низине. Так вот где размещалось знаменитое Петровское зимовье, в котором Невельского навещали Н. Н. Муравьев-Амурский, Н. К. Бошняк, Н. М. Чихачев, Д. И. Орлов, А. И. Петров и многие другие известные деятели.

В августе 1971 года я снова приехал на Петровскую косу, чтобы установить памятник Амурской экспедиции. Со мной были скульптор Виктор Джунь — автор памятника, студенты Хабаровского пединститута и местные старожилы. Нелегко было приготовить раствор бетона на косе, лишенной пресной воды: ее доставляли в бочках с побережья. И все же через две недели мы справились со своей задачей. Памятник, поднявшийся на берегу залива Счастья, представлял собой четырехгранный бетонный монолит, по форме напоминающий морской кнехт. На одной из его сторон — барельеф Г. И. Невельского, на другой — мемориальная доска с надписью: «Здесь 29 июня 1850 года капитан Геннадий Иванович Невельской основал первое зимовье Амурской экспедиции, назвав его Петровским. В нем жили участники экспедиции, жена Невельского Екатерина Ивановна и дочь Катя».

Первенец Г. И. Невельского — шестимесячная Катенька умерла от цинги на берегу залива Счастья, на-

званного так Невельским. И хотя на Петровской косе отважному капитану пришлось пережить немало горьких дней, все же именно здесь он смог осуществить дело всей своей жизни и, подняв государственный флаг России в Амурском лимане, на Сахалине, в заливе Де-Кастри и Императорской гавани, исполнить долг патриота.

На открытие памятника прибыл писатель Николай Задорнов. Мы с ним долго, но тщетно искали могилку Кати Невельской. Позднее старые нивхи — старожилы этих мест — сказали нам, что их отцы знали об этой могиле, но из большого уважения к русскому капитану сохранили ее тайну.

Николай Задорнов написал прекрасный роман о Невельском. Особенно удался писателю образ верной подруги героя. Юная, только что окончившая институт благородных девиц Екатерина Ивановна Ельчанинова навсегда связала свою судьбу с отважным капитаном. Совершив вместо свадебного путешествия трудный переход по таежной тропе из Якутска в Охотск, а затем морем — в Аян и Петровское зимовье, она прожила несколько лет на Петровской косе, скрашивая будни экспедиции и помогая нивхам. Высоко оценивая подвижнический труд Невельских, Н. Н. Муравьев-Амурский писал 16 мая 1858 года: «Любезный Геннадий Иванович! Сегодня подписан трактат в Айгуни, Приамурский край утвержден за Россией. Спешу уведомить Вас об этом знаменательном событии. Отечество никогда Вас не забудет, как первого деятеля, создавшего основание, на котором воздвигнуто настоящее здание. Целую ручки Екатерины Ивановны, разделявшей наравне с Вами и со всеми Вашими достойными сотрудниками труды, лишения и опасности и поддерживавшей Вас в этом славном и трудном подвиге»...

Говоря о подвиге Невельского, нельзя не упомянуть самого Николая Николаевича Муравьева-Амурского,

всемерно содействовавшего Амурской экспедиции. Это был дальновидный государственный деятель, настойчиво и успешно отстаивавший национальные интересы России на Дальнем Востоке. Писатель И. А. Гончаров, автор «Фрегата «Паллада», побывавший в свое время на Дальнем Востоке, неоднократно встречался с Николаем Николаевичем. Вот как рассказывает он об этом в своих воспоминаниях: «В беседе с ним я успел взглянуть на него, послушаться его мыслей, намерений, целей! Какая энергия! Какая широта горизонтов, быстрота соображений, неугасающий огонь во всей его организации, воля... Он одолевал природу, оживлял, обрабатывал и населял бесконечные пустыни». А. И. Герцен писал, что Н. Н. Муравьев-Амурский был умнее всех царских министров, вместе взятых.

Еще в двадцатых годах на амурском утесе в Хабаровске, неподалеку от музея, стоял бронзовый памятник Н. Н. Муравьеву-Амурскому, созданный академиком А. И. Опекушиным. Есть все основания восстановить статую (в Ленинграде сохранилась авторская копия памятника) и воздвигнуть ее на Амурском или Уссурийском бульваре.

До массового заселения Приамурья русскими и украинскими переселенцами наиболее многочисленными из аборигенов были нанайцы. Перед нами — интерьер нанайского полуземляного жилища XIX века. Живя на берегу лесной реки, нанайцы строили жилье из стволов тонкомерных деревьев и покрывали его корой.

Значительную часть жилища занимала теплая лежанка — изобретение предков нанайцев. Вставленный в очаг плоский чугунок, удобный для варки рыбы... Тут же — большой медный чайник, керамическая и деревянная посуда. На вешалах — крупноячеистая сеть для ловли калуги, сплетенная из тонких полосок лосиной кожи. Удивление посетителей музея всегда вызывает одеж-

да, сшитая из рыбьих кож. Наиболее прочной была кожа, снятая с тайменей, ленков и кеты, а также сазанов. Очищенная от чешуи, высушенная и слегка прокопченная над костром, она выделялась под замшу и служила превосходным материалом для пошива не только халатов, но и обуви. Праздничные халаты из рыбьей кожи богато украшались спиралеобразным орнаментом, вышитым шелком. Из бересты нанайцы делали очень легкие оморочки, на которых плавали по тихим протокам и небольшим озерам. Несмотря на свой утлый вид, такая оморочка могла выдержать на воде тушу лося. Из бересты изготавливались посуда, коврики и головные уборы. Из шкурок, снятых с голов водоплавающей дичи, которой так богат Амур, выделялись нарядные настенные коврики. Следует отметить, что самобытное прикладное искусство народностей Дальнего Востока всегда славилось своей высокой художественностью.

Быт ульчей, селившихся ниже нанайцев по Амуру, мало чем отличался от уклада жизни соседей: основной отраслью их хозяйства также являлось рыболовство, а уж потом охота. В экспозиции есть тяжелый нож-пальма, которым ульчи, совершая поездки зимой на нартах, прорубали дороги для собачьих упряжек сквозь густые заросли прибрежного тальника.

Вдоль горных рек Сихотэ-Алиня обитали удэгейцы. Это были прежде всего лесные охотники и в меньшей степени — рыболовы. Да и рыбу они брали не столько сетью, сколько били ее острогой. Отличительный наряд удэгейца — шапочка с беличьим хвостом наверху. По мнению В. К. Арсеньева, древнейшими насельниками края являются именно искусные охотники-удэгейцы. В экспозиции можно увидеть их луки, самострелы и копьа-рогатины на медведей.

В Северном Приамурье кочевали охотники-оленоводы — эвенки. Олень давал им все необходимое для жиз-

ни в тайге. Из шкур оленей, выделанных под замшу, они шили одежду, унты, рукавицы, седла и переметные сумы, коврики-камаланы. Общаясь с якутами, выменивали у них кремневые ружья и узкие острые ножи.

Если нанайцы и ульчи жили более оседло, то эвенки и удэгейцы вели кочевой образ жизни и даже новорожденных возили с собой в походных люльках. Теперь эти люльки, выдолбленные из дерева, можно увидеть только в музее. Прежде чем завернуть ребенка в какую-либо тряпицу или кожу, его обкладывали лосиной или оленьей шерстью, вполне заменявшей пеленки.

Низовье Амура и часть Охотского побережья занимали нивхи — дальневосточные поморы. Охота за морским зверем и ловля рыбы были их основным занятием. Когда смотришь на нивхскую юбку, сшитую из шкуры нерпы, приходишь к мысли, что современные модницы, щеголяющие в кожаных юбках, ничего нового не придумали.

Все народности Дальнего Востока в прошлом верили в «добрых» и «злых» духов и поклонялись божкам — бурханам, которых они вырезали из дерева и которым приносили жертвы. Шаман, умевший «общаться» с этими духами, перед камланием надевал устрашающую маску и ритуальную одежду. Совершая обряд, он бил в бубен и неистово плясал. Атрибуты камлания сохранились теперь только в музее.

Путешественник, ученый, писатель

Велика сила воздействия арсеньевского таланта! Творениями Фенимора Купера я зачитывался в детстве, но теперь они меня не волнуют, не увлекают. Книги

В. К. Арсеньева я перечитывал неоднократно — и всякий раз они дарили мне великое наслаждение. Их привлекательность — в удивительно гармоническом сочетании интеллекта ученого-исследователя с талантом истинного художника слова. Бережно храню я шеститомное издание Владимира Клавдиевича Арсеньева — наставника мечтательной юности, друга зрелой поры жизни. Его книги стоят на полке, отведенной любимым поэтам. И не случайно — природа в описании В. К. Арсеньева полна поэтических образов.

Он любим народом. Я видел его книги в руках академиков и студентов, старых рабочих и бывалых геологов. И у всех они вызывали большой интерес.

На Дальний Восток я прибыл спустя семь лет после смерти Владимира Клавдиевича. Работая в исследовательских экспедициях, вращался среди людей, знавших Арсеньева. И мы, молодые сотрудники экспедиций, очень оживлялись, когда узнавали, что наши полевые маршруты совпадали с арсеньевскими. Это повышало у нас чувство ответственности. Мы стремились во всем быть достойными Арсеньева.

Проходя не раз трудными маршрутами по Анюю и Мухену, я всегда сравнивал свои наблюдения с описанием этих мест в книгах Владимира Клавдиевича. Мне хотелось осуществить то, что он не успел сделать. И я побывал на Баджале — подняться на эту «крышу» Приамурья мечтал Арсеньев; преодолел заломы Тормасу, не пропустившей его когда-то.

Много исследователей и путешественников прошли и пройдут еще по Дальнему Востоку. Много имен будет связано с его историей и судьбой. Но имя Владимира Клавдиевича Арсеньева, увековеченное в географических названиях на карте Родины, никогда не забудется потомками.

Скульптор Л. М. Бобровников первым предпринял

попытку воссоздать облик замечательного путешественника: в Хабаровске есть два памятника его работы. Один из них — в городском парке, над Амуром, другой — в музее. Замысел скульптора не совсем удачно воплощен в этом скульптурном портрете. Так же неудачны в большинстве фотографии Арсеньева.

И поэтому нетрудно представить нашу радость, когда мы получили из Калуги снимок еще молодого Владимира Клавдиевича. Это с него сделан большой портрет, украшающий теперь экспозицию музея.

В Хабаровском музее хранится много экспонатов, собранных В. К. Арсеньевым, но личных его вещей, к сожалению, мало. Принадлежавшие ему компас и очки мне передал на Тумнинне Мулинка, один из проводников арсеньевской экспедиции 1927 года. Компас Владимир Клавдиевич подарил самому проводнику, а очки — его жене, умелой вышивальщице, зрение которой стало ухудшаться.

Встречался я и с другими проводниками Арсеньева. Удэгеец Мивану Кимонко хорошо помнил «капитана», говорил о нем с большой теплотой. Мивану утверждал, что Арсеньев знал тайгу не хуже любого удэге. Нанаец Гамбука Гейкер из поселка Найхин как семейную реликвию многие годы хранил винтовку — подарок Владимира Клавдиевича.

Во время перехода по горной реке одна из лодок попала в залом. Спасая экспедиционное имущество, Гамбука утопил свое шомпольное ружье. Вечером на биваке он сидел в горестном раздумье. Арсеньев заметил подавленное состояние проводника и, узнав причину, протянул ему свою винтовку:

— Ты спас то, что дороже всего на свете. Не горюй, возьми мою винтовку на память!

Долго потом Гамбука охотился с нею, а когда ему перевалило за сто лет, передал арсеньевский дар музею.

Мы видели, как трудно было старому охотнику расставаться с любимым оружием, и обещали ему выставить винтовку на самом видном месте.

Однажды под Новый год с Кавказа пришло письмо от Комарова, бывшего рабочего одной из экспедиций Арсеньева. Старик вспоминал о рождественской ночи в дебрях Сихотэ-Алиня, когда они вместе с Владимиром Клавдиевичем наряжали голубую аянскую елочку. Комаров просил выслать ему все номера журнала «Дальний Восток» с публикациями о В. К. Арсеньеве.

Когда музей навещали люди, знавшие В. К. Арсеньева, мы пристрасно расспрашивали их. Н. М. Фельдман, активный участник гражданской войны на Дальнем Востоке, друг Виталия Баневура, вспоминал:

— Я слушал лекции Арсеньева для молодежи во Владивостоке в смутное время 1919 года. Говорил он образно, необыкновенно интересно. Мы забывали, что находимся в комнате. Казалось, что сидим вокруг костра после трудного дневного перехода, а рядом — растаявшая в сумерках тайга... Благодаря этим беседам у меня родилось горячее желание посвятить жизнь изучению нашего края. Я избрал делом своей жизни лесное хозяйство.

Клавдия Георгиевна Данилова, бывший финансовый работник, рассказывала:

— Мне тоже доводилось слушать лекции В. К. Арсеньева и печатать его рукописи. У нас на финансово-экономических курсах во Владивостоке было много преподавателей, но никто из них не проявлял столько внимания к слушателям, как Владимир Клавдиевич. Лекции его были такими интересными, доходчивыми, что напоминали дружеские беседы. Если кто отсутствовал, это не ускользало от его внимания. Как-то у курсанта ночью через раскрытое окно стащили костюм, ему не в чем было идти на занятия. Владимир Клавдиевич,

узнав об этом, дал парню денег, и тот смог продолжить учебу.

Время тогда трудное было, и я подрабатывала на этих курсах — была машинисткой и делопроизводителем. Для Владимира Клавдиевича печатала. У него тогда часто ноги болели, но он всегда был веселым, бодрым. «Давай, давай, тезка, — так в шутку называл он меня, — помогай, надо людей на ноги ставить!»

В Хабаровске и поныне проживает Наталья Максимовна Рудичева, некогда помогавшая Арсеньевым по дому.

— Владимир Клавдиевич часто бывал в отъезде, а когда возвращался домой — все больше работал в своем кабинете, — рассказывает Наталья Максимовна. — Очень вежливый, добрый человек был. Учил меня быть честной, аккуратной, порядочной.

Как-то, уезжая в тайгу, позвал меня в кабинет, подвел к своему письменному столу, достал толстую папку с бумагами и говорит:

— Случится пожар, Наташа, спасай только это. Остальное сгорит — не беда! Но это спаси во что бы то ни стало.

Когда в Хабаровск пришла весть о революции, Владимир Клавдиевич вернулся домой веселый, возбужденный:

— Ну вот, Наташа, барина и барыни теперь нет. Есть Владимир Клавдиевич и Анна Владимировна. Так нас и называй.

В сентябре 1972 года общественность Хабаровска отметила столетие со дня рождения В. К. Арсеньева. В музее открыта выставка, посвященная памяти крупнейшего исследователя и певца Уссурийского края. Готовясь к юбилею, мы еще раз убедились, как много сделал для Дальнего Востока Арсеньев. Его труды и наблюдения широко используются не только географами, но и архео-

логами, этнографами, историками. Только в одном Хабаровском краеведческом музее хранятся тысячи экспонатов, собранных этим неутомимым тружеником науки. Деятельность В. К. Арсеньева в музеях Хабаровска и Владивостока — это целая эпоха в становлении музейного дела на Дальнем Востоке.

Родился Владимир Клавдиевич 10 сентября 1872 года в Петербурге в семье железнодорожного служащего.

Любимый писатель детства Арсеньева — Жюль Верн, а настольной книгой его становится «Путешествие в Уссурийском крае» Н. М. Пржевальского. В двадцатилетнем возрасте Арсеньев поступил в Петербургское пехотное юнкерское училище, где его увлечение географией поощрялось преподавателем М. Е. Грум-Гржимайло, братом известного исследователя Центральной Азии.

«С юных лет я заинтересовался Уссурийским краем и тогда же перечитал всю имеющуюся по этой стране литературу», — вспоминал Владимир Клавдиевич.

В 1896 году он окончил училище по первому разряду и получил назначение в Польшу. Однако желание попасть на Дальний Восток не покидало его. Арсеньев продолжает изучать литературу о далеком крае, неоднократно подает рапорты о переводе и, наконец, в 1899 году получает долгожданный вызов в Уссурийский край. «Когда мечта моя сбылась и я выехал на Дальний Восток, сердце мое от радости замирало в груди».

В XX век В. К. Арсеньев вступает офицером, у которого за плечами четыре года службы. Он жадно всматривается в окружающий мир, изучает его. Небольшой деревянный город на берегу чудесной бухты — Владивосток. К домам подступает тайга. Но на Русском острове, где стоит полк, она особенно густая и пышная. «К нам приезжали разные туземцы Дальнего Востока собирать раковины, мидий, крабов, трепангов. Кругом водились дикие звери. А я был молодой петербургский человек

и захлебывался от впечатлений. Я как бы на другую планету попал. Я попросил разрешения организовать охотничью команду и целые дни и недели проводил со своими охотниками в тайге», — вспоминал позже Владимир Клавдиевич.

От окрестностей Владивостока маршруты Арсеньева протягиваются дальше — к современной Партизанской долине, озеру Ханка, заливу Посъета. И в одиночку и со спутниками все глубже в лесные просторы проникает он, открывая для себя целый мир, бескрайний и манящий.

Эти походы стали своеобразной школой, которая подготовила Арсеньева к исследованию горной системы Сихотэ-Алиня. Изучен тогда Дальний Восток был слабо. На расстоянии 60—80 километров от Хабаровска и Владивостока — центров края — начинались дебри, о которых даже топографы и лесоустроители имели приблизительные сведения.

Спустя четверть века Владимир Клавдиевич напишет, как он понимал свою задачу, приступая к исследованиям Сихотэ-Алиня: «Надо ясно отдать себе отчет, что нельзя вести хозяйство страны, не зная ее ресурсов, ресурсы нельзя определить, не зная самой страны, а страну можно познать путем специальных исследований и при помощи точных карт и планов».

Из всех экспедиций Арсеньева самой трудной была экспедиция на Северный Сихотэ-Алинь (1908—1910) — по маршруту Хабаровск — река Анюй — Императорская (ныне Советская) гавань — залив Де-Кастри. Обширная горная страна пересекалась семь раз. Здесь Арсеньев попадал в очень опасные ситуации. В 1908 году на реке Буту произошла авария, утонуло все снаряжение. Отряд голодал в течение 21 дня. «На людей страшно было смотреть, — читаем в «Записках Приамурского отделения Русского Географического общества». — Это были на-

стоящие скелеты, только обтянутые кожей. Некоторые были еще в силах подняться, остальные лежали без движения. Когда стали подходить лодки, силы оставили и Арсеньева. В эту минуту он почувствовал, что не может стоять на ногах, и лег на землю. Опоздай помощь еще на двое-трое суток — и, вероятно, трех четвертей участников экспедиции уже не досчитались бы в живых».

И таких критических ситуаций было немало.

В итоге исследований В. К. Арсеньева система хребтов Сихотэ-Алиня к востоку от Амура и Уссури была положена на карту, удалось описать также побережье Японского моря, более двадцати перевалов через хребет, сделать съемки множества рек.

Арсеньев первым отметил крутизну восточных и сравнительную пологость западных склонов Сихотэ-Алиня. «Он первый установил ту биографическую границу, которая разделяет в Сихотэ-Алине охотскую и маньчжурскую фауну и флору и которую можно было бы назвать линией Арсеньева», — писал наш крупнейший ученый профессор А. И. Куренцов, лучшие годы своей жизни отдавший познанию тайн Сихотэ-Алиня.

«Не будет ошибкой сказать, что горную область Сихотэ-Алиня детально изучил и описал, если не сказать более точно, — открыл для всех нас В. К. Арсеньев», — утверждает профессор Н. Е. Кабанов.

Этих результатов В. К. Арсеньев достиг благодаря своим замечательным личным качествам. «Благороднейший по натуре, Арсеньев обладал железной настойчивостью, неутомимостью и той острой наблюдательностью, от которой не ускользнет ни одна мелочь», — свидетельствует один из его спутников.

«В пути Владимир Клавдиевич работал аккуратно и систематично, — пишет ботаник Н. Е. Кабанов, неоднократно путешествовавший с Арсеньевым. — На таборе он принимал участие в общих работах, а затем подолгу

сидел у костра, думал, записывал, рисовал, чертил до тех пор, пока не оканчивал задуманного».

Все последующие экспедиции, а их было 12, охватывали все новые и новые районы Дальнего Востока: в 1911—1912 годах — на Сихотэ-Алинь для изучения памятников старины, в 1917 году — в горную область Ян-де-Янге (Баджал), в 1918-м — на Камчатку, в 1922 году — в Гижигу, в следующем году — на Командорские острова и, наконец, последняя Сихотэ-Алиньская экспедиция (1927—1928), когда был преодолен путь протяженностью почти в две тысячи километров — от Советской Гавани до Хабаровска.

Экспедиции Арсеньева отличались комплексным характером. Круг его интересов был необычайно широк: он собирал коллекции ботанические, орнитологические, энтомологические, ихтиологические, вел метеорологические наблюдения, интересовался вопросами геологии, изучал культуру и промыслы аборигенов, занимался устройством переселенцев.

После победы Советской власти на Дальнем Востоке все свои знания и силы Арсеньев отдает строительству новой жизни в крае. Он ведает морскими промыслами на Дальнем Востоке, работает ученым секретарем кабинета народного хозяйства при Далькрайплане, консультирует по вопросам природных ресурсов Высший совет народного хозяйства, участвует в организации Акционерного Камчатского общества, представляет Дальний Восток в Академии наук СССР, занимается переселенческим делом, руководит Бюро экономических изысканий новых железнодорожных магистралей. Его избирают членом 16 научных обществ в СССР и за рубежом.

«По возрасту для меня уже наступают сумерки жизни, но, несмотря на это, я постараюсь не упустить ни одного случая, чтобы так или иначе быть полезным», — писал Владимир Клавдиевич незадолго перед кончиной.

В 1926 году Арсеньев председательствует на Первой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока, выступает перед учеными, партийными и хозяйственными деятелями края с докладами и сообщениями.

Таким и запомнили Арсеньева все, кто встречался с ним в последние годы его жизни, — деятельным, устремленным в будущее, излучающим энергию и оптимизм. Писатель Владимир Лидин вспоминал, что, расставаясь с ним, Арсеньев приглашал его приехать снова на Дальний Восток и добавил: «Я уверен, что нет писателя, который, побывав на Дальнем Востоке, не написал бы о нем книги. А знаете, это приятно — остаться в краевой литературе. Подумайте, сколько раз, изучая край, обратятся к вашей книге».

Мы сейчас обращаемся все чаще не только к книгам, написанным В. К. Арсеньевым, но и к его светлому, прекрасному образу. Не случайно друзья Владимира Клавдиевича удэгейцы отказывались верить, что он умер, и полагали, что «капитан» просто ушел в Уссурийскую тайгу...

На плахе истории

В доме номер 20 по улице Шевченко шел капитальный ремонт. Молодые рабочие толпились у автомашин, с шумом разгружая бочки с цементом. Проходя мимо, я поприветствовал их. «Здравствуй, батя!» — нестройным хором ответили парни. Один из них подошел ко мне и с таинственным видом сообщил, что на чердаке дома обнаружен герб Российской империи. «Новенький! Видать, хотели установить на здании, да революция не дала. Может, для музея сгодится, все равно прораб приказал сдать на металлолом», — закончил рабочий.

Пришлось лезть на чердак. Герб оказался чугунным двуглавым орлом, весившим не менее полутонны. Как такую тяжесть снять с чердака трехэтажного здания? Видимо, без подъемного крана не обойтись, но где же его взять? В раздумье спустился я вниз и тут, глядя, как играючи перетаскивают рослые парни бочки, понял, что можно обойтись и без техники. «Ребята! Стащите вниз этот герб, а отсюда мы его на машине перевезем в музей». Уговаривать никого не пришлось. Пока строители справлялись с нелегкой задачей, я поспешил в музей — благо он почти напротив через дорогу — в надежде раздобыть машину.

Однако и этого делать не пришлось. Спустя некоторое время за окном моего кабинета раздался грохот. Похоже на близкие раскаты грома, но на небе ни облачка. В недоумении выхожу из кабинета, а навстречу мне строители: «Мы тут притащили вам орла. Положили его на широкий лист железа и волоком доставили. Так и загрохотал под горку!»

Поблагодарив ребят за помощь, я пригласил их заходить в музей в любое время. А герб мы разместили на смотровой площадке под открытым небом рядом с чугунными пушками. Там и лежать бы ему, если бы не нелепый случай.

Как-то, придя на службу рано утром, я по обыкновению заглянул на смотровую площадку. Герб находился на месте, но был расколот на части — кто-то отбил корону и крыло. Не верилось глазам. Этот громадный чугунный монолит, олицетворение прочности и вечности, оказался уязвимым. Столько рук бережно сняли его с такой высоты, уложили, казалось бы, в совершенно безопасном месте, и вот... Кто это сделал, почему и как? На первые вопросы я до сих пор не могу ответить, а ответ на последний дала улика: ствол одной из чугунных пушек со свежими царапинами, лежавший поодаль.

Сперва мы хотели восстановить поврежденный экспонат. Пригласили сварщика, но после нескольких неудачных попыток он объявил, что сваркой осколки не соединить: чугун не тот.

Не раз останавливался я у злополучного герба в раздумье, пока однажды не явилась мысль: «А ведь то, что произошло с орлом теперь, должно было случиться в семнадцатом году! Нет, не сваривать его надо, а оставить в расколотом виде, как символ краха самодержавия!» С этой идеей я отправился к художнику Н. Н. Кириллову, и он тут же набросал эскиз будущей экспозиции «Падение русского самодержавия».

С эскизом Кириллова я побывал на заводе «Дальдизель», бывшем «Арсенале». В кабинете директора собрались инженеры, и я обратился к ним с просьбой: «Ваши отцы первыми вступили на путь революции. И кому же, как не вам, выполнить почетный заказ для музея: изготовить из нержавеющей стали стрелу молнии. А на ней чтоб дата была красная — 1917». Заказ был выполнен.

Лежит теперь в музейной экспозиции, словно на плахе истории, черный многопудовый двуглавый орел, расколотый молнией революции.

Матрос

Ефим Старостин

В музее экспонируется резолюция, принятая 17 мая 1918 года общим собранием моряков Амурской военной флотилии. В ней говорится: «Мы, моряки, рабочие, мастеровые и служащие, ляжем костями, но не отдадим на

порушение врагам народа морем крови добытую, чисто рабоче-крестьянскую власть...» Под этой резолюцией есть и подпись Е. А. Старостина.

Перечитываю текст документа и вспоминаю Ефима Андриановича — друга нашего музея, бывшего члена ученого совета краеведов. Юноша, служивший на ба-шенной лодке «Ураган» Амурской флотилии, принимает участие в низложении последнего царского генерал-губернатора края Гондатти и под конвоем доставляет его в Петроград. Восставшая столица бурлит. На одном из митингов молодой матрос слушает речь В. И. Ленина и решает твердо: вся власть Советам! По возвращении на флотилию Старостин поддерживает большевиков. 25 декабря 1917 года III съезд Советов Дальнего Востока, созванный в Хабаровске, провозгласил установление Советской власти во всем крае.

Е. А. Старостин выполняет ответственные поручения Дальсовнаркома, а когда 5 сентября 1918 года белогвардейцы и интервенты захватили Хабаровск, сражается на фронтах гражданской войны на Дальнем Востоке.

1 мая 1923 года Ефим Андрианович во главе колонны военморov проходит на параде во Владивостоке, а вскоре сдает удостоверение ответственного работника Амурской флотилии, чтобы получить зачетку студента Дальневосточного университета.

Познакомился я с ним в Хабаровском педагогическом институте, где кандидат сельскохозяйственных наук Е. А. Старостин возглавлял кафедру ботаники. Неторопливый в суждениях, внимательный к людям и отзывчивый, он был любимцем студентов и преподавателей. Когда Ефим Андрианович походкой морского офицера приближался к кафедре, зал затихал в ожидании его выразительной речи, украшенной тонким народным юмором.

До последнего дня своей жизни ратовал Ефим Андрианович за внедрение достижений науки в сельское хозяйство Дальнего Востока. Он был борцом всю свою жизнь, и таким он останется в памяти всех, кто его знал.

Амурский чекист

Иван Николаевич Семикоровкин — желанный гость в музее. Неоценимы советы ветерана гражданской войны на Дальнем Востоке, щедро делится он воспоминаниями о грозном утре XX века.

Живет Иван Николаевич на тихой, усаженной яблонями улице Тургенева, напротив городского парка. Иногда я навещаю его и мы с ним подолгу беседуем. Вот только когда я прошу рассказать о его тревожной, полной опасностей жизни, Иван Николаевич смущается. «Так ты же читал мою автобиографию», — после паузы говорит он.

Да, я знаю, что Иван Николаевич родился на Сахалине в семье бывшего каторжанина, героически погибшего в 1904 году при обороне острова от японцев, что в 1917 году стал членом партии большевиков, одним из первых вступил в Красную гвардию, был лихим разведчиком, партизаном, чекистом...

Чекист! При одном этом слове вздрагивали враги революции. И вот передо мной сидит бывший особоуполномоченный по борьбе с контрреволюцией. Мы пьем чай, и мне так хочется узнать многие подробности из жизни Ивана Николаевича, а он с присущей ему сдержанностью повествует о том, как в 1918 году судьба свела его с П. П. Постышевым.

Видно, недюжинными способностями, энергией и

безупречной честностью обладал Иван Николаевич, колы партия давала ему сложные и ответственные поручения. Вот он с товарищами сопровождает эшелон с оружием в Иркутск, где рабочие ведут бой с восставшими юнкерами. Когда белогвардейцы и интервенты захватывают Хабаровск, одним из последних оставляет город. Позднее участвует в боях за Волочаевку, освобождает Хабаровск.

После гражданской войны, стремясь пополнить свои знания (ведь приходилось быть на руководящей работе), Иван Николаевич поступает в Московскую академию внешней торговли, но вскоре его отзывают на Украину.

В Харькове он на партийной работе, в Киеве — особоуполномоченный по благоустройству и борьбе с безпризорностью. Потом — снова на Дальнем Востоке, но уже в роли крупного хозяйственного деятеля — учеба в торговой академии пригодилась.

Открытое лицо Ивана Николаевича, его добрые карие глаза располагают к себе, и беседа с ним от этого особенно приятна. Гляжу на него и думаю: «Ведь много раз смотрел он в глаза смерти, был несколько раз ранен и контужен, подвергался жестоким пыткам в белогвардейских застенках у Калмыкова, а вот не утратил любви к людям, не ожесточился. Как удивительно сочетается в нем железная воля с душевной мягкостью, беспощадность к врагам революции — с гуманностью, дерзкая отвага — с застенчивостью».

Секция ветеранов гражданской войны при музее, которой он руководит, помогала нам создавать новые экспозиции, подготовила сборник воспоминаний партизан. Иван Николаевич подарил музею свой боевой браунинг, именные часы, медаль и старую фотографию, где он, затянутый в португез, с именным маузером у бедра, запечатлен молодым, полным сил.

Передо мной официальная справка, выданная И. Н. Семикоровкину бывшим начальником органов государственной безопасности в Приамурье Г. Е. Сократом. «Дана настоящая т. Семикоровкину И. Н. в том, что он с 1920 по 1922 год работал в Приамурском областном отделе ГПО старшим оперативным агентом, на которого возлагались особо секретные оперативные поручения по ликвидации контрреволюционных банд...»

Вспоминается один эпизод, рассказанный Иваном Николаевичем.

— В 1920 году в Хабаровск был заброшен белогвардейцами очень опасный диверсант Полозин. В прошлом уголовник, он носил погоны полковника белой армии и руководил группой по организации убийств ответственных работников — П. П. Постышева, С. М. Серышева, Г. Е. Сократа. Бандитам удалось совершить несколько диверсий на железной дороге, поджечь наши военные склады.

Много раз пытались изловить Полозина. Во время последней попытки он убил двух сотрудников розыска, смертельно ранил милиционера, но все же был схвачен и заключен в тюрьму, из которой вскоре бежал.

Тогда мне поручили обезвредить этого матерого врага. Долго я охотился за ним, не раз выходил на след, но Полозин, искусно гримируясь, ускользал. И вот мне стало известно, что этот бандит решил собрать своих людей на Зеленом острове, что ниже железнодорожного моста. Прибыть туда они должны были на лодках, под видом рыбаков. Прихватил я с собой восемь надежных ребят и, как стемнело, спустился вниз по Амуру на катере. К острову подошли с выключенным мотором, без огней. Ночь выпала темная, безлунная. Остров большой, густо зарос тальниками.

Осторожно пробираемся среди кустов. Видим — в ло-

щине полыхает большой костер, вокруг человек тридцать, все вооружены. Что делать? Посовещались и решили брать. Подползли к самому костру. Тут я и крикнул: «Бросай оружие, ложись!» Заметались бандюги, открыли беспорядочный огонь. Они-то нас не видят, а мы из-за укрытия по силуэтам, как по мишеням, бьем. Сразу семь человек насмерть. Тринадцать к земле прижались. Но Полозина среди них не оказалось. Ушел он с остальными на запасной лодке через протоку. Портфель его мы у костра подобрали, а там несколько тысяч японских иен, наган и кипа фальшивых документов.

Только спустя месяц я снова попал на след Полозина. Была у него в Хабаровске зазноба, и жила она по улице, которая теперь носит имя Льва Толстого. Хотя и редко, но навещал Полозин ее там по ночам. Появлялся, конечно, не один и кроме нагана имел при себе гранату. На этой квартире я и решил его взять. Хозяйку предупредил, что будет стрельба, но ее мы не тронем, если не выдаст нас.

Пришел Полозин и сразу начал все вокруг обшаривать, словно чуял засаду. Обнаружив моего помощника, дважды выстрелил в него, но промахнулся и схватил гранату. Медлить было нельзя, и я уложил бандита наповал. Услышав перестрелку, телохранители бросились на помощь к своему главарю, но, встреченные меткими выстрелами моего помощника, потеряли двоих убитыми и разбежались.

Умирая, Полозин с ненавистью процедил сквозь зубы: «Жаль, я тебя раньше не шлепнул. Попадайся ты мне не раз...» Конечно, пощады нам от этого лютого убийцы не было бы, не ликвидируй мы его вовремя.

За плечами Ивана Николаевича 80 лет, но душой он не стареет. Какой яркий молодецкий огонь вспыхивает порой в его очах!

«Дальневосточный Перекоп»

Стремясь избежать войны с империалистической Японией, Советская Россия в 1920 году вынуждена была пойти на создание на Дальнем Востоке буферного государства — Дальневосточной республики. Для защиты ДВР сформировалась Народно-революционная армия под командованием В. К. Блюхера.

К этому времени «партизанский главком» считался одним из талантливейших советских полководцев. Это В. К. Блюхер возглавил легендарный рейд южноуральских партизан, не только вырвавшихся из окружения, но и нанесших ряд смертельных поражений белоказакам. В ту пору учреждается высший революционный знак отличия — орден Красного Знамени, и первым был удостоен этой награды В. К. Блюхер. Затем — борьба за Каховку и штурм Перекопа, во время которого В. К. Блюхер командовал знаменитой 51-й дивизией. Это его осенила дерзкая мысль форсировать Сиваш — Гнилое море, что явилось для врангелевцев неожиданностью и привело их в полное замешательство. Ночной штурм Турецкого вала довершил разгром войск барона Врангеля. Весть о прибытии В. К. Блюхера в Читу, где находилась столица ДВР, вызвала большое воодушевление в частях Народно-революционной армии. После того как правительство ДВР отвергло так называемые «17 требований», выполнение которых, по сути дела, превращало Дальний Восток в колонию Японии, интервенты стали усиленно подталкивать своих марионеток, окопавшихся в Приморье, к новому «крестовому походу» на Москву.

Генерал Молчанов наступал вдоль «нейтральной по-

лосы». Оставлены последние станции на подступах к Хабаровску, части НРА, в которых еще не закончилась реорганизация, отходят и из Хабаровска.

Из Забайкалья на помощь НРА срочно перебрасываются воинские эшелоны. Спустя несколько дней, в конце декабря 1921 года, под станцией Ин белогвардейцы получили, наконец, такой отпор, что откатились к станции Волочаевка. Стремясь удержать этот рубеж, они создают здесь мощный укрепленный район. Не случайно В. К. Блюхер, бравший крымские укрепления Врангеля, сравнивал Волочаевку с Перекопом. К деревушке, где можно было обогреться, подступала господствующая над окружающей местностью сопка Июнь-Корань. Рядом пролежала железная дорога, по которой курсировали бронепоезда, прикрывая подступы к Волочаевке с юга. Окопы и траншеи были обнесены многорядными проволочными заграждениями, многочисленные пулеметные гнезда и хорошо укрытые батареи в любой момент были готовы обрушить на наступающих шквал огня. Под Волочаевкой сосредоточились отборные белогвардейские части. Командовал Волочаевским укрепленным районом полковник Аргунов.

9 февраля 1922 года В. К. Блюхер отдал приказ о штурме Волочаевки.

«Три дня и три ночи длилось героическое Волочаевское сражение, — писал он позднее. — ...12-го вновь пошли в атаку, прокладывая себе путь через проволочные заграждения кто лопатами, кто штыками. Командиры шашками рубили заграждения, бойцы рвали проволоку руками, оставляя на ней кожу, рвали ее тяжестью своего тела. И когда в решающий момент боя единственный наш бронепоезд выпускал последние свои снаряды, а единственный танк «Рено» двигался на проволоку, сразу же подбитый противником, бойцы с криком «Даешь Волочаевку!» ворвались в расположение белых...

Враг был сломлен, потерял веру в себя, проскочил Хабаровск и бежал к югу... Волочаевская эпопея показала всему миру, как умеют драться люди, желающие быть свободными».

И поныне недоумевают военные специалисты: как смогли воины Народно-революционной армии, наступавшие по открытой, насквозь простреливаемой местности, по колено в снегу, при морозе под сорок градусов, плохо обмундированные и полуголодные, овладеть этой твердыней? Видимо, здесь сыграл немалую роль обход врага с тыла, посеявший в его рядах панику и смятение.

5430 штыкам белогвардейцев, оборонявших волочаевский плацдарм, противостояли 4335 штыков народоармейцев. Против 2280 клинков белой кавалерии было 1303 народоармейской. Кроме того, белые располагали 19 орудиями, 103 пулеметами, 2 бронепоездами. У НРА же орудий было 14, пулеметов 170, бронепоездов — 1.

Дорогой ценой досталась волочаевская победа — 1120 человек потеряла Народно-революционная армия убитыми, ранеными и обмороженными. Потери белогвардейцев — 400 человек убитыми и 700 ранеными и обмороженными.

Как только кончился бой, В. К. Блюхер приказал «...немедленно собрать тела всех, кто с беззаветной доблестью погиб в жестоком бою под Волочаевкой, и схоронить их в общей братской могиле на вершине сопки Июнь-Корань, и над этой могилой воздвигнуть достойный памятник».

118 бойцов Народно-революционной армии погребены в братской могиле на Волочаевской сопке. В 1928 году рядом с ней поднялся памятник-музей, на котором застыл народоармеец с поднятой над головой винтовкой, изваянный скульптором-любителем Бадоньи, преподавателем Хабаровского педагогического техникума.

Готовясь к пятидесятилетию освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов, Хабаровский краеведческий музей совместно с секцией ветеранов гражданской войны обратился к министру путей сообщения с просьбой выстроить новый вокзал в Волочаевке, придав ему мемориальный характер. Ходатайство было удовлетворено. В недалеком будущем на сопке Июнь-Корань будет воздвигнут величественный скульптурный памятник героям гражданской войны на Дальнем Востоке.

Вскоре после празднеств, посвященных пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции, я оказался в Москве на совещании в Министерстве культуры РСФСР, где познакомился с художником Сергеем Дмитриевичем Агаповым. Во время перерыва мы разговорились. Сергей Дмитриевич хорошо знал историю гражданской войны на Дальнем Востоке. Особенно его интересовали обстоятельства, при которых была выиграна решающая битва за советский Дальний Восток. «Давайте создадим панораму Волочаевского сражения и установим ее на месте боев», — предложил Агапов.

В Хабаровском музее имелась восьмиметровая диорама, показывающая один из участков сражения под Волочаевкой. Была крохотная диорама и в Волочаевском музее, но все это не шло в сравнение с планом, о котором с таким жаром говорил Сергей Дмитриевич Агапов:

— Писать мы будем вдвоем с Анатолием Андреевичем. Надеюсь, вы слышали о Горпенко. Опыт совместной работы у нас имеется. Полотно должно быть в несколько десятков метров. Конечно, для него потребуются специальное помещение. Забот будет много.

В Хабаровске замысел Агапова получил поддержку в краевых инстанциях, и я телеграфировал Агапову: «Предложение принято. Приступайте к эскизу».

Так началась работа московских баталистов над панорамой. Но, прежде чем взять в руки уголь, художникам пришлось засесть за литературу о событиях гражданской войны на Дальнем Востоке. И лишь после того, как были прочитаны воспоминания В. К. Блюхера и П. П. Постышева, П. М. Никифорова и И. П. Шевчука, сборники документов и исследования ученых-историков, на картон легли первые наброски.

К окончанию работы над эскизом художники пригласили меня в свою московскую студию. Они сообщили, что картина понравилась маршалам К. К. Рокоссовскому и В. И. Казакову.

Это было живописное полотно, передний план которого занимала развороченная взрывом землянка-блиндаж. Казалось даже, что от догоравших бревен веяло жаром. Первый макет панорамы привлекал замыслом показать сражение с сопки Июнь-Корань. Даже в эскизном исполнении панорама оставляла сильное впечатление.

Из Москвы я увозил фотографии с фрагментами эскиза. Хотелось показать их участникам боя, узнать мнение историков. К немалому огорчению, мои коллеги отнеслись к снимкам весьма сдержанно. Не проявляли восторга и участники Волочаевской битвы. Их смущало то обстоятельство, что штурм сопки оказывался в центре картины, а, по их утверждению, решающая схватка происходила на равнине. Да и ландшафт был не наш, дальневосточный.

В начале 1971 года С. Д. Агапов и А. А. Горпенко приехали на этюды в край. Поселили мы их в здании Волочаевского музея, прямо на сопке Июнь-Корань. Из окон виднелась заснеженная равнина, на которой почти полвека назад гремела жаркая битва. В течение февраля художники рисовали Волочаевку и дали, открывавшиеся с сопки Июнь-Корань.

Но как воссоздать, хотя бы фрагментарно, оборонительные рубежи Волочаевки? Вот бы инсценировать небольшой эпизод из штурма укреплений бойцами Народно-революционной армии! Пришлось обратиться за помощью к командованию Краснознаменного Дальневосточного военного округа. И нам в ней не отказали.

Одному из подразделений Дальневосточного округа тут же было дано задание соорудить блиндаж, траншею и проволочные заграждения по правилам фортификации времен первой мировой войны. И когда укрепления были выстроены, взвод пехоты, переодетый в обмундирование НРА, поднялся в атаку.

Беспредельна была радость художников. Ведь натура — мать искусства. О такой натуре они могли только мечтать. К тому же их постоянно консультировал полковник А. С. Сысоев.

С объемистыми ящиками, набитыми многочисленными этюдами, возвращались художники в Москву, а нам предстояло срочно приниматься за строительство здания под панораму. Сначала предполагалось заложить его на сопке Июнь-Корань, рядом со станцией Волочаевка, но, поразмыслив, мы решили сделать специальную пристройку к старому зданию музея в Хабаровске. Здесь, бесспорно, панораму сможет увидеть больше зрителей.

Но одно дело принять решение, другое — изыскать в местном бюджете около миллиона рублей на строительство. С помощью руководства края деньги на пристройку все же были отпущены. Архитектор А. С. Ческидов в соавторстве с конструктором Ф. Н. Мансветовым, оба хабаровчане, вычертили оригинальный по замыслу проект пристройки, не нарушавший архитектурного стиля старого здания музея.

Сооружение панорамы посвящалось пятидесятилетию освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и

интервентов, поэтому Министерство культуры РСФСР дарило краю живописное полотно и брало на себя все расходы по его созданию, перевозке и установке на месте, а они превышали 200 тысяч рублей.

Пока возводилось здание, А. А. Горпенко и С. Д. Агапов нарисовали второй эскиз будущей панорамы. Его осмотрели Маршалы Советского Союза В. И. Чуйков, И. Х. Баграмян, Н. И. Крылов, вдова В. К. Блюхера Г. Л. Блюхер, министр культуры СССР Е. А. Фурцева. Эскиз нравился всем. Это воодушевляло художников.

Наконец настало время приступать к созданию самой панорамы. В одной из московских школ на улице Чайковского (около Арбата) для этой цели был снят спортивный зал, который сплошь заняло огромное полотно длиной в 42 метра и высотой 6 метров. И вот по натянутому и загрунтованному холсту наносится рисунок углем в натуральную величину.

Потребовался целый год для завершения этой работы. И снова картину смотрели знатоки баталий, деятели культуры. Вносятся последние поправки. Во время одного из таких просмотров С. Д. Агапов обратился с вопросом к Маршалу Советского Союза В. И. Чуйкову: «Некоторые участники волочаевских боев утверждают, что штурма сопки Июнь-Корань как такового не было. Битва, по их мнению, шла на заболоченной равнине». — «Не совсем так, — возразил Василий Иванович. — Мы, военные, хорошо знаем, что такое высота, господствующая над местностью, где идет битва. Поэтому и народоармейцы, конечно, стремились прежде всего овладеть сопкой!»

Наступило самое ответственное для художников время — рисунок углем должен превратиться в красочное изображение. Постепенно на обширном полотне стали проступать заснеженные кочковатые долины Амура и Тунгуски, редкие, с пожухлой листвой дубнячки, дымные

облака пожарищ, огненные языки взрывов, бегущие, падающие, стреляющие на ходу бойцы. Волшебная кисть художников-баталистов воскресила легендарную Волочаевскую битву, как будто они сами участвовали в ней.

Через два года, когда была дописана последняя сцена, художники опять пригласили в мастерскую знатоков батальной живописи. Панораму внимательно рассмотрели ветераны гражданской войны на Дальнем Востоке, маршалы и генералы Советской Армии, президент Академии художеств СССР Н. В. Томский, скульптор Е. В. Вучетич. И не было среди них равнодушных, всем нравилось это произведение. Навернутое на специальный стальной барабан, полотно панорамы прибыло в Хабаровск в конце 1974 года. 8 марта 1975 года художники приступили к установке панорамы в специально выстроенном для этой цели помещении краеведческого музея и завершили работу 25 апреля.

Шесть лет в общей сложности ушло на создание «Волочаевской битвы».

...Вы поднимаетесь на смотровую площадку по крутой винтообразной лестнице, словно восходите на сопку Июнь-Корань. С юго-восточного склона ее — места обзора — окружающая местность просматривается на десятки километров, и лишь небольшая возвышенность заслоняет западный сектор горизонта.

Лучше всего начинать осмотр панорамы с юго-западной стороны, откуда ведут наступление главные силы Народно-революционной армии ДВР. Мы видим боевые порядки наступающих частей сводной бригады Я. З. Покуса — 5-го и 6-го стрелковых полков, Особого Амурского и 4-го кавалерийского полков. За героизм, проявленный в бою, 6-й стрелковый полк под командованием А. Н. Захарова впоследствии будет переименован в 4-й ордена Красного Знамени Волочаевский полк.

Перед нами — пристанционная деревушка Волочаев-

ка. Она уже занята народоармейцами. На одном из домиков — красный флаг. Здесь находятся В. К. Блюхер, П. П. Постышев, С. М. Серышев. Из-за горящей избы по укреплениям белых ведет огонь артиллерийская батарея Н. Н. Оглоблина.

На переднем плане — окопы белогвардейцев. Блиндаж-землянка, где находился командный пункт одного из полков генерала Молчанова, разрушен. Левее — полевой госпиталь, заполненный ранеными. Справа — 8-й бронепоезд под командованием И. А. Дробышевского атакует бронепоезд белых. Опасаясь тарана и видя, что железнодорожный мост в тылу подожжен, белогвардейский бронепоезд отходит. Вдалеке видны эскадроны Троицкосавского кавалерийского полка.

Теперь можно снова вернуться к западному сектору панорамы. Здесь завязалась жаркая рукопашная схватка. Господствующую высоту атакуют бойцы 5-го и Особого Амурского полков. В руках командира 7-й роты 5-го стрелкового полка Н. Е. Полынцева развевается красное знамя. Вскоре оно будет водружено на вершине сопки Июнь-Корань как символ победы. На крутом склоне в лесу пылает подожженный снарядом вагончик, служивший неприятелю наблюдательным пунктом.

В хорошо укрепленных траншеях засели каппелевцы и семеновцы. Большинство из них офицеры. Они дерутся яростно, но в окопах царит смятение. Севернее мы видим лихой налет 4-го кавалерийского полка и отрядов партизан И. П. Шевчука и пластунов Ф. М. Петрова-Тетерина. Своим смелым ударом по тылу врага они усиливают нарастающую панику. На переднем плане — брошенные в спешке орудия белогвардейцев. По дорогам на Хабаровск растянулись колонны отступающей пехоты, вереницы санитарных повозок. Горит склад боеприпасов. Вдалеке белеет дымок поезда, в котором убегает от расплаты генерал Молчанов

Трудно рассказывать о панораме — ее нужно смотреть, и не один раз. В чем же притягательная сила этого обширного красочного полотна? Прежде всего в реалистическом изображении одного из завершающих сражений гражданской войны на Дальнем Востоке.

Художники запечатлели решающий момент Волочаевской битвы — 11 часов 30 минут 12 февраля 1922 года. Враг еще очень силен, но уже взята Волочаевка, еще мгновение — и начнется паническое бегство белых. Фигура матроса, достигшего последнего ряда заграждений в одной изодранной тельняшке, как бы передает нестерпимый жар сражения. «Даешь Волочаевку!» — будто звенит в морозном воздухе. Кровь, стоны раненых, удушливая пороховая гарь... И над всем этим — ликующее, яркое солнце дальневосточной зимы. Оно словно олицетворяет сияние немеркнущей славы. Торжество света на полотне знаменует праздник победы революционных сил.

Авторы панорамы Сергей Дмитриевич Агапов и Анатолий Андреевич Горпенко москвичи, известные художники-баталисты.

А. А. Горпенко — ученик профессора Н. С. Самокиша. В соавторстве с баталистами Г. И. Марченко и П. И. Жигимонтом он написал цикл живописных полотен, прославляющих подвиги русских и советских воинов: «Форсирование Днепра», «Сталинградская битва», «Полтавская битва времен Петра I» и другие. Известность Анатолию Андреевичу принесла совместная со скульптором Е. В. Вучетичем и архитектором Б. Я. Белопольским работа по созданию всемирно известного мемориального комплекса в берлинском Трептов-парке. Правительство высоко оценило труд художника: А. А. Горпенко удостоен Государственных премий I и II степеней.

Художник Сергей Дмитриевич Агапов в годы Великой Отечественной войны служил в Тихоокеанском воен-

но-морском флоте лейтенантом. Полюбив всем сердцем Дальний Восток, мечтал воспеть его героическую историю. И вот замыслы С. Д. Агапова наконец осуществились.

Открытие панорамы «Волочаевская битва» в Хабаровске стало значительным событием в культурной жизни края.

Память о Чкалове

В августе 1936 года в Кремле Валерию Павловичу Чкалову вручили орден Ленина и грамоту Героя Советского Союза за беспосадочный перелет Москва — остров Удд. Теперь этот остров, отгораживающий залив Счастья от Охотского моря, носит имя выдающегося летчика.

«Помнят ли здесь о Чкалове, найду ли для музея какие-либо вещи, принадлежавшие герою или просто напоминающие о нем?» — думал я, подплывая на маленькой моторной лодке к острову.

На берегу меня встретили нивхи. Мы подошли к бревенчатым домикам, за которыми на вешалах вялилась горбуша, присели к костру, разговорились.

— Скажите, Пхеин, — обратился я к старому нивху, — вы, наверное, видели Чкалова?

— Видел, видел, — утвердительно закивал седой головой помор. — В тот день такой же туман был. Мы с Еткуном рыбу ловили вон в том заливе. Часов в шесть туман ушел. Смотрим — самолет низко-низко летит. Пролетел над нами, бумагу сбросил. Два раза над нами пролетел, потом недалеко сел. Подбежали к нему. Смотрим — три человека вокруг ходят, колесо ищут. Колесо отломилось — нашли мы его в кустах. Поздоровались с летчиками. Мы себя им, они себя нам назва-

ли. Самый высокий меня спросил: «Поселок есть на острове?» Отвели мы их на рыббазу. Потом много людей на остров пришло, в три дня площадку для взлета построили. Улетел Чкалов. Хороший человек был... Потом мы его бумагу нашли. Он спрашивал, где можно сесть.

— Я слышал, Чкалов вам карабин подарил? — обратился я к Пхейну.

— Да, карабин дарил. Он тогда всем нашим охотникам карабины дарил. А еще патефоны, посуду дарил. Всех крепко благодарил...

У меня шевельнулась надежда приобрести кое-что для музея, однако обступившие меня люди смущенно молчали. Ведь с того дня прошло около тридцати лет. Посуда разбилась, патефоны от сырого воздуха поржавели. А карабины охотники обменяли на новые винтовки. Да, не радовало такое известие...

И все же после долгих поисков я был вознагражден: у одного из нивхов нашелся карабин Чкалова.

Покидал я остров с чувством счастливого человека: в моих руках был подарок великого летчика нашему земляку за оказанную помощь. Побывал Валерий Павлович на острове в 1936 году, а через год весь мир рукоплескал ему и его спутникам Г. Ф. Байдукову и А. В. Белякову за беспосадочный перелет через Северный полюс в Америку.

После поездки на остров Удд времени минуло порядком, как вдруг однажды в кабинет вошел хабаровский школьник Саша Ракитин и положил на мой стол штурманский журнал самолета № 025. Рассматриваю записи в журнале, сделанные знаменитым летчиком:

«18 июня, взлет, — 1.04.

16.22. Идем выше черт его знает какого слоя облачности.

19 июня. 4.30. Видны льды полюса, белые, с трещинами, разводьями и торосами.

13.50. Определили, что идем над Землей Бенкса... срезали лед финкой.

23.55. Высота 6100 м, но облака еще выше. Начался слепой полет Байдукова».

И наконец:

«20 июня. 16.20. Посадка в Ванкувере. Всего были в воздухе 63 часа 16 минут. Израсходовали горючего 7933 литра».

Перелистывал я журнал, и обуревало меня недоумение. Ведь не мог же затеряться такой документ! Пришлось срочно связываться с участником чкаловского перелета Героем Советского Союза, профессором А. В. Беляковым, живущим ныне в Москве. Вот что рассказал нам Александр Васильевич:

«После нашего перелета была изготовлена для выставки в Америке тысяча экземпляров точной копии бортового журнала. Часть из них поступила в библиотеки, остальные раздали ученым и авиаторам, несколько экземпляров даже было продано. Найденный в Хабаровске журнал — один из этой тысячи. Теперь это уникальный документ. Подлинный же штурманский бортовой журнал перелета Москва — Сан-Франциско хранится там, где положено».

Поблагодарили мы Сашу Ракитина и выставили копию журнала для всеобщего обозрения.

Великая

Отечественная война

Кому из дальневосточников не известны имена прославленных снайперов с Амура Максима Пассара и Алексея Самара, истребивших сотни гитлеровцев! В годы Великой Отечественной войны наши земляки

пополняли ряды разведчиков, снайперов, стрелков. Они так же успешно били врага, как и охотились на медведей и волков. В музее хранится боевое знамя воинской части, сформированной в Хабаровском крае и дошедшей до самого Берлина. За годы Великой Отечественной войны с Дальнего Востока в действующую армию были направлены двадцать две дивизии и шесть бригад, десятки тысяч бойцов и командиров. 112 уроженцев нашего края стали Героями Советского Союза. Восемь дальневосточных дивизий и бригад были переименованы в гвардейские. Дальневосточник Петр Кагын 30 апреля 1945 года со своими боевыми товарищами прорвался к рейхстагу, чтобы водрузить над ним Красное знамя — символ победы.

Чтобы приблизить победу, трудящиеся края делали все от них зависящее. Хабаровчане ремонтировали боевую технику, лечили раненых бойцов, собирали теплые вещи и посылали их солдатам-фронтовикам, вносили личные сбережения в фонд обороны.

Все годы Великой Отечественной войны советский Дальний Восток находился под угрозой нападения Японии. Для этой цели японские милитаристы сосредоточили в Маньчжурии полуторамилионную Квантунскую армию.

...Неизгладим в моей памяти августовский день 1945 года, когда Третья Крымская дивизия, в составе которой я находился, форсировав Амур, обрушилась на самураев. На нашем направлении японцы сопротивлялись ожесточенно, засев в бетонированных укреплениях, и, донимая нас ночными вылазками, не щадили наши полевые медсанбаты. Особенно тяжелым был бой под Сунью. Осматривая захваченный вражеский аэродром, его бетонированные посадочные площадки и ангары, я понял, какой тяжелый кулак был занесен над советским Дальним Востоком.

Разгром Квантунской армии произошел поистине молниеносно. Победа была одержана в считанные дни, но далась она нелегко. Тысячекилометровые переходы через горы и болота, сквозь лесные дебри, штурм одетых в бетон и сталь крепостей стоили немалых жертв.

В одном из трофейных складов я обратил внимание на огромный запас теплой ватной одежды больших размеров и рулоны искусственного шелка. Спрашиваю пленного японца-переводчика: «Зачем маленьким японцам такие большие куртки?» — «Это заготовлено для русских военнопленных, — отвечал переводчик. — А шелк — для обмена на продукты у сибирского населения». Да, не сомневались самураи в своей силе и победе, потому и хранили на складах такие запасы. Однако штык советского солдата напрочь перечеркнул планы агрессора. Почти до конца 1945 года простояли мы в Маньчжурии и истосковались по родной земле так сильно, что готовы были целовать ее, вернувшись на Родину...

В экспозиции музея — самурайский меч, разбитая ударом приклада каска японского солдата, ордена «страны восходящего солнца» и, как свидетельство возмездия, — большая фотография, запечатлевшая подписание акта о безоговорочной капитуляции милитаристской Японии 2 сентября 1945 года в Токийском заливе.

Первенцы индустрии на Амуре

Первое, что поражает посетителя в музее, это грандиозность наших планов и высокие темпы развития промышленности, транспорта, науки и культуры в При-

амурье после Великой Октябрьской социалистической революции.

Наш первый завод — «Дальдизель». Созданный в 1902 году для ремонта оружия, «Арсенал» (так назывался тогда «Дальдизель») был единственным в Хабаровске металлообрабатывающим предприятием. С 1922 года завод переходит на выпуск мирной продукции — молотилок и плугов для сельского хозяйства, и называться он стал «Дальсельмашем». В 1934 году началась капитальная реконструкция предприятия, длившаяся шесть лет.

В результате производственные мощности завода увеличились почти в семь раз, а объем продукции возрос в 14 раз!

В годы Великой Отечественной войны завод работал для фронта, но уже в 1946 году получает заказ на производство судовых двигателей К-50, крайне необходимых для рыбопромыслового флота. Спустя десять лет, после очередной перестройки, предприятие снова обслуживает развивающееся сельское хозяйство края. В 1958 году здесь было освоено производство самоходных комбайнов СКГ-3 на гусеничном ходу, одновременно совершенствуется дизелестроение.

Эти комбайны, приспособленные для работы на переувлажненных землях Приамурья, получили высокую оценку и за рубежом. Заводской инженер-конструктор, вернувшийся из поездки на Кубу, рассказывал: «На Кубе до этого были американские и немецкие уборочные машины. Они вполне прилично выглядят, но не отличаются высокой производительностью. И вот кубинцы увидели, как быстро идет по полю наш хабаровский комбайн, какую широкую полосу захватывает, как молотит и ссыпает в бункер обильные потоки зерна. Люди пришли в восторг».

В начале 1960 года профиль завода снова меняется.

С этого времени и по сей день он специализируется на выпуске дизелей, отсюда и название его — «Дальдизель». А производство самоходных комбайнов передано биробиджанскому «Дальсельмашу».

Прошло всего лишь десять лет, и хабаровские дизелестроители освоили производство дизель-генераторов, не уступающих, а порой и превосходящих по мощности и надежности английские и немецкие дизели данного класса. В 1971 году дизель-генератор ДРГ 100/750 удостоивается Знака качества. Сейчас завод выпускает до двадцати модификаций дизельных установок.

Замечательный коллектив рабочих и инженеров завода «Дальдизель» прошел славный путь. В 1901 году здесь была создана первая группа социал-демократов в Хабаровске, вскоре возглавившая забастовку рабочих. Одним из первых руководителей революционного движения на Дальнем Востоке считается арсеналец Н. М. Фищенко.

В феврале 1917 года с заводских ворот сбрасывается царский герб — символ ненавистного режима. В борьбу против эксплуататоров вовлекаются широкие массы рабочих. Отряд Красной гвардии, организованный на заводе по инициативе и под руководством большевиков еще летом 1917 года, к началу 1918 года насчитывал более сотни штыков. Арсенальцы участвовали в подавлении мятежа атамана Гамова в Благовещенске, сражались на Уссурийском фронте. Когда в начале сентября 1918 года белогвардейцы и интервенты захватили окраину Хабаровска, отступление красных войск прикрывал летучий отряд арсенальца Д. И. Бойко-Павлова.

Демьян Иванович Бойко-Павлов, кузнец с «Арсенала», был одним из вожаков хабаровского революционного подполья, активным борцом за установление Советской власти на Дальнем Востоке. Возглавляя сводный партизанский отряд, действовавший в тылу каппелевцев,

в ночь с 11 на 12 января 1922 года он ворвался в Хабаровск. Напуганные генералы сняли часть войск из-под Волочаевки и перебросили их в Хабаровск. Но ничто уже не могло спасти белые банды от справедливого возмездия народа.

Отличились арсенальцы и в Великой Отечественной войне. Трое из них — В. Г. Шелест, Н. М. Искрин и Д. С. Фоломеев удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Более ста фронтовиков — рабочих и служащих завода награждены боевыми орденами и медалями.

Молодежь верна трудовым и боевым традициям отцов. В музейной экспозиции висит большой портрет слесаря-лекальщика завода Петра Евстафьевича Панченко. Шестнадцатилетним юношей пришел он на завод и посвятил свою жизнь искусству изготовления сложных инструментов. Мастерство, трудолюбие и рабочая смекалка Петра Евстафьевича высоко оценены Советским государством — в 1966 году ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Хабаровский завод энергетического машиностроения (бывший «Энергомаш») — детище первой пятилетки. Основанный в 1933 году как авторемонтное предприятие, завод поначалу специализировался на капитальном ремонте автомобилей. В годы Великой Отечественной войны на заводе ремонтировались танки, изготавливались цепи для комбайнов, а в 1948 году предприятие приступило к выпуску энергетических машин — турбоventиляторов. Через два года широкую известность получили также турбопитательные насосы серии ПТ. В мае 1951 года энергомашевцы отправили на строящуюся Сталинградскую ГЭС турбопитательный насос высокого давления. Осваивая выпуск новых мощных компрессоров и постоянно их совершенствуя, коллектив предприятия достиг больших успехов. В 1970 году аттестацион-

ная комиссия Министерства тяжелого машиностроения СССР присвоила компрессору К-250 Знак качества. Ныне на строительстве магистральных газовых трубопроводов используются газотурбинные агрегаты ГТТ-12 с маркой Хабаровского завода энергетического машиностроения.

На стендах музея представлена также история завода «Амурсталь» — первенца дальневосточной металлургии. Вступив в строй в суровые годы Великой Отечественной войны, «Амурсталь» быстро наращивала техническую мощь. В 1969 году сдан в эксплуатацию тонколистовой стан «1700», а спустя два года на заводе начинает действовать установка непрерывной разливки стали. В конце 1973 года завод выплавил миллион тонн стали. В музейной экспозиции мы видим модель сложного устройства непрерывной разливки стали, образцы металла, фотографии героев сталеваров.

Вблизи Комсомольска в шестидесятых годах возник город Амурск. Рождение его связано со строительством первенца лесохимии на Дальнем Востоке — Амурского целлюлозно-картонного комбината, рассчитанного на выпуск сотен тысяч тонн вискозной целлюлозы и тарного картона в год.

Быстро строился этот амурский гигант. В 1960 году ЦК ВЛКСМ объявил строительство комбината Всесоюзной комсомольской ударной стройкой, а через семь лет в Амурске была получена первая целлюлоза, лист которой экспонируется в музее.

Город Солнечный, второй после Амурска спутник Комсомольска, также рос не по дням, а по часам. В 1958 году Солнечный горно-обогатительный комбинат объявлен ударной стройкой. В июле 1963 года получены первые тонны оловянной руды. В 1969 году вступила в строй первая очередь центральной горно-обогатительной фабрики комбината, в 1971-м — вторая, в

1972-м — третья очереди. Страна получила дешевое олово, столь необходимое для нашей консервной промышленности.

Не менее интенсивно возрастает и экономический потенциал Хабаровска. В годы шестой пятилетки в краевом центре были введены в строй заводы «Амуркабель», железобетонных изделий, отопительного оборудования, станков-автоматов, масложиркомбинат. История этих предприятий и достижения их трудовых коллективов отражены на стендах нашего музея.

БАМ! Звонкое, зовущее слово, всколыхнувшее молодежь огромной страны. Байкало-Амурская магистраль — это тысячи километров пути по северной тайге, через неприступные горы и бурные реки. В конце тридцатых годов мои экспедиционные маршруты неоднократно пересекали восточное направление БАМа и мне приходилось заниматься описанием участков, пригодных для размещения будущих пристанционных поселков. Поэтому меня волнует музейная экспозиция, посвященная БАМу: первый колышек пикета, забитого в землю на Восточном участке, фотографии, рассказывающие о трудовых буднях строителей. Смотрю на фотографию Павла Филипповича Рязанцева — начальника комплексной экспедиции Дальгипротранса, на его полевую сумку, выставленную в экспозиции, и вспоминаю первую встречу с этим замечательным человеком. Тогда, в 1938 году, я подъехал к его палатке, у которой были привязаны олени с нартой, верхом на лошади. С тех пор прошло 35 лет, и вот мы снова встретились с Павлом Филипповичем на ургальской ветке, только ныне не лошади и олени — автомобили перевозили нас по трассе. Мы прошли на участок. Как все изменилось! Тогда основными «механизмами» у строителей были кирка и тачка, а теперь — экскаватор и самосвал.

Как грустно, что третьей встрече не состояться... Но

люди не забудут изыскателя, отдавшего БАМу лучшие годы своей жизни. Не сомневаюсь, что одна из будущих станций восточного направления, где последние дни своей жизни трудился П. Ф. Рязанцев, будет названа его именем.

Первооткрыватель Солнечного

За годы работы в краеведческом музее мне довелось встречаться с многими замечательными людьми. И я всегда удивлялся, как неожиданно порой раскрывались незаурядные личности моих собеседников.

В середине шестидесятых годов в Хабаровске проходила выездная сессия Отделения наук о Земле Академии наук СССР. Во время перерыва мне указали на скромного молодого человека и сказали, что это Олег Кабаков, «тот самый», кто в 1955 году открыл знаменитое месторождение олова «Солнечное». Нас познакомили. Олег Николаевич застенчиво улыбался и нехотя отвечал на вопросы. Я не удержался и пригласил его в музей.

В назначенное время Олег Николаевич появился в музее. Сначала я показал ему наиболее интересные находки, а после осмотра экспозиций мы перешли в кабинет.

— Дорогой Олег Николаевич! А теперь о самом главном: как вам удалось обнаружить такое месторождение?

— Да там ничего не было необычного, — пожал Кабаков плечами.

— Ну, а все-таки, была же романтика поиска.

— Да в общем-то поиска почти и не было. Мы в Ленинграде с профессором Красным предполагали, что Комсомольский район таит в себе олово, но где и сколь-

ко — нужно было разведать. В 1955 году я и приехал с одним рабочим для предварительной разведки местности. Вышли мы прямо на табор Комсомольской экспедиции, которая в ту пору заканчивала составление геологической карты района. Спросил про олово — никто не находил.

На следующий день мы с рабочим направились по проторенной геологами тропе в долину речушки. Отошли совсем немного, и тут на пути — скала, подступает прямо к тропе. Все, кто проходил мимо, откалывали от нее кусочки, но порода была, как мы говорим, пустая. Остановился я у этой кручи — захотелось мне забраться наверх. Долго карабкались, наконец взобрались. И тут я глазам не поверил — прямо на поверхности выход рудного тела. Отколол кусок — чистый касситерит. На радостях мы с рабочим даже индейский «Танец удачи» исполнили. Вернувшись на табор, еле дождались вечера, когда собрались геологи. Показываю я им свою находку, а они снисходительно посмеиваются: «Куски касситерита и мы находили, но это еще ни о чем не говорит». Несмотря на это категорическое заявление, я все же решил съездить в Хабаровск. В геологоуправлении меня поддержали, срочно сформировали специальную поисковую группу, назначив меня руководителем. Вот так и началась история Солнечного.

— Олег Николаевич, название «Солнечное», — видимо, условное? Вы, наверное, хотели выразить чувство большой радости?

— Да нет. В день, когда я обнаружил выход рудного тела, действительно впервые за несколько дождливых дней выглянуло солнце. Не было необходимости придумывать название для месторождения, его подсказала сама природа.

— Я слышал, вы собираетесь побывать на днях в Солнечном. Не могли бы вы привезти нам кусок касси-

терита с того самого места, где нашли его впервые, — попросил я Кабакова, и Олег Николаевич обещал привезти не только руду, но и молоток, которым отбил первый скол.

Мы хотели было уже поблагодарить Кабакова за этот ценный дар, как он вдруг обратился к нам с предложением:

— Я заметил в экспозиции музея коллекцию насекомых. Там есть виды, не типичные для Дальнего Востока. Если не возражаете, я могу вам помочь в определении насекомых, особенно жуков. Дело в том, что я увлекаюсь энтомологией наравне с геологией.

Удивлению моему не было предела. Я сейчас же вызвал сотрудника отдела природы, и мы несколько часов провели рядом с прекраснейшим знатоком насекомых. Как преобразился Олег Николаевич! Голос его не умолкал, поток интереснейших сведений о жуках земного шара пролился на нас. Мы несколько не удивились, узнав о том, что Кабаков — автор нескольких научных трудов по систематике отряда жесткокрылых. Он свободно приводил латинские и русские названия жуков, рассказал много поучительного о их биологии и распространении. За два вечера Кабаков привел в порядок многочисленную энтомологическую коллекцию, отобрал неизвестно как попавшие сюда кавказские виды, помог составить интересную экспозицию не только жуков, но и вообще насекомых Дальнего Востока.

Наблюдая, как легко и уверенно работает Олег Николаевич, я спросил, давно ли он занимается энтомологией.

— С детства. Особенно меня никто не привлекал к таким занятиям, но отец поощрял увлечение коллекционированием. Сначала я собирал все подряд, что было интересно с мальчишеской точки зрения, потом увлекся камнями и насекомыми. Теперь и этот круг интересов

сузился: среди насекомых — жуки, среди камней — цветные металлы, особенно олово.

Позже через геолога Бельтенева ко мне в руки попал альбом-определитель дальневосточных жуков, составленный Кабаковым. Изумляло художественное дарование этого человека. С поразительной четкостью были выписаны все мельчайшие детали сложного строения множества насекомых. Каждый рисунок — подлинное произведение искусства, с которым не могла спорить никакая фотография.

Таким и запомнился мне лауреат Ленинской премии О. Н. Кабаков — увлеченным, доброжелательным, духовно богатым человеком.

Художник *Николай Николаевич* *Кириллов*

Много в музее работало талантливых художников, но Николай Николаевич Кириллов оставил в душе моей особенный след. Он словно рожден был музейным художником. Создаваемые им экспозиции были столь совершенны, выразительны и высокохудожественны, что поражали даже знатоков.

Посетив отдел природы, вице-президент Академии наук СССР академик А. П. Виноградов спросил: «Кто же это вам оформлял такие изумительные экспозиции?» Это была высокая оценка труда Кириллова.

Для Николая Николаевича не существовало мелочей в работе: он подбирал колер покраски стен залов и устанавливал степень освещения, высоту экспозиционного пояса, конструировал музейную мебель и оборудование,

писал тексты к экспонатам, добиваясь предельного лаконизма, решал вопрос, сколько и в каком ракурсе поставить экспонатов в витрине. Он умел заставить предметы «говорить» своим языком, показываться людям с лучшей и самой интересной стороны.

В отличие от многих художников Николай Николаевич глубоко вникал в смысл будущей экспозиции, знакомился с литературой и лишь потом приступал к созданию эскиза художественного оформления.

Словом, он был музейным волшебником, и мы благоговели перед его творчеством.

Малоразговорчивый, Николай Николаевич являл черты скромности и даже застенчивости. Его некоторая замкнутость происходила от большой сосредоточенности над любимым делом. Но когда он завершал работу, то мог наградить вас такой нежной, очаровательной улыбкой, что в душе невольно появлялось праздничное настроение. А каким тонким чувством юмора обладал наш художник! Его остроумные шутки порой заражали смехом всех и надолго.

И духовно, и внешне Николай Николаевич был красивым человеком. Необычное трудолюбие сочеталось у него с редкой даровитостью художника-пейзажиста. Я всегда любовался его прозрачными лирическими акварелями и предлагал организовать его персональную выставку, а он краснел в смущении от моих слов.

В музей Николай Николаевич пришел юношей. Выросший на Украине, он закончил Уманскую среднюю школу, проработал несколько месяцев художником и приехал на Дальний Восток. Побродил по его лесам, полюбовался морским побережьем и остался навсегда в нашем крае.

Когда я спрашивал его о щедрой Украине, он поднимал на меня свои большие карие глаза, в которых всегда таилась легкая грусть, и говорил: «Здесь лучше».

Мы путешествовали с ним по реке Хор, и он помогал собирать коллекции животных и растений для музея. Не раз посещали Сикачи-Алян, где Кириллов перерисовывал наскальные изображения для А. П. Окладникова.

У Николая Николаевича была любовь к странствованиям, к собиранию книг, старинных монет и исторических памятных знаков.

Трудолюбие, талант, стремление к самосовершенствованию и большая нравственная чистота этого молодого художника рано или поздно привели бы его к вершинам искусства. Но нелепый случай оборвал его жизнь. Николай Николаевич Кириллов трагически погиб в музее, который так любил и которому отдавался всем своим сердцем.

Лесная и рыбная промышленность

Около половины территории края покрыто светлохвойными, темнохвойными и кедрово-широколиственными лесами. Более пяти миллиардов кубометров спелой древесины — таковы общие запасы этих ценнейших ресурсов, из которых мы ежегодно используем всего лишь 15 миллионов. Более 30 леспромхозов, оснащенных передовой техникой, осваивают лесные массивы края. Валка леса, его трелевка и погрузка практически механизированы. Теперь на валке леса все чаще используются агрегатные машины, на разделке хлыстов — полуавтоматические линии, а погрузку в вагоны ведут мощные краны.

На лесозаготовках преобладают укрупненные комплексные бригады, вырабатывающие в год до ста и более тысяч кубометров древесины. Для поощрения лучших из них в крае учрежден приз «Золотая тайга».

Одной из первых удостоена этой награды декастринская бригада Н. М. Гайчика.

С каждым годом увеличивается число леспромхозов в крае, возрастает и объем лесозаготовок, но все же естественный прирост древесины пока еще намного превышает ее выработку.

Велика сила естественного самовозобновления тайги. За последние годы заметно увеличились облесенные площади. В одном только Советско-Гаванском районе вновь зашумели леса на площади более чем 300 тысяч гектаров. И все же дальневосточные лесоводы не могут полагаться только на природу. «Срубил дерево — вырасти другое!» — гласит народная мудрость.

Из 60 миллионов саженцев, необходимых для посадок, в 1978 году 40,5 миллиона поставили 11 постоянных механизированных и 9 временных лесопитомников. Одного только кедра в нашем крае высаживается на площади до трех тысяч гектаров. Для обеспечения лесопитомников доброкачественными семенами в лесхозах создаются семенные плантации ценных пород деревьев, и прежде всего хвойных. После пожаров и отчасти рубок естественное возобновление леса происходит в основном за счет лиственных пород — осины и березы. Но лесохимия не может обойтись без хвойных, поэтому лесоводы заботливо высаживают саженцы ели, кедра и лиственницы.

Много сил и времени отнимает у лесоводов борьба с пожарами. Около тысячи десантников и парашютистов каждодневно готовы вступить в борьбу с огненной стихией. В помощь им приданы восемь механизированных отрядов, а общая длина минполос, сдерживающих распространение огня, достигает в крае ежегодно 20 тысяч километров.

В результате стараний лесоводов и лесохозяйственников возобновляются леса, сохраняется естественный

подрост, но потребности народного хозяйства в ценной древесине непрерывно растут. Приостановить уменьшение запасов спелого леса — главная задача работников лесного хозяйства. Знакомясь с экспозициями, посетители музея могут составить представление об этой деятельности дальневосточных ученых и лесничих.

Край наш издавна славится рыбными богатствами. В Амуре и его притоках обитает 110 видов рыб. Среди них — крупнейший представитель осетровых калуга, сазан, карась, сом, щука, амур и другие ценные рыбы, но все же особое значение имеют проходные лососевые — кета и горбуша, а также минога. Охотское море, омывающее северное побережье Хабаровского края, не так давно считалось одним из самых богатых морей в мире. Здесь ловят минтая, камбалу, навагу, корюшку и морских лососей. Сурово это море — в районе Шантарских островов, например, еще в июле плавают льдины, но богато оно фито- и зоопланктоном, а потому привольно живет в нем рыба. 19 рыболовецких колхозов располагают современным промысловым флотом, оснащенным сейнерами и морозильными траулерами. В дальних плаваниях рыбопромысловые суда сопровождают мощные рефрижераторы. 55 тысяч тонн рыбной продукции и 7 миллионов банок консервов вырабатывается ежегодно в крае.

В музейной экспозиции выставлены модели сейнеров, сети, образцы продукции рыбоконсервных предприятий. На стенде — большой портрет кавалера ордена Ленина рыбака из охотского колхоза «Рассвет Севера» А. И. Пьянкова.

Для воспроизводства запасов проходных лососей — кеты и горбуши — в крае создано четыре крупных рыбопроизводных завода. Самый первый из них — Тепловский, открыт в 1928 году. Это один из крупнейших рыбопроизводных заводов страны, инкубирующий и выпус-

кающий до 65 миллионов мальков кеты в год. Для того, чтобы заложить такое большое количество икры на инкубацию, требуется до 50 тысяч производителей. Лососи сами приходят по рекам на заводское нерестилище, но нереститься, в полном смысле этого слова, им не приходится. Рыбоводы извлекают из них икру, поливают ее молоками и, поместив икру в квадратные решетчатые рамы, опускают их в ключевую проточную воду.

Неподалеку от Тепловского находится Биджанский завод, дающий 30 миллионов мальков в год. Есть рыбо-разводные заводы на Амгуни — Удинский и на реке Гур — Гурский. Их «мощность» в два раза меньше таковой Биджанского. Всего же в Амур ежегодно выпускается в среднем 100 миллионов мальков проходных лососей. Если из них в Амур вернется всего лишь сотая часть, то и в этом случае общий вес стада превысит тысячи тонн.

В ближайшее время на реках Анюй и Дуки будет заложено еще четыре таких завода и ежегодный выпуск молоди в Амур возрастет на 16 миллионов мальков. Кроме заводов по разводу лососей откроется также Найхинское комплексное рыбо-разводное хозяйство, специализирующееся на выпуске осетровых мальков (3 миллиона в год).

Есть в нашем крае три нерестово-вырастных хозяйства по искусственному разведению сазана и амура, толстолобика и щуки. Хорошо зарекомендовали себя и искусственные нерестилища. Но успех всех этих мероприятий по восстановлению рыбных запасов во многом зависит от чистоты речных и озерных вод и соблюдения тишины на водоемах во время нереста. Поэтому главные усилия «Амуррыбвода» направлены на борьбу с загрязнением водоемов.

С помощью общественности сотрудники «Амуррыбво-

да» преследуют браконьеров, охраняют нерестилища, разрабатывают правила и сроки рыбной ловли.

Богатства наших морей, рек и озер нужно не только восполнять, но и приумножать!

Сельское хозяйство и охота

Аборигены Хабаровского края — эвенки и нанайцы, нивхи и орочи, удэгейцы и ульчи прежде не занимались сельским хозяйством. С земледелием их ознакомили русские переселенцы. Вспоминаю, как в 1937 году, работая в землеустроительной экспедиции, я участвовал в переводе эвенкийских кочевых колхозов Зеи и Буреи на оседлый образ жизни, изыскивал для них плодородные земли. Климат Приамурья способствует пышному произрастанию любой растительности. Под Хабаровском растут и хорошо плодоносят все зернобобовые культуры, капуста и картофель, томаты и баклажаны, сладкий перец и цветная капуста. Даже арбузы и дыни вызревают в грунте. Вместе с тем возделывание этих культур затруднено переувлажнением почвы в летний период, иссушением ее весной и в начале лета, обилием сорняков.

Преодолевая эти трудности, наши полеводы освоили более 270 тысяч гектаров пашни и получают высокие урожаи. Так, например, картофеля снимают до 200 центнеров с гектара. Местные томаты, особенно «хабаровский розовый 308», выведенный Е. А. Гамаюновой и отмеченный золотой медалью ВДНХ в Москве, по своим вкусовым качествам превосходят украинские и крымские сорта.

Труженики сельского хозяйства стремятся в большей мере обеспечивать население края овощами, молоком и мясом местного производства. И эта задача со временем будет решена.

Музейная экспозиция дает представление о деятельности селекционера В. А. Золотницкого. Здесь можно увидеть сорта сои, выведенные им и внедренные в сельскохозяйственное производство: «амурская-41», «амурская-42», «амурская кормовая-116»; книги селекционера, его личные вещи и инструменты, награды — ордена и медаль лауреата Государственной премии, большой фотопортрет. На другой фотографии В. А. Золотницкий стоит рядом с прославленным соеводом Героем Социалистического Труда А. Г. Антоновой. Это она с успехом выращивала сою тех сортов, которые выводил В. А. Золотницкий, и получала рекордные урожаи.

Удивительная культура соя! Было время, когда из ее золотистых бобов приготавливали молоко, шоколад и... котлеты. Лаки и краски, детали к машинам, а главное — прекрасное масло и муку получают из сои. Ни одна из зернобобовых культур не приспособилась так к местным климатическим условиям, как соя. Она не боится летнего переувлажнения, ее бобы не раскрываются и не опадают зимой, и это позволяет убирать сою даже в декабре. А то, что не захватит комбайн, потом охотно подберут косули, фазаны и тетерева. Соевые посевы в Приамурье с каждым годом расширяются.

Садоводство — молодая, но очень перспективная отрасль сельского хозяйства на Дальнем Востоке. Хабаровск опоясан садами. Старожилы помнят, что каких-нибудь 30—40 лет назад наши местные «фрукты» доставлялись на рынок в кошелках, да и «ассортимент» их был невелик — всего 4—5 видов: голубика да брусника, смородина и слива. Теперь продукция наших садов исчисляется в сотнях тонн, и это не только груши и ябло-

ки, слива и вишня, но и клубника и абрикосы. Мы снабжаем ныне черной смородиной даже жителей Москвы.

Как здесь не вспомнить с признательностью замечательных энтузиастов-садоводов Хабаровска: А. М. Лукашова, выведшего лучшие сорта груш, директора питомника имени А. М. Лукашова С. И. Тимошина, академика Г. Т. Казьмина, подарившего нам новые сорта замечательных слив и абрикосов, плоды которых по вкусовым качествам не уступают южным сортам, А. В. Болоняева, создателя новых сортов яблок. Нет сомнения, что дальневосточные садоводы выведут еще много новых сортов плодовых растений, потому что в нашей восточной флоре таится немало возможностей для селекции.

Великий И. В. Мичурин высоко ценил дальневосточные дикие плодоносящие растения. Он подметил, что в природе наблюдается много отклонений от типичной формы и нужно только умело отбирать признаки, необходимые селекционеру для достижения той или иной цели. Вот что писал Иван Владимирович об амурском винограде: «Семенной сеянец каждый имеет отдельные качества: один более крупный, другой, наоборот, более мелкий, один кислый, другой сладкий, один мясистый, — другой менее мясистый... Если бы тамошний абориген, в течение нескольких лет исходивший тайгу по всем направлениям, отобрал бы лучший экземпляр во многих качественных отношениях, тогда можно бы судить о качестве амурского винограда».

В окрестностях Хабаровска растет в диком состоянии лиана актинидия коломикта. Плоды актинидии превосходят многие ягоды по запасу витамина С. Эта лиана заслуживает признания, ее следует высаживать в садах, но прежде необходимо отобрать наиболее продуктивные формы в лесу.

Не менее ценна жимолость съедобная — самая ранняя ягода в Хабаровске, да и по содержанию витами-

нов С и Р она превосходит малину, бруснику и голубику.

В последнее время много писали о лимоннике (ши-зандре). Площади, занятые этим растением в лесах, сокращаются, в культуру же лимонник вводится медленно. По урожайности лимонник превосходит жимолость и актинидию, ягоды его можно собирать и зимой — они не опадают созревая, — что немаловажно при заготовках.

Охота как отрасль народного хозяйства в прошлом имела первостепенное значение для жителей Приамурья. И в настоящее время для большей части коренного населения края — эвенков, ульчей, удэгейцев, нивхов — занятие промысловой охотой служит одним из источников существования. Закрепление за охотопромысловыми колхозами лучших охотничьих угодий, обогащение местной фауны путем акклиматизации и реакклиматизации ценных пушных зверей, введение разумных сроков и правил охоты, лицензионная система промысла способствовали росту пушно-сырьевой базы края, увеличению заготовок пушнины. С продукцией охоты связано и развитие местных кустарных промыслов.

В наши дни в обширных охотничьих угодьях края обитает около ста видов и подвидов промысловых млекопитающих и до двухсот видов птиц. Наибольшее значение имеют соболь, белка, лисица, колонок, норка, лось, кабан, изюбр, рябчик.

Материалы экспозиции рассказывают о том, что тридцатитысячная армия охотников Хабаровского края состоит главным образом из любителей и лишь одна тысяча из них — профессионалы. Вооружены они нарезными и гладкоствольными ружьями отечественного производства, самоловами (капканами, плашками, кулемками), сетями-обметами. На промысле живут в бревенчатых избушках, куда их доставляют вездеходами и вертоле-

тами. За сезон лучшие охотники края добывают мяса и пушнины на 6—7 тысяч рублей.

Большинство профессиональных охотников объединены в 8 коопзверопромхозах и 4 госпромхозах. Это рентабельные хозяйства, осваивающие богатства тайги с наибольшей отдачей для государства. В 1978 году заготовлено пушно-мехового сырья на 1 млн. 967 тыс. рублей.

Поступь истории

Осмотр музея завершается у экспозиции, посвященной шестидесятилетию Советской власти и принятию новой Конституции СССР.

Но можно ли на стенде музея передать мощную поступь истории, показать масштабы преобразований в народном хозяйстве и культуре Приамурья! Я рассматриваю экспонаты, подаренные музеем трудовыми коллективами к шестидесятилетию Великого Октября, и думаю о грандиозных свершениях в моем крае...

Что представлял из себя Хабаровский край до революции? Далекая, глухая, лишенная дорог, малозаселенная провинция России. Редкие артели золотоискателей и зверопромышленников. Маломощные рыбные и лесные промыслы. Отсталое сельское хозяйство...

В наши же дни экономику края невозможно представить без машиностроения и металлообработки, кораблестроения и производства подъемно-транспортного оборудования. Если до революции в Приамурье завозилось буквально все, то ныне продукция наших заводов и фабрик экспортируется в 40 стран мира. Объем промышленного производства в крае увеличился более чем в 500 раз!

Хабаровский край сегодня — это край новостроек. По

его территории прокладывается восточная ветвь БАМа со множеством малых и больших мостов и тоннелей. Здесь воздвигаются новые города и поселки, промышленные комбинаты и фабрики мяса и молока, строятся сотни благоустроенных жилых домов, Дворцы культуры, больницы, школы, библиотеки.

В юбилейном году строители Хабаровска сдали два великолепных здания, украсивших город, — театр музыкальной комедии и гостиницу «Интурист».

Успешно развивается и сельское хозяйство: с 1940-го по 1977 год посевные площади в крае увеличились более чем в три раза, почти втрое возрос выход продукции с гектара пашни. Кроме овощеводства, зерноводства и животноводства появились новые отрасли: птицеводство и звероводство, тепличное овощеводство и садоводство.

А как преобразилась лесная и рыбная промышленность! На предприятиях лесной промышленности края производятся не только пиломатериалы, но и фанера и древесноволокнистая плита, паркет, технологическая щепа.

Современный рыбопромысловый флот ведет активный лов рыбы в Охотском море и Тихом океане, поставляя в торговую сеть свежемороженую рыбу и широкий ассортимент рыбных консервов.

Лишь в 1929 году появился в крае первый самолет, а теперь авиация является чуть ли не основным видом транспорта в северных районах.

125 лет существует Амурское речное пароходство, но если до 1917 года его флот исчислялся несколькими десятками маломощных пароходов и барж, то сейчас он насчитывает около 900 современных теплоходов, самоходных барж, судов на подводных крыльях, пассажирских дебаркадеров.

Я приехал в Хабаровск в 1937 году. В городе тогда

от вокзала до Комсомольской площади курсировало два автобуса, а теперь к услугам пассажиров сотни автобусов, троллейбусов, трамваев.

Много сделано у нас для блага человека. Даже в самых отдаленных районах нет такого поселка, где бы ни высилось светлое просторное здание школы, клуба или кинотеатра, больницы, магазина. Не имевшие ранее своей письменности народности Амура ныне гордятся своими учеными и писателями, художниками и поэтами.

Юбилейный год ознаменовался принятием новой Конституции СССР. Трудящиеся края, как и всей страны, на торжественных митингах подводили итоги социалистического соревнования, рапортовали партии и правительству о своих трудовых победах. В обсуждении проекта новой Конституции СССР приняло участие 140 миллионов граждан нашей страны, из которых более миллиона проживает в Хабаровском крае.

В музее хранится красный стяг строителей-монтажников моста через Амгунь, этого важного объекта БАМа. На знамени рабочие написали: «Наш мост — подарок Конституции СССР».

Когда завершилась работа над этой книгой, пришла радостная весть: 30 июня 1979 года, на год раньше срока, открылось рабочее движение поездов на Восточном участке БАМа. Строители проложили стальную магистраль протяженностью более 500 километров, возвели при этом больших и средних мостов — 21 и реконструировали тоннель длиной в 1806 метров.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, сердечно поздравляя участников строительства Восточного участка Байкало-Амурской магистрали, писал: «...БАМ уже сейчас проявляет себя как могучий ускоритель социально-культурных преобразований огромных необжитых территорий».

Досрочное открытие движения поездов по новой железнодорожной линии — результат широко развернувшегося действенного социалистического соревнования, которое на практике убеждает, каким мощным рычагом оно является в ускорении строительства объектов, а также большой организаторской и массово-политической работы партийных, профсоюзных и комсомольских организаций стройки, партийных и советских органов Хабаровского края.

Выражаю твердую уверенность, что вы и впредь, приумножая славные традиции советского народа, будете вдохновенно трудиться над выполнением заданий 1979 года и десятой пятилетки в целом по сооружению этой важной железнодорожной магистрали.

Желаю вам, дорогие товарищи, доброго здоровья, новых успехов в выполнении решений XXV съезда КПСС».

...Покидая музей, думаешь: сколько же силы, трудолюбия и таланта в нашем народе, сумевшем за короткий срок превратить свою страну в передовую, могущественную державу, прокладывающую новые пути для человечества!

Раздел второй

**Манящая
природа
Приамурья**

Наши камни

Камни бывают твердыми и мягкими, пластинчатыми и волокнистыми, жидкими и летучими. Даже съедобными. «...В районе Охотска у живших здесь народов раньше существовало особое кушанье, в которое прибавлялась глина... Это кушанье готовилось из смеси каолина и оленьего молока. Оно считалось особым лакомством», — писал академик А. Е. Ферсман.

Одни камни ничего не стоят, цена других исчисляется десятками миллионов рублей. В большинстве своем камни невзрачны, серые, как придорожная пыль, но есть минералы такой ослепительной красоты, что глаз не отвести, так нежны и ярки их краски, так способны они переливаться разноцветными оттенками.

В глубокой древности человек научился обрабатывать камень, и первый топор, нож и мотыга были каменными. С тех пор человек неразлучен с камнем. Люди используют камни в энергетике, промышленности и сельском хозяйстве, строят из них лачуги и величественные дворцы, выплавляют металл и стекло, украшают ими жилище и одежду, да и саму одежду научились делать из камня. Из камня высечены скульптурные шедевры и предметы искусства, величественные гробницы и храмы. Камень стал символом вечности и красоты.

Я полюбил камень с детства, но долгое время полагал, что более богатого минералами места, чем Урал, в нашем Отечестве нет. И вот на Дальнем Востоке перед моим взором открылись такие несметные сокровища недр, что и описать трудно! Наш край — это прежде

всего страна гор, царство камня. К сожалению, минералогическая коллекция краеведческого музея очень бедна, и по ней лишь до некоторой степени можно судить о полезных ископаемых Приамурья. Значительно богаче фонды минералогического музея Дальневосточного геологического управления, где представлены почти все горные породы Дальнего Востока.

Хабаровский край славится богатыми оловоносными месторождениями, выявленными на его территории. При этом добыча руды и ее концентрата весьма экономически выгодна. К хорошо известным Хинганскому и Комсомольскому оловянным месторождениям не так давно присоединены новые «кладовые» на Баджале и Северном Сихотэ-Алине.

В музее экспонируются образцы руды с темными кристаллическими вкраплениями касситерита. Один из этих кусков был впервые найден геологом О. Н. Кабаковым в районе нынешнего поселка Горный, а другой подарен старейшему геологу Н. М. Богаткову в день его шестидесятилетия.

Еще ребенком узнал я из песни, что далеко за Байкалом «золото роют в горах». И вот недавно мне посчастливилось побывать на золотом прииске «Многовершинное». Словно островок, среди безбрежного зеленого океана затерялся поселок горняков. Здесь добывают рудное золото. Прогуливаясь по подступившей к домикам тайге, я нашел кусок магнитного железняка. Представьте себе камень, состоящий на 70% из железа!

Богат наш край рудами черных металлов. Наиболее перспективно Кимканское месторождение на Малом Хингане, руда которого содержит в среднем до 36% железа и залегает близко к поверхности земли. Костеньгинское месторождение превышает Кимканское по запасам в полтора раза, но его руда беднее железом. Огромны залежи железной руды в Удско-Селемджин-

ском районе, и даже вблизи Хабаровска на Хехцире найдены промышленные запасы железистых кварцитов.

Есть у нас молибденовые, свинцовые, цинковые, серебряные и медные руды, а также редких металлов.

Много каменного угля в крае. Особенно перспективен Бурейнский каменноугольный бассейн, через который протекает трасса БАМа. Запасы угля определяются здесь в 25 миллиардов тонн. И какого угля! Высококалорийного, коксующегося, с предельно низким содержанием фосфора и серы. Любопытно, что в Ургальской шахте работает угольный комбайн с заводским номером 1.

Немалые запасы бурых углей сосредоточены в Кухтуйском, Литовском, Ушумунском месторождениях. Имеются бурые угли в окрестностях Хабаровска, да и сам город стоит на угольных пластах. Вот только залегают они на глубинах до трехсот метров. Если удастся разработать эффективный способ их использования, город получит много тепла, а следовательно, и электроэнергии.

Нельзя умолчать о нашем дальневосточном брусите, внешне похожем на мрамор. Из него можно изготавливать облицовочные плиты и сувениры. Красивого рисунка, хорошо поддающийся шлифовке камень с нежными светло-голубыми и розовыми оттенками получил признание архитекторов и строителей. В нашем крае пока известны два месторождения брусита — Кульдурское и Помпеевское, единственные в СССР. Миллионами тонн исчисляются его запасы.

Вблизи Биракана ведутся разработки доломитов. Камень этот также пригоден для облицовки зданий. Используется он и для изготовления огнеупорного кирпича и известняковой муки.

Испокон веков камень применяется в строительстве. В крае открыто около двадцати месторождений строи-

тельных материалов, но разрабатывается пока одно из них — залежи мелкозернистого серого гранита в районе станции Корфовская. Здесь огромные глыбы дробят, перемалывая их на крупную и мелкую щебенку. Давно пора организовать предприятие по заготовке каменных блоков для пьедесталов, постаментов, опорных стен. Как красиво выглядели бы городские здания, поставленные на гранитные основания, какой прочностью обладали бы они!

Очень красивы зеленые и розовые мраморы Кульдурского и Бираканского месторождений, и запасы их большие, а используем мы их пока плохо. Правда, стены станции «Белорусская» Московского метрополитена выложены нашим розовым мрамором, но в Хабаровске еще не научились облицовывать общественные здания, плавательные бассейны и фонтаны мраморными плитами.

Какой еще из минералов, кроме яшмы, имеет столько цветов и оттенков? От черного до голубовато-зеленого, от красного до желтого... В ущельях далекой Уды встречается даже синяя яшма, которой нет на Западе. Прочна и тверда яшма, но особую ценность придает ей бархатистый фон, словно затканый разноцветными причудливыми узорами. Не камень, а живописная картина! Сколько сувениров и произведений искусства можно изваять из удской яшмы! Нужны только предпримчивость да умение...

Не обо всех камнях я рассказал, да это и невозможно. О нефрите, например, можно писать и поэмы, и научные труды — этот минерал в равной мере волнует и поэтов, и ученых. Прекрасен горный хрусталь, загадочен белоснежный кварц... Читатель, которого муза дальних странствий не раз завлекала в дебри Сихотэ-Алиня или Джугджура, надеюсь, согласится, что наши камни заслуживают особой книги.

Загадка старого тиса

У входа в отдел природы, словно часовой, стоит тис — патриарх наших лесов. Эти реликты достигают сказочного возраста — четырех тысяч лет! Естественно, встречаются они редко и находятся под охраной закона.

Давно мечтал я о таком экспонате. Долго искал его, но, встречая тисы вблизи населенных пунктов, не решился спиливать их, хотя имел на то разрешение лесничества. И вот, во время одной из экспедиций на реку Далми, в глухом ключике я вышел к великолепному тису. Десятиметровый красноватый ствол его, в два охвата у комля, нес на себе темно-зеленую крону, напоминавшую шатер. Лучший экземпляр для музея трудно было найти. В погожий ноябрьский день, вооружившись пилой и топорами, мы с препаратором музея Калашниковым и двумя рабочими приступили к делу. Со звоном вгрызалась пила в светло-розовую древесину, но, углубившись сантиметров на двадцать, заскрежетала, словно зубья ее наскочили на гвоздь. «Что бы это значило? Может, крепкий сучок внутри попался?» — предположил было я. Калашников в недоумении пожал плечами и снова взялся за пилу. Однако все было тщетно.

Вынув пилу, мы тщательно осмотрели ствол — никаких повреждений. Кора ровная, гладкая, ствол ядреный, безупречный. Подточили зубья пилы, зашли с другой стороны. Сперва все шло хорошо, но, как только пила углубилась в ствол, резкий скрежет снова резанул слух.

Что за оказия?! В сердцах я рванул на себя рукоятку пилы, но вскоре, пересчитав сломанные зубья, понял — тис не спилить!

Вытирая со лба пот, мы сели под лесным великаном и задумались. Мне даже померещилось, что тис вот-вот качнется и заговорит, как в русской сказке, о какой-то тайне, бесцеремонно нарушенной нами. Но чудо не свершилось, тис молчал, и надо было решать, что делать дальше.

Калашников, выслушав речи недоумевающих рабочих, усмехнулся и встал. Он молча снял шинель, взял в руки топор и со словами: «Рубить будем. Или вы не лесорубы?» — со звоном вогнал его в комель.

Сменяя друг друга, мы за два часа подрубили тис по кругу. Вот он стал потрескивать, поскрипывать, будто жалуюсь, потом вздрогнул и начал медленно крениться в сторону ключа. И вдруг обрушился наземь, подняв облако снежной пыли. Мы ликовали!

Подойдя к поверженному великану, я осмотрел ствол. Что и говорить, тис был великолепен, но сердцевина его давным-давно выгнила и образовавшееся дупло заполнял щебень, сцементированный глиной. Судя по всему, длина этой «пломбы» достигала полуметра. Как же попал щебень внутрь дерева, на поверхности которого не имелось каких-либо отверстий? Кто мог его туда насыпать?

Много вопросов роилось в моей голове, но я не находил на них ответа. Молчали и мои спутники. Вернувшись в палатку, мы долго не могли уснуть, раздумывая о загадке тиса.

На следующий день пришел трактор. Сколотив из толстых сырых ясеневых бревен просторные сани-волокуши, мы закатали на них пятиметровое «полено» тиса, тщательно укутав его мешковиной и одеялами, крепко увязали поклажу и тронулись в путь. Преодолев двадцатикилометровое расстояние по бездорожью, трактор доставил груз на лесоучасток «Далми». Вскоре мы были в Хабаровске.

В музее я попытался определить по годовым кольцам возраст реликта. Кольца были такими тонкими и трудноразличимыми, что пришлось воспользоваться лупой. В инном сантиметре насчитывалось до 45 колец — так медленно росло это дерево. Определить его точный возраст не удалось: выгнила сердцевина ствола, по приблизительным же подсчетам дерево прожило около двух тысяч лет.

Пытаясь разгадать тайну тисовой «пломбы», я обратился к хабаровским ученым, но удовлетворительного ответа не получил. Любопытную версию высказал писатель Николай Дмитриевич Наволочкин.

— У древних жителей нашего края не только тис, но и место, где он рос, считались священными. Под тисами зачастую совершались религиозные обряды. Возможно, участники какого-нибудь ритуала и насыпали в дупло песок и гальку, чтобы сохранить дерево. Со временем «дупло» затянулось и «пломба» оказалась внутри тиса.

Слушая Николая Дмитриевича, я вспомнил о древней дороге, пролежавшей неподалеку от Далми по склонам Чернобаевского хребта. Может быть, и в самом деле тис «запломбировали» люди? А если песок, щебень и глина попали в дупло в непогоду? Например, во время наводнения?..

Так и осталась неразгаданной тайна старого тиса.

Наш кедр

Настоящего кедра, как говорят ботаники, ни в Сибири, ни на Дальнем Востоке нет. Мы называем кедром сосну корейскую. Как кипарис для Крыма или пирамидальный тополь для Украины, так и кедровая сосна

создает характерный пейзаж для Приуссурья, господствуя над лесом словно сторожевая башня. Издали видит путник на сопках темно-зеленые столообразные кроны, контрастирующие со светлой зеленью лиственных деревьев.

В музее экспонируется ствол кедра, и целая витрина заполнена его шишками и орешками.

Кедровая сосна относится к реликтовым деревьям, но реликт этот процветающий. Нет цены лесному красавцу великану. На высоту до 40 метров возносит он свои темно-зеленые мохнатые ветви с крупными золотистыми шишками. Достигая в диаметре полутора метров, одно дерево может дать до 18 кубометров деловой древесины. И какой древесины! Красивая по цвету, легкая и прочная, податливая в обработке, она пользуется большим спросом на мировом рынке. Не случайно японцы называют кедр розовой сосной.

Из мер по сохранению этого реликта самой действенной является создание орехо-промысловых зон на площади, превышающей триста тысяч гектаров. Вырубать кедр здесь запрещено, производится только сбор кедровых орехов. В годы обильного урожая под иным деревом собирают до 500 шишек, а заготовка орехов в крае исчисляется тысячами тонн.

В Сибири бытует поговорка: «Срубил кедр — закопай шишку». К сожалению, не всегда у нас следуют этому мудрому совету, а надо бы!

Справедливые нарекания охотников вызывает и практика санитарных рубок, когда из кедровника убираются старые, больные деревья. В принципе эта мера, конечно, ведет к оздоровлению леса. Но я категорически против рубки старых дуплистых великанов — кедров, тополей, лип. Сколько лесных обитателей поселяется в них, находя надежное укрытие в зимнюю стужу! От белки до медведя, от дятла до филина, не говоря о лету-

чих мышах и пресмыкающихся. Нельзя мерить аршином лесную жизнь.

Хочется верить, что чудо наших лесов — могучие кедровники сохранятся на долгие времена, к радости наших потомков.

Маньчжурский орех

Маньчжурский орех так похож на своего западного собрата, что Н. М. Пржевальский называл его грецким. Листья у них одинаковые, но ствол у маньчжурского толще и стройнее, а скорлупа орехов такая толстая и прочная, что даже молотком их не сразу расколешь. Ядро ореха, хоть и мельче, приятно на вкус и весьма питательно. Местные жители, заготавливающие впрок плоды маньчжурского ореха, перед едой кладут их на раскаленную плиту. От печного жара скорлупа лопается пополам. Затем тонким шильцем из половинок извлекают ядро.

Дальневосточным селекционерам стоит обратить внимание на это растение. Путем скрещивания можно вывести такой гибрид, который сочетал бы в себе морозостойкость маньчжурского ореха с тонкой кожурой плода грецкого.

Густая шатрообразная крона нашего ореха удивительно красива. А как быстро он растет! В лесу плодами этого дерева питаются многие грызуны, медведи и кабаны. Когда кабаны разгрызают орехи, треск слышен за полкилометра. Бывает, что острая скорлупа ранит стенки кабаньего кишечника, но и тогда лесные гурманы не отказываются от любимого корма. Из птиц же только дятел способен долбить толстую кожуру.

Однажды геолог Виктор Андреевич Ярмолюк, нахо-

дясь на полевых работах, колот кругляки спиленного ясеня и вдруг на срезе одного из бревнышек разглядел хорошо сохранившийся крупный орех, сплошь затянутый слоями древесины. Свою находку Виктор Андреевич принес в музей и попросил объяснить, как мог орех очутиться внутри дерева.

Судя по всему, много лет назад в стволе ясеня, видимо на месте сгнившего сучка, образовалось углубление. Белка или дятел спрятали там найденный орех и забыли об этом. Дерево росло, постепенно замуровывая «кладовку» наплывающей древесиной. Но крепкая оболочка ореха выдержала давление дерева и уцелела. Топор геолога случайно открыл нам столь необычный тайничок.

Древесная яшма и растительный каракуль

В лесах Хабаровского края на стволах березы, дуба, ольхи, кедра нередко можно найти причудливые наплывы — капы. Некогда капы являлись объектом промысла. Из них изготавливали удивительно красивую посуду, столы, ларцы, рамы, расцветка которых напоминала яшму. Следовало бы возродить этот промысел, поручив лесорубам добывать капы на лесосеке попутно.

Возле музея стоит ствол столетней ребристой березы, изуродованный огромным капом. Его причудливость привлекает людей, вызывает изумление. Кап подарен музею прославленным лесорубом Дмитрием Егоровичем Берлевым. Он нашел эту березу в хорских лесах и сам доставил ее в Хабаровск.

Наверное, со временем научатся наши дальневосточные мастера использовать кап для украшения мебели. Разработают технологию изготовления из него облицовочной дощечки и шпона, и станет наша мебель нарядной, под стать любому дворцу.

Не менее перспективна в этом плане кора бархата амурского, единственного в нашей стране пробкового дерева. Голубоватого оттенка, сизо-серая, вся словно в завитках, она очень напоминает каракуль. Не без сожаления наблюдаешь, как ее пережевывают машины на Хабаровском экспанзитовом заводе, чтобы получить несколько тонн плит для термо- и звукоизоляции. Это единственный завод такого рода, перерабатывающий отечественное сырье. Но разве он в состоянии обеспечить все нужды рефрижераторного флота, где используется экспанзит?

А не лучше ли химикам найти заменитель этого ценнейшего природного материала, а кору пустить на облицовку? Ведь сколько можно было бы отделать залов в музеях, дворцах культуры, библиотеках! Легкая и красивая, кора бархата к тому же еще и прочная, из нее получают прекрасный «багет».

Только у нас на Дальнем Востоке существует редкая и экзотическая профессия искателей коры бархата. Почти все лето бродят эти люди по северным джунглям, аккуратно снимая со стволов пробконоса кору. Если луб не поврежден, на дереве снова нарастет кора, правда, не такого красивого рисунка, но зато более ровная, чем прежде. Случается, с иного дерева снимают кору по два и по три раза.

Сколько возможностей для творчества мебельщиков таит в себе древесина наших деревьев! У акатника она темно-шоколадная, у ребристой березы — словно капельками росы покрылась, у ильма и ясеня — лучисто-солнечная, у тиса — вишнево-красная, а у ореха — то

светлая, крупнослойная, то коричневая, волнистая. Видов и пород деревьев на Дальнем Востоке больше, чем где-либо в стране.

Однажды краснодеревцы хабаровской мебельной фабрики «Заря» сделали гарнитур из местных пород и послали его на выставку в Москву. Осмотрели члены жюри гарнитур и решили, что красивая текстура древесины создана художником.

В последние годы в музее неизменным успехом пользуется постоянная выставка «Природа — скульптор». Всевозможные корни и сучки, напоминающие персонажей сказок и басен, наросты и наплывы на стволах и корнях деревьев поражают воображение причудливостью своих форм, и как-то не веришь, что к этим творениям природы прикасалась рука не художника, а всего лишь коллекционера.

Это прекрасное увлечение! Оно способствует общению человека с природой, развивает вкус и наблюдательность. Лес щедро одаривает всех, кто приходит под его полог в поисках красоты.

Лианы и снег

Непривычно видеть в заснеженном лесу лианы, да еще обвивающие типичных северянок — ель и березу. Обычно их плети не очень толстые. Но однажды на Мухене я измерил диаметр старой лозы амурского винограда — пятнадцать сантиметров! Да, такая лиана выдержала бы и гориллу, водись она здесь.

Ягоды винограда опадают на зиму, а вот грозди лимонника почти всю зиму пламенеют на лозах. Как приятно, устав на зимней охоте, попить чайку с «лимоном». В котелок я обычно кладу ягоды лимонника вместе

с кусочком лозы. От ягод чай кисловат, а от лозы — духмян.

В литературе шизандру и актинидию иногда называют «душителями деревьев», и не без оснований. Доводилось и мне видеть, как эти лозы, обвивая ствол дерева, со временем глубоко врезаются в кору. Конечно, дереву это не на пользу, но в конечном счете его разбухающий ствол разжимает тиски лозы-душительницы, и она отмирает.

Виноградная лоза хотя и не обвивается вокруг ствола ели или пихты, но, добравшись до верхушки дерева и образовав навес из густых широких листьев, губит его. Трудно поверить в это — ведь ель и пихта теневыносливы. А может, виноградные листья выделяют губительные для хвойных фитонциды? Судить об этом не могу, но замечал всегда, что виноград угнетает хвойные породы.

Женьшень зацвел на подоконнике

Как-то музей снарядил экспедицию в горы Сихотэ-Алиня на поиски женьшеня. В фондах музея не было гербария этого таинственного растения. Из добытых двенадцати корней пять мы выставили на витрине, а семь высадили в обычные цветочные горшки и поставили в темное холодное подполье.

В начале марта пять корней проснулись и дали всходы. Набухающий побег приподнимал тонкий слой земли и пробивался на свет в виде белого изогнутого стебля с коричневой верхушкой. Поливали мы ростки женьшеня редко и оберегали их от солнечных лучей.

Самый крупный корень, возраст которого приближался к десяти годам, выпустил тридцатисантиметровый

вый стебель с четырьмя пятипальчатыми листьями. А 14 мая женьшень зацвел. В течение пяти дней распускались его 34 маленьких бутончика, образовавшие соцветие на конце стебля. Цветки были невзрачные, зеленовато-белые, но как им обрадовались музейные работники!

Мало кто видел цветущий женьшень. Поэтому все моменты цветения фиксировал музейный фотограф И. Овчарук. Позднее он заснял и красные ягоды — плоды женьшеня. Эти редчайшие цветные фотографии можно посмотреть в фондах музея, помня, что изображение женьшеня увеличено против натуры в три раза.

Полученные семена женьшеня мы высадили. Взошли они только через два года. Часть семян была передана в Московский биологический музей им. К. А. Тимирязева, где с ними провели ряд интересных опытов.

Страна цветов

Кто сказал, что в тайге цветы не пахнут?! Побывайте-ка весной, когда цветут ландыши, на тихой лесной полянке. Каким тонким ароматом напоен воздух! Хорошо пахнет также уссурийский жасмин. А белые невзрачные цветки багульника источают летом такой сильный запах, что болит голова.

В моем саду ранней весной распускаются два куста махрового миндаля. Но вот я посадил рядом несколько кустов рододендрона, называемого у нас багульником, и когда он зацвел, гордая красота миндаля померкла. Почему бы не высаживать багульник в наших парках и на бульварах?

Чудом Дальнего Востока слывет лотос — священный цветок народов Азии. Я находил его большие нежно-ро-

зовые цветы на Уссурийском острове недалеко от Хабаровска и на уликинских озерах. Прекрасны ирисы, красные лилии, примулы, пионы. Когда на тигровую лилию садится крупный синий хвостonosец, трудно решить, кто из них ярче.

И кажется, что ты перенесся в далекую Индию и, раздвигая заросли, на поляну вот-вот выйдет слон. Ведь не случайно известный исследователь природы Уссурийского края профессор Алексей Иванович Куренцов как-то сказал: «Что такое природа нашего края? Это копия Северной Индии».

Морская капуста

Мы шли по музею с видным московским ученым. У стенда с морской водорослью ламинарией академик остановился и сказал: «Если бы это зависело от меня, я обязал бы всех включать в свой рацион морскую капусту!»

Да, морская капуста, или ламинария, очень полезна для человека, особенно в пожилом возрасте. В ее составе много йодистых соединений, благотворно влияющих на кровеносные сосуды. К тому же она вкусна и питательна. Какие салаты можно готовить из этой водоросли!

Ламинарии очень много в Охотском море, но промысел ее ведется пока недостаточно. Помнится, еще сравнительно недавно поварам выплачивались премии за приготовление блюд из камчатских крабов и трепангов. Теперь нужда в поощрении отпала. Думается, и ламинария будет по достоинству оценена нашими земляками. Уже сейчас появилась настоятельная необходимость взять под охрану плантации морской капусты, разумно использовать богатства моря.

Век зверобоев прошел

Натуралисты — исследователи звериного царства — убедительно доказали, что все звери уступают дорогу человеку и убивать их в целях самозащиты нет нужды. Даже белый и бурый медведи, тигр и леопард выражают «уважение» к человеку как к более сильному биологическому виду. Сразить пулей белого медведя или тигра вовсе не геройство, а дань животному страху.

Наступил век охраны животных, дружбы с ними. Это, конечно, не значит, что мы откажемся от регулирования числа хищников, отстрела престарелых особей. Я не ратую за отказ от спортивной охоты и тем более от промысловой. Лес должен давать нам пушнину и мясо диких животных, но, входя в лес с ружьем, не следует поднимать его на редких и ценных животных, особенно находящихся на грани исчезновения. Преступно губить живые памятники природы, да еще и гордиться этим, возводя безрассудство в ранг удали. Хорошая фотография намного ценнее убитого зверя, а человек, в совершенстве владеющий фоторужьем или кинокамерой, познавая красоту природы, приобщается к творчеству.

Необычные гости Хабаровска

Из всех отделов нашего музея самым популярным, конечно, является отдел природы. Да это и понятно. Ведь горожанин лишен возможности общения с дикой

природой, да и сельскому жителю редко удастся наблюдать за животными в естественной обстановке.

Человека всегда влекла и манила природа. Лев Толстой писал: «Одно из первых и всеми признаваемых условий счастья есть жизнь такая, при которой не нарушена связь человека с природой, то есть жизнь под открытым небом, при свете солнца, при свежем воздухе, общении с землей, растениями, животными».

Вот и стремится житель города хоть как-то восполнить неутоленную потребность общения с живой природой. Идет он в музей, и тут в обширных светлых залах перед ним предстают обитатели лесов, полей, озер и рек. Среди них есть и такие, о которых ходит немало разных легенд и небылиц.

Приходилось не раз слышать: «Рысь нападает на человека». Кто возвел напраслину на этого зверя, объявив его кровожадным и опасным для человека? Я отнимал у рыси еще теплую добычу, преследовал ее и убедился в том, что человека она очень боится и, конечно же, никогда не бросается на него с вершины деревьев. Редко нападает рысь и на домашних животных. Но если такое случается, то в смелости и дерзости ей не откажешь, особенно при охоте на свиней.

Живет рысь в глухих лесных дебрях, и все же временами ее можно встретить в Хабаровске. Чем притягивает эту осторожную крупную кошку город? Видимо, обилием пищи. А наличие оврагов, густо поросших деревьями и кустарниками, позволяет надежно укрываться от человеческого глаза.

И не только рыси заходят в Хабаровск. Появляются тут иногда волки, лисицы, постоянно живут колонки, енотовидные собаки.

Однажды в музей пришел А. С. Журавлев, проживавший в собственном доме на улице Баневура, почти в центре города. Вот какой случай привел его к нам.

Проснулся он ночью от странного шума. В сарайчике, где находились куры, кто-то грыз доску и по-собачьи поскуливал. «Никак бродячая собака забралась в курятник», — подумал Журавлев и, вооружившись увесистой палкой, направился в сарай. Распахнув дверь, увидел огромного волка: на широколобой голове торчали острые уши, опущенный хвост свешивался к земле поленом. От сильных ударов палкой по спине и голове зверь отпрянул в глубь сарая, а Журавлев, сменив палку на вилы, нанес ему удар в бок.

Вытащив неподвижную тушу из сарая, он бросил ее посреди двора, но стоило ему отвернуться, как оживший зверь перемахнул через полутораметровый забор — и был таков.

Голод заставил волка искать пищу около человеческого жилья. Зачуяв кур, хищник протиснулся в узкую куриную лазейку в стене сарая, но обильный ужин настолько его отяготил, что выбраться на свободу он уже не смог.

В пору выкармливания молодняка волки дерзко нападают на домашних животных. Но вот наброситься на человека даже в безвыходном для себя положении серый разбойник не посмел. Такова волчья натура.

Лесная трагедия

Есть в отделе природы нашего музея уникальная диорама «Трагедия в северных джунглях». О ее «героях» и истории создания я и хочу рассказать.

Впервые на реке Подхоренок мне довелось побывать в конце сороковых годов. Моим проводником тогда был Лазарь Калашников — замечательный следопыт и зна-

ток дальневосточных дебрей. Многому научил меня этот душевно красивый человек.

Течет Подхоренок, длина которого превышает двести километров, параллельно Хору, впадая в Уссури южнее его устья. В низовьях воды его задумчивы и спокойны, в верховьях — светлоструйны и говорливы на перекатах и у заломов. В ту пору сюда заходила на нерест кета, а ленки и хариусы водились весь год. В среднем течении река разбивается на два рукава — Правый и Левый. Вот на Левом Подхоренке и стояла палатка Калашникова, здесь он и охотился. Теперь на этом месте раскинулся большой механизированный лесопункт с поселком лесорубов — «Шумный». Он так быстро разрастался, что когда, спустя всего три года после начала работ, мы с Калашниковым приехали в его охотничьи угодья, окружающую местность трудно было узнать.

Решили разведать Правый Подхоренок. Самым отдаленным пунктом здесь был лесоучасток «Медвежий ключ», или, как его ласково называли лесорубы, — Медвежка. Сейчас на Медвежку проложена узкоколейная лесовозная дорога, нам же с Калашниковым пришлось брести более сорока километров через мари и топкие болота, прежде чем показались огни маленькой деревушки.

Но зато как обрадовали меня пышные, великолепные леса Правого Подхоренка. Издавая невнятный гул, тихо раскачивались бронзовые стволы вековых кедров, а земля была усеяна увесистыми шишками. Сколько здесь встречалось следов разных зверей и птиц!

Выбирая места поживописней, мы выстроили три бревенчатые избушки, дав названия близлежащим ключам: Теплый, Пустой, ключ Иванова, Безымянный... Позднее топографы закрепили эти названия, нанеся их на карту.

Обычно в конце осени и начале зимы (ноябрь — де-

кабрь) на Подхоренке стоит прекрасная погода. В долине Амура в эту пору дуют назойливые ветры, а здесь тихо, пригревает солнце, морозы небольшие. Столбик ртуты редко опускается ниже отметки -10° , а в иные дни декабря даже поднимается до трех—пяти градусов выше нуля. Первые пороши, как правило, стаивают, и когда образуется устойчивый снеговой покров, он не превышает двадцати сантиметров. По такому снегу легко ходить и без лыж.

Леса вокруг смешанные: кедр да пихта, береза ребристая и липа, ель, лиственница да дуб с ясенем встречаются чаще всего. В подлеске много колючих кустарников, местами лиановые заросли. Зимой такой лес наполнен голосами птиц.

В 1948 году на Подхоренке выпустили 70 норок, отловленных на Анюе. А в 1950 году я завез сюда 60 соборей из Верхнебурейского племенного рассадника.

Подхоренок надолго стал «местом прописки» экспедиций Хабаровского краеведческого музея. Много ценных экспонатов вывез я отсюда, и они украсили не только дальневосточные, но и столичные музеи.

В тот год мы с Калашниковым и охотником Гуськовым отправились на Подхоренок в конце октября. До Шумного добрались по узкоколейке и, наняв вьючную лошадь, тронулись на Медвежку. Марь, по которой вилась тропа, не промерзла как следует, и наша Буланка то и дело увязала по самое брюхо, а то и вовсе ложилась на бок вместе с вьюком. Утопая в коричневой жиже, мы снимали поклажу с обессиленной лошади, вытаскивали Буланку из трясины и брели дальше. Вскоре стало ясно, что надолго нас не хватит. Пришлось отправить Буланку в Шумный, а груз распределить поровну. Сумерки застали нас в обширном болоте. Заночевали на бугорке под лиственницей и лишь на следующий день, мокрые и усталые, пришли в Медвежку.

Дальше тропа пролежала по твердому сухому грунту, идти по ней было удовольствием. Добравшись до ближайшей избушки, мы навели в ней порядок и разбрелись по своим делам. Осматривая окрестности, я поднимался по горному ключу. Мое внимание привлекла густая поросль серебристого ягеля, покрывавшего каменистую россыпь. Как это напоминало тундру! Но рядом на опушке висели на редкость толстые лозы винограда амурского. Вечером я предложил Калашникову нарвать ягеля и срезать лиану для музея. После ужина мы долго не могли уснуть, и тогда Калашников рассказал любопытную легенду.

...Некогда всемогущий Север теснил Юг. Вот уж было совсем воцарился он в Приамурье: землю глубоко проморозил и реки наледями покрыл. Стужи такой напустил, что деревья начали лопаться, а птицы на лёту замерзали. Появилось тут много полярных зверей.

Но пришел Юг, жарким дыханием растопил снег и льды, обвил лианами деревья. После теплых ливней пышно зазеленели леса, привлекая к себе тропических птиц и бабочек, зацвели лотос и женьшень. Тепло стало.

Снова вернулся Север со своей колючей зимой и говорит Югу: «Убирайся с Амура, тут мои владения!» А Юг отвечает: «Не уйду с этой земли. Отныне охранять ее будет тигр. Он съест твоих северных оленей, и тебе не на чем будет ездить». Позвал Север на помощь бурого медведя.

Так встретились хозяин тайги с владыкой джунглей и вступили в смертельный бой. То тигр одолевает, то медведь на тигра насаждает. Тигр ловок и стремителен, а медведь силен и вынослив. Долго боролись, но так ничья и не взяла.

С тех пор тигр с медведем недружно живут на Амуре...

Утром мы разошлись по своим тропам. К полудню вышел я на лесную поляну, утопанную тигром и медведем, политую их кровью. Редко спорят между собой эти крупные хищники, очень редко, но почти всегда насмерть. На поломанных деревцах и кустарнике пестрели клочки черной и рыжей шерсти, а чуть поодаль лежали жалкие останки кабана — челюсти, усаженные крепкими зубами, да пучки жесткой и длинной щетины. Невольно вспомнилась легенда о споре Юга с Севером. Но где же участники этого сражения?

Распутывая следы зверей на снегу, я долго кружил по поляне, пока под темно-зелеными кедрами не нашел, наконец, череп, когтистую переднюю лапу и кончик хвоста тигрицы. Сомнений не было — медведь одолел тигрицу и не только убил ее, но и съел. Следы вокруг были не очень старые: значит, медведь находится где-то поблизости.

Вскоре я заметил, что широкий медвежий след затаптывает следы двух тигрят, круживших недалеко от места гибели матери. Стала понятной причина столкновения зверей. Тигрица добыла на обед кабана и подзывала своих годовалых котят, но вместо них пожаловал бурый медведь-шатун. Предсмертный визг и запах крови кабана привлекли косолапого, и он потребовал своей доли. Тигрица, видимо, попыталась отпугнуть непрошеного гостя, но не тут-то было...

Расправившись с тигрицей, медведь сперва съел часть кабана. Слетевшиеся на пиршество вороны и вороны, набежавшие отовсюду мелкие зверушки изрядно поубавили его долю. Передохнув, медведь принялся за тигрицу. А тем временем осиротевшие тигрята бродили вокруг и, естественно, раззадорили медведя. Шатун стал гоняться за ними.

Изучив следы и представив картину событий, я поспешил в охотничью избушку. Тигрят надо было спа-

сать от неминуемой гибели. Отлов прошел быстро и успешно, и вскоре тигрята оказались на нашем попечении. Для прокормления их мы подстрелили двух кабанов, но медведь утащил обе туши. Возмущению нашему не было предела, и мы вознамерились наказать вора по всей строгости.

Найти медведя по свежему следу не представляло большого труда. Забравшись в густой пихтач, он лежал рядом с остатками кабаньей туши. Зачуяв нас, зверь поднял свою мохнатую голову и уставился на незнакомцев полусонными глазками. Как он был уверен в своей силе после недавней победы над тигрицей! Маленькая, в десять граммов, пуля, легко пробив лобную кость, мгновенно оборвала его жизнь. Я стоял над поверженным «хозяином тайги» и думал: «Вот он, победитель «владыки джунглей». Красивый, могучий зверь. Надо показать людям, какие драмы порой разыгрываются в лесу». Так родилась идея музейной диорамы «Трагедия в северных джунглях».

Но кедрово-широколиственный лес уже был представлен в нашем музее. Создал эту диораму еще до Великой Отечественной войны хабаровский живописец Василий Высоцкий. Он не только написал с натуры уголок хорского леса и горной реки, но и собственноручно поставил на переднем плане деревья, вывезенные им с Хехцира. Лес получился на славу! Самобытное произведение художника было по достоинству оценено хабаровчанами.

Когда в музей поступили шкуры молодой тигрицы, убитой лесорубами, и тигренок, погибшего при отлове, мы отправили их вместе со шкурой и черепом медведя-шатуна в Москву на завод «Военехот», где в них вдохнули новую жизнь.

Нарушив вековой покой кедрово-широколиственного леса, «воскрешенные» звери образовали уникальную

экспозицию, которой мог бы гордиться любой музей мира. Она правдиво и живо запечатлела редчайшее явление из жизни северных джунглей.

Череп погибшей тигрицы мы подарили музею сравнительной анатомии Хабаровского мединститута.

Рядом с диорамой выставлена картина художников Г. С. Зорина и Я. С. Куриленко «Бригада уссурийских тигроловов Богачевых». Это авторская копия. Оригинал находится в Москве.

В 1951 году на республиканской выставке картина вызвала большой интерес у москвичей. Еще бы! Где еще, как не на Дальнем Востоке, тигров ловят голыми руками! Центральной фигурой картины является известный хабаровский тигролов Иван Павлович Богачев, поймавший за свою жизнь 36 тигров. Это был человек большой душевной красоты. Сочетая в себе редкую отвагу со скромностью, граничащей с застенчивостью, он снискал любовь и уважение всех, кто его знал.

Однажды Иван Павлович с тремя помощниками, не успев как следует разобраться в следах на снегу, настиг взрослую тигрицу. Отступать было поздно, и он решил взять ее живьем. Во время вязки зверь впал в шоковое состояние и погиб, как говорится, от «разрыва сердца». «Не вынесла позора», — объяснял Богачев смерть тигрицы.

Это событие и послужило поводом к созданию картины. Справа от И. П. Богачева — его племянник П. П. Богачев, слева — сын Матвей. Задние лапы вяжет Е. Н. Авдеев. Фон картины написан с натуры, на одном из отрогов Сихотэ-Алиня, где некогда водились тигры. Отважные тигроловы позировали художникам.

Все в картине нарисовано с натуры. И только живого тигра не было в студии в момент создания полотна. Пришлось художникам довольствоваться музейным экспонатом и зарисовками в зоопарке. Один из переул-

ков в Хабаровске, где стоит дом И. П. Богачева, носит теперь имя прославленного тигролова, а мной написан о нем очерк, много раз печатавшийся в разных изданиях, — «Тигролов».

«Владыки джунглей»

В музее экспонируются пять тигров. Самый молодой из них — годовалый тигренок, самый старый — сорокалетний самец с поломанными клыками. Стоит он рядом с северным оленем не случайно. В Кур-Урмийском районе не так давно обитали тигры, и сюда же спускались с Баджалского хребта северные олени. Два тигренка попали в музей в результате гибели во время отлова. Травмы и шоковое состояние погубили их.

Шкуры еще двух молодых тигров были конфискованы у браконьеров, а старого тигра случайно подстрелили неподалеку от Биробиджана. Охотники выложили приваду и поджидали ночью волков, но вместо них пришел старый «Ширхан». В темноте ошибиться нетрудно. Утром в музей послали телеграмму: «Приезжайте за шкурой тигра».

Не могу удержаться, чтобы не сказать несколько слов в защиту тигра. Дальневосточный длинношерстный тигр — зверь необычный. Это живой «памятник природы», дошедший до нас от доледникового периода, процветающий реликт былого великоления нашей фауны. В отличие от своего тропического собрата амурский тигр не агрессивен, прекрасно уживается с человеком и не трогает, как правило, домашних животных. Он — союзник человека в борьбе с волками.

К тигру нужно подходить по-хозяйски: взрослый крупный тигр оценивается до 10 тысяч рублей золотом за особь. Спрос на него неограниченный как внутри

страны, так и за рубежом. Нужно вести учет численности тигров и отлавливать их живьем и только живьем!

С 1947 года охота на тигров в крае запрещена законом, и все-таки тигры попадают под пули. Почему же это происходит?

Отчасти повинен в этом страх. Ни одно животное в наших лесах не вызывает в людях такого трепета, как тигр. Но ведь прославленные тигроловы, живущие на Дальнем Востоке, совершенно не боятся тигров, они говорят, что поймать трехлетнего медведя труднее, чем трехлетнего тигра. И они правы.

Охотники, как известно, народ азартный. Как преображается иной безобидный горожанин при виде сидящего на березе рябчика: глаза горят, руки дрожат... А тут тигр! Даже у «бывалого» дух захватывает. Добыть! Во что бы то ни стало добыть. Чтобы можно было пнуть ногой могучее тело царственного зверя, погладить рукой его шелковистую шерсть... А когда страсти улягутся, человеку становится жаль загубленного лесного красавца, а тут еще угроза расплаты за недозволенный выстрел... Вот и рождается версия об агрессивности тигра, о большой его опасности для человека.

В диораме «Трагедия в северных джунглях» обращает на себя внимание тигрица, защищающая от медведя свою добычу. Поступила она в музей при следующих обстоятельствах. Вот выписка из протокола, составленного в поселке Ходы района им. Лазо 19 января 1967 года и подписанного 22 работниками лесной промышленности: «Возникла угроза жизни людей, детей не выпускали на улицу. Возчики сена боялись выезжать за сеном. Рабочие СМУ копали яму и, возвратившись с обеда, недосчитались лопаты и топора. Эти инструменты были обнаружены в 50 метрах с изгрызенными черенком и топорищем...»

Кто же поверг население поселка Ходы, что на реке Хор, в столь паническое состояние? Оказывается, тигр! Далее составители акта утверждали, что это был необыкновенно дерзкий зверь. Появившись в окрестностях поселка 5 января, он становился смелее с каждым днем. Сперва его видели в двух километрах от домов, затем у околицы. Автомашинна прошла в полтора метрах от тигра, осветив его фарами, и, наконец, следы огромной кошки появились в самом центре поселка. Зверь беспечно разгуливал ночью по улицам, охотясь на собак.

Председатель местного охотобщества М. Г. Маркин, знавший о том, что в крае имеются опытные тигроловы, не спешил поставить их в известность о случившемся, но когда тигр утащил его собаку, стал действовать решительно. К тому же «у страха глаза велики»: шофер СМУ Степанов якобы видел, как тигр подходил на пятьдесят шагов к детям; за рабочим В. Я. Зайцевым зверюга прямо-таки гонялся у самого его дома, а завхоза ЛСУ Н. Г. Шипикова, шедшего из бани, подкарауливал, спрятавшись за железными бочками, и только проходившая мимо машина вынудила его ретироваться...

Так это было или не так, но 15 января, как далее говорится в акте, более двадцати охотников, вооружившись и разделившись на группы, пошли на тигра. «Люди стали стрелять в воздух, чтобы отогнать тигра, но хищник не посчитал нужным уйти. Не боясь выстрелов, он шел навстречу людям». Вполне понятно, тигра застрелили.

Тридцать лет я собирал сведения об амурских тиграх, и, естественно, такой документ не мог не взволновать меня. Но может быть, это была старая, изможденная голодом тигрица или тигр-инвалид, вынужденный пробавляться собаками и отбросами, как это делают иногда волки? Нужно было поскорее осмотреть убитого зверя. И вот он на столе препаратора музея. Общий

вес — 115 килограммов, длина туловища — 158 сантиметров, высота в холке — 92 сантиметра. Толщина подкожного жира в паху — 7 сантиметров. Размер и пропорции тела зверя, его вес, упитанность позволяли сделать вывод: погибла тигрица в возрасте трех-четырех лет. Это стадия, когда тигриная семья распадается и тигрята переходят к самостоятельному образу жизни. Не убивать тигрицу нужно было, а отловить и отправить в один из зоопарков. Сколько радости доставила бы она детям Москвы, Ленинграда или Киева!

Нет в наших лесах более драгоценного зверя, чем тигр. Многие ученые, путешественники и писатели едут в наш край в надежде повидать этого могучего, царственного зверя. Каждый безрассудно убитый тигр пополняет список невосполнимых потерь живой природы.

В музее выставлена юная тигрица Хема. Ей не исполнилось и двух лет, когда она осиротела: ее мать съел огромный бурый медведь — тот самый, что стоит теперь в диораме «Трагедия в северных джунглях». Мне хотелось спасти Хему, но моя услуга оказалась «медвежьей»: в момент отлова тигренка сильно укусила собака. Хема впала в шоковое состояние и умерла. Об этой грустной истории я поведал в книге «Рассказы дальневосточного следопыта».

Рядом с Хемой стоит молодой леопард, или барс, ныне изредка встречающийся в самой южной части Приморья. Я давно мечтал заполучить хотя бы экземпляр этого исчезнувшего в нашем крае вида. Однажды в мои руки попал рысенок. Днем он спал, а по ночам оглашал квартиру тоскливым, диковатым криком. Раздумывая, куда бы определить рысенка, я позвонил на базу «Зооцентра» и узнал, что к ним поступила шкура погибшего при отлове леопарда. Предложение обменять живого рысенка на шкуру леопарда работники базы

приняли охотно, и музей приобрел желанный экземпляр.

Так и стоят они рядом в музее — тигрица Хема и молодой леопард.

Медвежий «небоскреб»

— Это не медведь, а настоящая горилла, — говорил, бывало, препаратор Калашников.

Действительно, гималайский, или белогрудый, медведь большую часть своей жизни проводит на дереве. В дупле он рождается, здесь же зимует, да и летом не прочь укрыться в этом убежище от своих врагов и назойливого гнуса. Охотно и подолгу кормится на деревьях, обламывая при этом ветви кедра, дуба и черемухи.

В нашей стране этот зверь встречается только на юге Дальнего Востока. Мы мечтали «пригласить» в музей медвежью семью, но мне не доводилось встречать медведицу более чем с двумя медвежатами. Был случай, когда в теле убитой медведицы охотники обнаружили пять зародышей, а вот чтобы столько медвежат ходило с матерью, — этого никто не наблюдал. Видимо, медведица сама регулирует численность своего потомства.

Река Далми славится дремучими кедрочами и старыми липами, а где растут эти деревья — там ищи и гималайского медведя. Музейная экспедиция прибыла на Далми в ноябре. Поставили мы в глухом ключе палатку и отправились на поиски медвежьих берлог.

Идем мы с Калашниковым по косогору в заданном направлении и оповещаем друг друга условными сигналами, когда удастся найти логово зверя. Но все берлоги пустые. Впереди показалась толстая, как башня, липа с зияющим отверстием дупла. Тихонько подхожу и осто-

рожно заглядываю в дупло. На дне его — темный бугор. Отойдя от липы на несколько шагов, осторожно подзываю Калашникова, но в ответ мощный рев сотрясает лес и оскаленная пасть медведицы показывается из дупла.

Торопливых два выстрела — и зверь мешком валится наземь. Подходит Калашников, пристально рассматривает берлогу. «С медвежатами», — коротко отвечает на мой вопросительный взгляд. Настроение у меня портится. Но ведь мы искали именно медвежью семью!

Когда на другой день мы вернулись к липе, чтобы забрать добычу, на соседнем кедре сидел и оплакивал медведицу третий медвежонок. Калашников впоследствии утверждал, что это был ее приемный детеныш. Его доводы меня убедили.

Так в музее появилась диорама «Медвежья семья», вызывающая неописуемый восторг у всех посетителей. Но мы на этом не успокоились. Уж очень хотелось нам поставить в зале натуральную медвежью берлогу вместе с «хозяином». Однако минуло три года, прежде чем осуществилась эта мечта. За это время я нашел немало жилых берлог, но находились они в труднодоступных местах, да и не так-то просто липу или тополь с диаметром ствола до трех метров спилить бензопилой «Дружба», а с простой пилой и не подступайся. И тут я снова вспомнил о Правом Подхоренке. По словам Калашникова, гималайские медведи повадились устраивать свои берлоги на Ивановом ключе. Кстати, расскажу, почему этот сумрачный ключ называется Ивановым.

В начале пятидесятых годов в Хабаровске работал Василий Иванович Иванов — человек большой энергии и страстный охотник. Приглашает он меня как-то к себе и спрашивает:

— Может, съездим погоняем зайчишек. Покажу, как охотятся с гончими.

— Стоило, Василий Иванович, ехать к нам из Москвы, чтобы на зайцев охотиться, — отвечаю. — Давайте лучше на медведя сходим. Их у нас больше, чем зайцев.

Иванов тут же согласился. И когда наступил ноябрь, взял он отпуск и отправился со мной на Подхоренок. Поселились мы в одной из избушек и занялись охотой. Идем однажды по берегу безымянного ключа, как вдруг, откуда ни возьмись, табун кабанов. Звери, зачуяв нас, стали уходить. Я пустился вдогонку и потерял из виду Василия Ивановича. Слышу — выстрел, второй. Возвращаюсь — и глазам своим не верю: стоит Иванов возле туши крупного бурого медведя, протирает запотевшие очки и улыбается.

— А ты говорил, что медведи режут и при стрельбе бросаются на охотника. Этот же обнял кедр и стоял пошатываясь. Пришлось второй раз стрелять.

С тех пор Иванов стал часто бывать на медвежьих охотах, а безымянный ключ, на котором он убил первого в своей жизни медведя, мы назвали Ивановым.

Приехали мы на Иванов ключ с Калашниковым и Гуськовым в ноябре и сразу приступили к поискам. Вскоре Калашникову посчастливилось выйти на старый след медведя, приведший его к вековой лиственнице. Это было дряхлое дерево с дуплом, находившимся на высоте 22 метра от поверхности земли. Разбудив медведя выстрелами, мы заставили его покинуть свое убежище. Едва зверь выбрался из берлоги, как его тут же сразила меткая пуля Калашникова.

Легко было добыть медведя, но для того, чтобы спилить и вывезти берлогу, потребовался трелевочный трактор с лебедкой. Доставив четырехметровый срез лиственницы с берлогой внутри на Медвежку, мы укутали его мешковиной, стянули накрепко канатами, чтобы он не растрескался, и погрузили на тягач. Весил наш экспонат более двух тонн. С большой осторожно-

стью, укрепляя по пути старые мосты, мы выбрались по заброшенной лесной дороге на трассу и только здесь успокоились. Когда во дворе музея с берлоги была снята предохранительная упаковка, мои коллеги не могли скрыть разочарования. Им хотелось, чтобы берлога находилась в крепком красивом дереве, а не в этой, как они выразились, «гнилушке».

Еще труднее оказалось занести берлогу в экспозиционный зал и поставить ее вертикально. Технику применить в данном случае было невозможно и потребовалась подмога дюжины сильных мужчин, чтобы водворить экспонат на отведенное для него место.

Теперь нужно было решать, как показать хозяина берлоги — медведя. Если его поместить в дупле, он будет плохо виден посетителям. А что, если топыгина «заставить» взбираться в свое зимнее жилище?! Ведь оно находилось на высоте пятиэтажного дома. Медвежий «небоскреб»!

Весть об экспонировании в музее натуральной медвежьей берлоги обошла все центральные газеты. «Правда» назвала ее уникальным экспонатом.

Посетители иногда спрашивают: «Не было ли ему холодно?» Холод медведь, конечно, чувствовал, но переносил его без ущерба для своего здоровья: внизу — мягкая сухая древесная подстилка, с боков — прочные стенки лиственницы, а в мохнатой шубе, утепленной толстым слоем подкожного жира, не страшны и двадцатиградусные морозы. Лапу он не сосал. Из шестидесяти добытых мною в берлогах медведей ни у одного не оказалось мокрой лапы. Хозяин берлоги был молодым зверем — его вес достигал ста килограммов. Занимать берлоги повыше обычно стремятся молодые медведи и медвежата, выходящие из-под материнской опеки. Они лучше и охотнее старых лазают по деревьям, а «небоскребы» надежнее укрывают их от врагов.

Если бы меня спросили, какой из экспонатов в отделе природы музея самый редкий и ценный, я не задумываясь ответил бы: берлога гималайского медведя. Ведь увидеть это можно только в Хабаровском музее! Зрелище впечатляющее: южный медведь нашел себе пристанище в дупле типичной северянки — лиственницы. В наши дни древесные медведи охраняются законом и охота на них запрещена. Отловленные в юном возрасте, они после выучки становятся «артистами» цирка и весьма преуспевают на сцене.

Благородные и неблагородные

Почему-то так повелось, что охотники многих оленей стали называть благородными, но на северного оленя этот эпитет не распространился. То ли потому, что в его походке мало грации и не умеет он элегантно забрасывать на спину рога и поднимать голову, то ли потому, что не склонен трубным голосом вызывать своего противника на рыцарский турнир, но люди отказали ему в благородстве. А зря!

Разве только ставится ему в упрек чрезмерная покорность человеку? Ведь обычно северного оленя воспринимают не как дикое животное, а как домашнее. Разницу между ними действительно уловить трудно, да и часто случается так, что домашние северные олени дичают, а диких опытные оленеводы укрощают и объезжают.

В виде исключения природа наделила самку северного оленя рогами, правда, меньших размеров, более ажурными и симметричными, чем у быков. Но бедные самцы! Они вынуждены носить несуразно огромные

тяжелые рога, которые благодаря своей грузности не только не помогают, а зачастую мешают им обороняться от волков. И если у благородных оленей по отросткам на рогах можно, до некоторой степени, судить о их возрасте, то у северного оленя число отростков больше числа прожитых лет.

Долгое время у нас в музее не было чучела северного оленя, и пришлось послать препаратора Калашникова на далекое Охотское побережье. Вернувшись вскоре с добычей, Калашников рассказал следующее:

— На лиственничной мари я долго подкрадывался к пасущемуся согжю. Место было открытое, и стрелять пришлось издали. Когда подошел к упавшему оленю, оказалось, что он безрогий. Но один пенек на черепе — место, где держался рог, — был настолько свежим, что я подумал: совсем недавно сбросил он рога, нужно поискать их. Пошел по следу, как говорится, в пяту. Долго бродил по мари, но к концу дня все же нашел рог и прихватил его с собой. На другой день попытался найти второй рог, но, сколько ни ходил, не нашел. Так и привез шкуру с одним рогом.

В московской таксидермической мастерской сделали из нее живого оленя. Читатели поправят меня: какой же он живой, ведь это чучело! Ох, и не подходит это слово, которым мы обычно называем безобразное, нелепое существо или пугало для птиц. Наш согжю — не чучело, а произведение искусства таксидермиста, настоящая скульптура. Перенесите ее в лес — и любой охотник примет модель за насторожившегося живого зверя и обязательно пустит в нее пулю, если, конечно, имеет лицензию.

Когда я водил гостей по музею, то подолгу останавливался около согжю и рассказывал об этом удивительном звере — родоначальнике наших домашних северных оленей. Если арабы называют верблюда «кораб-

лем пустыни», то северный олень — «корабль тундры и тайги»!

Недалеко от согжоя расположилась целая группа благородных оленей. Раньше это животное называлось изюбром («изюбрь»), но вмешались филологи и стали утверждать, что по законам грамматики нужно убрать мягкий знак из этого слова. И вот уже грациозное животное именуется изюбром, что созвучно слову «зубр».

В природе благородные олени семьями не живут. Чаще всего они бродят парами: как быки, так и самки, причем последние могут быть с телятами. Лишь в брачную пору, в начале осени, самцы образуют гаремы из двух—пяти самок и ревностно охраняют их в течение нескольких дней.

Все изюбры, экспонируемые в музее, добыты мною и Калашниковым. С нелегким чувством охотился я за ними, жаль было красивых животных. Но сбор зоологических коллекций — неременное требование музейного дела.

Вспоминаю, как мы добыли быка, красующегося теперь в окружении самок. Стоял яркий, цветистый сентябрь. Ночные заморозки серебрили траву по утрам, а когда пригревало полуденное солнце, пахло увядшей листвой. Лес горел багряными и желтыми красками. На фоне темно-голубого, без единого облачка неба стволы берез казались ослепительно-белыми. Незримая грусть, разлитая в природе, передавалась душе, и на ум шли есенинские строки:

Отговорила роща золотая
Березовым веселым языком...

Ночь мы скоротали в распадке лесного ключа, а чуть забрезжило — потушили костер и направились к березовому косогору, откуда вечером доносился рев изюбров. Из небольшой берестяной трубы Калашников из-

влекал такие звуки, что, случалось, к нам нередко подкрадывались опытные охотники, не сумевшие распознать фальши в «реве» быка. Ухмыльнувшись, Лазарь припал губами к трубе. По едва проснувшемуся лесу пронесся вопль зверя, в котором слышались угроза и тоска, призыв и ликование. Не верилось, что столь робкое и миловидное животное способно издавать такие жуткие стоны и глухой рев, напоминающий рычание тигра.

Далекое эхо повторило последнюю гамму изюбриного зова, и лес затих. Не прошло и нескольких минут, как мы вздрогнули от яростного, словно исходящего из-под земли, стонущего рева. Начинался он на высоких нотах, потом, словно оборвавшись, переходил в глухое мычание. Я вопросительно посмотрел на Калашникова.

— Старый... Видать, с ланками ходит, — прошептал Лазарь и снова припал к трубе. На этот раз его «песня» была тоньше, короче и завершилась телячьим мычанием. «Странно, не разучился же он внятно реветь», — подумал было я, но Лазарю тут же ответил невидимый бык.

Выдерживая паузы, Калашников время от времени подавал голос, а густой бас быка отзывался все чаще и ближе. Я понял, что настало время ускорить развязку, и, проверив карабин и дождавшись очередного «запева», быстро зашагал навстречу быку. Вдруг под ногами громко треснул сучок. При других обстоятельствах это могло отпугнуть зверя, но только не сейчас: для быка я был «соперником», избавиться от которого следовало во что бы то ни стало...

Выйдя на опушку, я затаился в тени кленового куста. Прямо передо мной лежала узкая лесная поляна, поросшая высокой, в рост человека, травой. Более удобное место для засады трудно было подыскать.

Вскинув карабин, я навел прицел на просвет между

деревьями и, когда там показалась рогатая голова, нажал на спусковой крючок...

Потом уже, когда разделявали быка, я спросил Калашникова:

— Почему ты трубил нынче так робко и тонко?

— Я подражал молодому бычку, решившему бросить вызов матерому сопернику, — ответил Лазарь. — Видишь, какую ревность вызвал в этом красавце! Поэтому он и шел к нам так прытко: хотел проучить поскорее юнца.

Занимался погожий день. Но почему тихая радость не наполняла мое сердце? Что-то мешало наслаждаться чистотой голубого неба, яркостью красок листвы и трав, алмазным блеском капелек росы. «Но ведь ты охотник и коллекционер!» — убеждал меня внутренний голос, но я никогда не охотился на рябчика с пищиком, а на селезня — с манком. И от мысли, что мы воспользовались доверчивостью красавца изюбра, обманули его, еще тягостней становилось на душе...

Лоси

Кто не знает лосей! Их в наши дни развелось столько, что встретить ненароком лося можно даже в городе. Наши лоси, которых в науке называют уссурийским подвигом, меньше сибирских, а рога их не имеют широких лопастей и такие же круглые, как у остальных оленей.

На севере края встречаются особо крупные экземпляры, достигающие в холке двух метров. Вот именно таких великанов мне и хотелось поставить в музей. Занимаясь аэровизуальным учетом сохатых на Омале, я добыл самку и огромного быка, но не смог увезти все свои трофеи на легком самолете. Вернувшись на другой

день за шкурой быка, к великой своей досаде не нашел ее на прежнем месте. Ее изорвал и перепрыгал медведь-шатун. Из шкуры коровы в Москве изготовили прекрасное чучело, и, конечно, одинокая лосиха в музее не смотрелась. Тогда мы срочно отправили на охоту Калашникова. Однако, как ни старался Лазарь, найти крупный экземпляр ему не удалось. Пришлось довольствоваться сохатым средних размеров, имевшим к тому же темную окраску. Бык оказался ростом с корову, и, к сожалению, наша биогруппа не производит должного эффекта.

Проходя мимо этой четы, я всегда недобрым словом поминаю шатуна и раздумываю об участии уссурийских лосей.

В Верхнебуреинском районе при соболином рассаднике некогда содержались одомашненные лоси. Помню, как меня поразил вид лесного великана, легко несущего тяжеленные вьюки. Ведь лось пройдет там, где не пройти даже человеку. Он «скороспел», неприхотлив и покладистого нрава. Зимой питается ветками и корой деревьев. И приручить лося, как оказалось, не так уж трудно. Что бы ни говорили скептики, попытки одомашнивания сохатого следует продолжить. В условиях южной тайги, где из-за отсутствия ягеля не приживается северный олень, сохатый мог бы стать надежным «транспортным средством» геологов, лесоустроителей, изыскателей.

Косуля

Иногда ее называют козулей. Неудачное название. Я бы это милостивое животное назвал красулей. Научное наименование косули — «дикая коза», а в обиходе — просто коза.

Названий у нее много, но следует помнить, что с домашней козой она в родстве не состоит. Если последняя относится к полорогим, то косуля — к семейству оленей.

До сороковых годов в лесостепной зоне Приамурья косуль было множество. Ежегодно их численность пополнялась мигрирующими стадами из Маньчжурии. Ходовая коза появлялась зимой, после ледостава и выпадания глубоких снегов на правом берегу Амура. Естественно, охотники с нетерпением ждали этой поры.

Теперь ходовой козы не стало, охотятся на нее по лицензиям, и значение ее в охотничьем хозяйстве упало. Некогда амурские казаки и охотники любили носить козын дошки, хоть и не прочные, но легкие и теплые. Косулю в ту пору называли гураном, поэтому и тех, кто щеголял в таких дошках, также прозвали гуранами.

Из всех оленей мясо косули — самое вкусное и нежное, да и шкура сгодится в хозяйстве. И все же охоту на косулю я не любил никогда. Жаль было убивать это красивое, робкое и безобидное животное.

В музейной экспозиции выставлен табунчик молодых косуль. Взгляните на них! Как миловидны их большеглазые головы, украшенные ажурными рожками, как грациозны их тела! Помните у Петра Комарова:

Пришла коза напиться,
Стоит за тальниками.
Точеные копытца
Поставила на камень.
Потом к воде припала,
Прислушалась тревожно
И листик чернотала
Сорвала осторожно.

Словом, не зверь, а само олицетворение кротости и грации! И только совсем недавно нам стало известно, что в пору брачной жизни самец косули может обой-

тись со своей избранницей с таким коварством и жестокостью, на которые не способны ни волк, ни тигр.

В природе внешность часто бывает обманчивой, а безвредность по отношению к человеку не означает, что и к себе подобным животные относятся так же.

Вепри

В старину диких свиней называли вепрями, теперь их везде именуют кабанам, а у нас на Дальнем Востоке — чушками. Но больше всего к этим животным подходит наименование вепрь.

В музейной экспозиции выставлен целый табун вепрей: от новорожденного полосатого, как бурундук, поросенка до матерого клыкастого секача. Впереди табуна самка поставлена не случайно: она всегда выполняет роль вожака стада. Самцы появляются в табуне лишь в брачный сезон — в ноябре — декабре, а в остальное время предпочитают вести жизнь отшельников. В табуне секач всегда идет позади. Враги кабанов обычно преследуют их по следам и, догнав, получают отпор от «карьергарда» — клыкастых секачей.

Стадный образ жизни способствует выживанию вида в суровых условиях северных джунглей: в большом стаде легче заметить опасность и не так страшны морозные ночи, которые чушки пережидают, прижавшись друг к другу в своих «гнездах» — гайнах. В отличие от среднеазиатских диких свиней, укрывающихся в камышах больших рек, наш кабан — житель горных лесов.

Меня всегда поражала способность вепря строить обширные «гнезда» для своего многочисленного потомства. Насосавшись молока, поросята спокойно спят в «гнезде», прикрытые легкой крышей из веток кустарника и травы. Издалека такое гнездо можно принять

за копешку кем-то оставленного в лесу сена. А как нежятся кабаны в грязевых ваннах! Есть у них и любимые толстые кедры, проходя мимо которых они непременно почешутся о ствол боком. Разыскивая свой любимый корм — желуди и орехи, кабаны часто ссорятся между собой и только в зарослях хвоща пасутся мирно.

Я называю зимний хвощ «черным хлебом» вепрей. Эта реликтовая трава, о которой они вспоминают лишь в годы неурожая основных кормов, спасает их от голодной смерти. Не будь в горах Сихотэ-Алиня и Малого Хингана зимнего хвоща, не было бы у нас и вепрей!

Мясо молодого кабана, отъевшегося на орехах и желудях, вкуснее мяса домашней свиньи. Видно, потому так усердно охотятся в Приамурье на этого зверя и поголовье его с каждым годом все заметнее сокращается.

Дикий кабан легко привыкает к неволе и может скрещиваться со своими одомашненными сородичами. Давно пора позаботиться об увеличении численности этого ценного для человека вида, разумно регулируя его промысел.

«Душистые» звери

Я возвращался с охоты и, чтобы поскорее добраться до избушки, продирался напрямик сквозь заросли бересклета и орешника. Вдруг впереди на стволе зависшего при падении кедра возникла кабарожка. Она запрыгнула на полуповаленное дерево, чтобы получше оглядеться. Ее смертельные враги — харза, росомаха и соболь — ходят обычно бесшумно, не то что я, и кабарга не торопилась убегать, хотя тело ее сотрясала мелкая дрожь. Мне это хорошо было видно, потому что расстояние до зверька едва ли превышало два десятка шагов.

Уставившись на меня черными выпуклыми глазами, кабарожка выжидала. Полюбоваться бы мне на это чудо природы да и идти дальше своей дорогой, но тут я вспомнил, что ни хорошего чучела кабарги, ни кабарожьей «струи» в музее нет...

Положив нежданный трофей в рюкзак, я вскоре был у избушки. Осторожно вырезав кабарожью «струю» — железку, расположенную на животе у самца, снял шкурку вместе с черепом, а острые, как шило, клыки обмотал ветошью и отнес все это в лабаз.

Подвешенная для сушки к потолку железка не пахла. Но я знал, что ее содержимое — густой темно-коричневый мускус — обладает характерным стойким запахом. Зачем же нужна «струя» этому животному, которому лучше бы вообще не иметь никакого запаха: ведь у него так много врагов и так мало средств защиты? Оказывается, нужна, хотя и не всегда.

Как известно, кабарожка ведет уединенный образ жизни. В пору короткой брачной жизни пахучий след помогает животным находить друг друга.

Раньше у приамурских эвенков мясо кабарги пользовалось спросом. Они даже стойбища свои переносили поближе к местам, богатым этим зверем. Теперь кабаргу добывают главным образом из-за «струи», которая используется в парфюмерии.

Дальневосточные эндемики

Родина этих зверей — Уссурийский край, и если они ее покидают, то только по прихоти человека. Да и по названиям их можно судить, где они обитают: дальневосточный лесной кот, уссурийский енот...

Правильнее было бы называть уссурийского енота енотовидной собакой, потому что хотя и похож он внешне на настоящего енота, но относится к семейству собак. В большом семействе собак, пожалуй, только енотовидная собака способна впадать в спячку и потому к зиме чрезмерно жиреет. Кроткий нрав этого зверька, его большая плодовитость, а главное — теплая, чрезвычайно пушистая и красивая шкурка привлекли как-то внимание биологов-охотоведов, и решили они расселить этого увальня по всей европейской части нашей страны. Более девяти тысяч «енотов» было выпущено в самых разных местах, разумеется, не спрашивая их согласия. Последствия оказались неожиданными.

Где только не встретишь теперь бывшего уссурийца! От Кавказа до Ленинградской области и от Средней Азии до берегов Белого моря находят его следы охотники, жалуясь на нашего «земляка» за то, что он разоряет гнезда промысловых птиц. Но что же ему делать, если порой на новой родине нет такого изобилия лягушек, мелкой рыбешки и полевок, как в поймах Уссури и Среднего Амура.

Более того, настырный уссуриец «вторгся» в пределы некоторых европейских стран, где его встретили не особенно приветливо. Я не поддерживаю тех, кто жалуется на проказы «енота». Конечно, нельзя допускать большой численности этого зверька в парковых лесах Европы, но кое-где «енот» может стать не только терпимым, но и желанным видом. Ведь он легко возмещает своей теплой шубкой нанесенный ущерб, а дальневосточные охотники с таким увлечением преследуют енотовидную собаку, что ей грозило бы истребление, не будь лицензионной системы в охотничьем деле.

В тридцатых и сороковых годах «енота» с успехом разводили на зверофермах колхозов и совхозов, но экономически более выгодно содержание его на воле.

Если изготовить чучело уссурийского енота нам было нетрудно, то за шкуркой дальневосточного кота пришлось охотиться долго: чересчур скрытный образ жизни ведет он, да и редок. Потеряв всякую надежду самому добыть кота, я обратился к биробиджанским охотникам за помощью. Но и они не так скоро смогли выполнить заказ музея.

У экспозиции с «енотом» и котом обычно задерживаются дети, а у маньчжурского зайца — взрослые. При этом зайца принимают за дикого кролика. Ошибиться немудрено: и ростом невелик, да и окраска странная. Ну кто же видел черного зайца! И все же это именно заяц, причем необычный. Ученые относят его к роду очень древних жесткошерстных зайцев, хотя мех его совсем не жесткий. Из всех зайцев маньчжурец — самый мелкий, с плохим качеством меха. Охотники пренебрегают им, да и поднять его можно, лишь подойдя к лежке на четыре-пять шагов.

А окраска у маньчжурского зайца не всегда черная, чаще она серая.

«Черная молния»

Каждый музей располагает какими-либо уникальными экспонатами, составляющими предмет его гордости. Есть такие и в нашем музее.

В отделе природы уникальны фрегаты. На своей родине — у берегов тропических морей — эти птицы отнюдь не представляют собой редкости. Там они обычны, как у нас чайки. Но вот залет их в нашу страну — явление редкое. Впервые оно было отмечено в 1926 году, когда охотник С. Чарушников вблизи Хабаровска, на Уссурийском острове, подстрелил диковинную птицу.

Нам советовали подарить чучело фрегата Академии наук СССР. Подарок был бы достойным. Но как можно было расстаться с такой редкостью! Загадочный странник и поныне украшает экспозицию нашего музея.

Спустя несколько лет к нам поступил второй фрегат, добытый в районе озера Мылки близ города Комсомольска. Размах крыльев гостя из южных морей достигал 186 сантиметров. Как тут не согласиться с М. А. Мензбиром, писавшим: «Фрегат обладает такой силой полета, которая, может быть, ставит его выше всех других птиц».

Доисторическая птица

Экспонируется в музее и чешуйчатый крохаль, названный так по рисунку на перьях, напоминающему рыбу чешую. Эта реликтовая птица впервые появилась в нашем музее в 1956 году. Весной того года я руководил практикой студентов-географов в Кур-Урмийском районе. Как-то, спускаясь на лодке по Бираканской протоке реки Кур, мы вспугнули парочку крохалей. Я подстрелил их, приняв за обычных. Каково же было наше удивление, когда жертвой охотничьего азарта оказались чешуйчатые крохали, самец и самка.

Изготовив чучела птиц, мы подарили их Хабаровскому краеведческому музею. Можно представить радость музееведов! В ту пору даже Зоологический музей МГУ располагал одним-единственным чучелом самочки чешуйчатого крохаля. Да и в настоящее время в мировой коллекции птиц едва ли имеется два десятка экземпляров этого вида.

Позже в музей поступили еще два экземпляра че-

шуйчатого крохаля. Птицы эти наши, «коренные». Даже зиму они предпочитают пережидать на незамерзающих протоках и ключах, чтобы никогда не расставаться с родиной.

Красный волк

Кто из нас в детстве не зачитывался чудесной сказкой Р. Киплинга «Маугли»? Волчья стая приняла и воспитала ребенка. Это были не обычные серые волки, а красные. И вот в Хабаровском музее ребята могут посмотреть именно на красного волка. Может, он из сказочной стаи Маугли и пришел к нам из далекой Индии?

У него отважный характер. Соединившись в большую стаю, красные волки осмеливались нападать не только на медведя, но и на самого тигра. Вот почему Ширхан считался с волчьей стаей, хотя и не всегда ладил с нею.

Сорок лет брожу я по северным джунглям, а вот не только самого красного волка — следа его даже не видел. Лишь однажды, когда охота на красных волков еще разрешалась, в мои руки попала его шкура. Из беседы с промысловиком удалось узнать, что охотился он неподалеку от сопки Июнь-Корань, в Смидовичском районе. Места там ровные, маристые. Обнаружив следы двух волков, поставил капканы. В один из них угодил самец, самка же ушла. Охотился на серого, а поймал красного.

С тех пор прошло много лет, но ни сам я, ни другие охотники ни разу не встречали в наших лесах этого редкого зверя. Интересно было бы побольше узнать о его биологии, повадках, да как узнаешь-то...

Ныне красный волк находится под охраной закона и охота на него запрещена.

Звери-переселенцы

Меня всегда волновала проблема преобразования природы края, обогащения его промысловой фауны. Ведь аборигены Дальнего Востока испокон века занимались охотой, являвшейся одной из основных отраслей их хозяйственной деятельности.

Задолго до прихода в музей я участвовал в расселении по краю ондатры, норки, зайца-русака и соболя. Теперь предстояло показать результаты этой работы в экспозиции музея. И тут пришлось столкнуться с диаметрально противоположными оценками нашего труда.

Одни ученые скептически смотрели на завоз в край заморских зверей и даже расселение местных видов считали никчемной затеей. Они утверждали, ссылаясь на полевые наблюдения, что ондатра обеднила растительные сообщества на Амуре, резко сократив заросли водяного ореха, стрелолиста и других растений, которыми питаются-де более ценные животные, что норка теснит колонка и причастна к сокращению численности водоплавающей дичи, а затрачивать деньги на искусственное расселение соболя — экономически не выгодно. Соболю сам способен расселяться по охотничьим угодьям.

Во всех этих рассуждениях проглядывала мысль: человек не должен вмешиваться в исторически сложившиеся ландшафты и биоценозы. Их следует сохранять в первозданном виде, во-первых, потому, что местные виды ничем не хуже, а порой и лучше завозных; во-вторых, угодья наши настолько богаты, что не нуждаются в улучшении, а главное — природа достигла здесь равновесия.

Другие ученые стояли за разумное вмешательство в жизнь природы. Они ратовали за создание новых

культурных ландшафтов и биоценозов, способных выстоять под воздействием технического прогресса. Естественно, мне была ближе эта позиция.

Нет, ондатра не нарушила наших растительных сообществ. Осваивая пустынные северные озера, она сдерживает их зарастание. Норка, как это ни парадоксально, стала другом морских лососей, уничтожая их врагов. А сколько бы потребовалось времени для естественного расселения соболя по Охотскому побережью! Да разве смогли бы угасающие, редкие соболиные очаги дать такую вспышку численности, не добавь мы в них «свежей струи» в виде соболей из других популяций! И если до начала воспроизводственных работ в пушных заготовках Дальнего Востока преобладали белка, колонок и лисица, то теперь три четверти добываемых здесь шкурок приходится на долю соболя, норки и ондатры — именно тех видов, которые массами расселялись в крае.

В начале шестидесятых годов, когда я уже работал в музее, мы занялись акклиматизацией бобров на Дальнем Востоке. Существующий разрыв между ареалами евроазиатских и североамериканских бобров мог быть ликвидирован только человеком.

Прежде всего нужно было теоретически обосновать завоз речного бобра в Приамурье, на что ушло почти шесть лет. Многие природные факторы — огромные запасы излюбленных кормов бобра (ивы, осины и др.), наличие густой сети рек и стариц, сравнительно благоприятный климат — вселяли веру в успех эксперимента. Однако резкие колебания уровня рек, летние наводнения, наличие многих врагов и возможная подверженность зверей-переселенцев очаговым болезням настораживали нас. Кроме того, на последнем совещании по итогам полевых экспедиций некоторые местные охотеды, допуская, что бобр как зоологический вид при-

живется в Приамурье, сомневались в экономической эффективности будущего бобрового промысла.

Тем не менее первые 60 бобров, отловленных в Белоруссии, прибыли в Хабаровск летом 1964 года, и мне довелось участвовать в расселении их по реке Немпту.

Бедные переселенцы доставлялись по железной дороге. Некоторые из них не вынесли тягот длительного пути и погибли. С одного я снял шкурку и отправил в московскую чучельную мастерскую. Теперь этот экземпляр выставлен в музейной экспозиции рядом со своими «младшими братьями» — ондатрами. Один из верхних резцов бобра сломан, что и послужило причиной ослабления его организма и гибели. Здесь же — часть ствола осины, «подрубленной» бобрами на Немпту. По рассказам охотоведов, обследовавших бобровую колонию, звери на новом месте прижились.

В этой же экспозиции была выставлена схематическая карта деятельности соболиного рассадника.

Посетители музея, осматривая наших соболей, спрашивают с разочарованием: «Почему они такие невзрачные?» Так ведь кожа зверька ссохлась, волосяной покров плотно прилег к тушке, утратил свою пышность и не искрится. Фабричная выделка возвращает пушнину «дыхание», и меха снова ласкают взор игрой красок. Для музея шкурки так не выделывают. А видели бы вы живого соболя на снегу!

Но ведь и алмаз, пока не коснулась его рука грабильщика, скорее напоминает кусок стекла, чем драгоценность.

Помню, как я был разочарован, впервые увидев в Музее алмазного фонда СССР знаменитый алмаз «Шах». Его тусклая и словно бы невзрачная поверхность настолько меня смутила, что не сразу и разглядел подлинные достоинства этого шедевра ювелирного искусства.

«Короли» пушных зверей

Не в каждом музее увидишь калана, или морскую выдру. А ведь это тот самый «морской бобр», преследуя которого русские промышленники с 1743 года по 1795-й снарядили более 100 промысловых экспедиций на Алеутские и Курильские острова. Меха калана высоко ценился в России и за рубежом.

...Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник, —

писал А. С. Пушкин о моде первой трети XIX века.

Живут морские выдры на Алеутском и Курильском архипелагах, насчитывается их несколько десятков тысяч. По международной конвенции охота на них запрещена и они надежно охраняются. поголовье их увеличивается.

Хабаровчане знают, что в нашем музее экспонируется молодой калан, и часто приходят полюбоваться этим морским зверем, из-за шкуры которого люди некогда отправлялись в путешествия на «край света» и нередко гибли.

Калан — зверь стадный, отличается смирным нравом и беззлобно уступает обжитые места котикам и си-вучам. Материнский инстинкт у каланих развит сильно. Невозможно без умиления смотреть на самку, нянчащую своего детеныша. Морская выдра — прекрасный пловец и ныряльщик: ее густой мех непроницаем для воды, а на лапках между пальцами имеются плавательные перепонки. Добыв морского ежа, она разбивает камнями его раковину и лакомится начинкой.

Ни одно животное, пожалуй, так не восприимчиво к музыке, как калан. Под звуки вальса или танго эти

звери выделяют такие па, что трудно удержаться от улыбки.

Совершенно другой нрав у соболя. Это сильный, ловкий и смелый хищник, нападающий даже на зверей более крупных, чем он сам. Проворна белка, но от соболя ей не уйти. Выпущенный в комнате, он с разгона может пробежать по стене и по потолку. А какой это прекрасный «наездник», не отказывающий себе в удовольствии прокатиться верхом на кабарге, зайце и даже «пролететь» на глухаре!

Зверек этот отличается чистоплотностью и не источает резкого неприятного запаха мускуса, характерного для многих зверей. Свою жертву он может преследовать, как волк, — гоним и может терпеливо подкарауливать, как кошка. И хотя любит мясо, в трудный час не отказывается от ягод брусники и орехов. Это грациозное, красивое животное, с любопытством вззирающее на мир своими черными глазками, вполне поддается одомашниванию.

Таковы наши пушные «короли».

Во второй половине XVII века поступление сибирской пушнины давало московской казне треть всех доходов, а в 1743—1797 годах русский промысел в северо-западной части Тихого океана оценивался на сумму 7 901 647 рублей!

Белые белки

Обычно наши белки щеголяют в темно-серых шубках, лишенных рыжих волосков, столь характерных для их западных «сестер». Но в музее экспонируются белые белки — альбиносы. Самая богатая коллекция альбиносов хранится в московском Дарвиновском музее. У полного альбиноса и мочка носа, и роговица глаза розового

цвета — это просвечивают тончайшие кровеносные капилляры.

Музейные белки — частичные альбиносы: при жизни их глаза и мочки носов имели темный цвет. Такие экземпляры встречаются редко. Ученые установили, что обоняние животного каким-то образом связано с пигментацией, и у тех особей, у которых пигменты отсутствуют, чутье развито слабее. Естественно, таким животным труднее выжить, вот почему в природе альбиносы не преуспевают и скорее погибают. Лишь находясь под защитой человека, будучи одомашненными, они избегают разных превратностей судьбы. Кроме белок нам удалось приобрести у охотников белого колонка, светло-кремового соболя, пегую норку и косулю.

Однажды пришло сообщение, что охотники встретили на Центральном Сихотэ-Алине белого изюбра. Мы загорелись желанием заполучить эту редкость. Препаратор музея срочно отправился в указанный район. Но поиски, к сожалению, не увенчались успехом: белый изюбр оставляет точно такие следы, как и обычный.

Для науки альбиносы представляют большой интерес. И если они попадутся вам в руки, то их следует доставлять в музеи или научные учреждения.

Росомаха—

зверь не пакостный

Посетители музея, увидев росомаху, обычно восклицают:

— Какой лохматый медвежонок!

Не повезло росомахе: возвели люди на нее напраслину. И в литературе, и среди охотников до недавнего времени было распространено единодушное мнение, что

это пакостный и вороватый зверь. Любит грабить запасы охотников и геологов, оленям от нее достается, соболя-де теснит...

За последние сорок лет я лишь однажды был «обворован» в лесу росوماхой, в то время как медведь и харза десятки раз посягали на мои трофеи и продукты. Вредность росوماхи очень преувеличена. Для соболя и лисицы она не опасна, из копытных берет главным образом больных и неполноценных особей, часто довольствуется падалью и остатками трапезы более сильных хищников. К тому же это очень редкое животное, обитающее в северной тайге и лишь изредка наведывающееся в леса Сихотэ-Алиня.

Мех у нее длинный и жесткий, но красивой, оригинальной окраски. Есть у него одно удивительное свойство: если на шкуру росوماхи дышать в морозную погоду, то она не индевет, конденсации пара не происходит и волос остается сухим. Эту особенность росомашьего меха высоко ценили северяне, охотно отдававшие несколько шкурок соболя за одну росوماху.

Отрадно, что ныне росوماха «реабилитирована» натуралистами. Стоит ли редкое животное, к тому же избегающее человека, подвергать гонениям лишь потому, что мы его мало знаем?

Небесные странники

Из Литовко попасть водой на озеро Болонь нетрудно, если трактор подтащит к берегу Симина вашу моторную лодку. Сейчас Симин — река заповедная, царство уток и бобров, а лет тридцать тому назад, когда сюда ежегодно выезжало много охотников из Комсомольска и Хабаровска, по утрам их стрельба напоминала канонаду. Симин славился тогда охотами: на гу-

ся — весной, на лося — летом — и отличной рыбалкой. Для рыбака и охотника лучших мест не сыщешь!

Массовый перелет дичи начинался примерно 10 мая, когда на деревьях едва раскрывались почки, а утренние заморозки серебрили непроходимые заросли вейника, похожие издали на хлебные поля. Тучи уток, неисчислимые косяки гусей и лебедей останавливались на пролете на Симине и его медленно текущих притоках. Здесь можно было встретить редких птиц.

В течение трех последних десятилетий количество водоплавающей дичи на Симине, как и на всей территории Дальнего Востока, резко сократилось. Не стало несметных стай говорливого чирка-клоктуна, поредели косяки гусей и лебедей. Виной тому многие обстоятельства.

Первые из них — перепромысел дичи и осушение водоемов. Затем — сокращение кормовой базы. Вернувшись в родные края весной, утки и гуси в течение целого месяца, а то и больше, откармливались в степи оставшимся от уборки зерном и очень быстро жирели. Теперь же почти все поля после уборки урожая вспахиваются под зябь, кормиться на них нечем.

Немало поедали гуси на пашнях и семенного зерна. Колхозам приходилось нанимать специальных сторожей для отпугивания птиц с посевов. Усиленная протравка семян, которая прежде проводилась далеко не повсеместно, погубила, да и продолжает губить многих пернатых.

Существенным подспорьем в питании некоторых птиц служила молодая поросль вейника, поднимавшаяся на месте выжженной прошлогодней травы. Но теперь палы повсеместно запрещены. Кстати, эта мера благотворно скажется на пернатых, гнездящихся на лесных опушках и по берегам рек.

По требованию общественности в крае уже давно

запрещена весенняя охота, введены ограничения на отстрел дичи. На пути перелета и в местах гнездовья созданы заказники. Как хочется верить, что эти меры оправдают ожидания охотников!

В те далекие годы из поездок на Симини и в его окрестности мы привозили в музей богатые коллекции. Случались при этом и совсем неожиданные находки. Так было на реке Харпи, что впадает в озеро Болонь. Набрел я на место нанайского поселения, заброшенного еще в прошлом веке, и извлек из земли немало интересного: обломки объемистых глиняных сосудов для хранения рыбьего жира, подвесные керамические светильники, принадлежности шаманского одеяния... Попадались и осколки чайной посуды из тонкого фарфора. Разглядывая их, я с удивлением прочел: «Кузнецов из Твери». Так вот куда доходили хрупкие изделия предприимчивого тверского купца!

На Симине мне посчастливилось добыть нырка Бэра, чернопегого луня, большого подорлика — птиц, коих орнитологи ранее в этих местах не встречали.

...Прекрасно весеннее утро на Симине! Еще задолго до восхода солнца донесется с далекого озера крик гагары, напоминающий ржание жеребенка. Над самой палаткой вдруг проблеет ягненок — это пролетел токующий бекас. Со стороны редкой березовой рощицы послышится монотонное токование петуха-тетерева, прерываемое чуфыканием.

Но вот над необозримой симинской равниной восходит огромное оранжевое солнце. В его лучах крупные дрожащие капельки росы кажутся бриллиантовой россыпью. Воздух прохладен, свеж, с примесью легкой горьковатости. В этот торжественный час восходящего светила притихает пернатое племя и только тетерева токует еще яростнее.

А где же гуси? Куда делись утки, свистевшие своими

крыльями над палаткой всю ночь? Взгляд падает на гладь ближайшего залива. Вот диво! Она как будто усыпана черными кочками: это спят, спрятав головы под крыло, утки.

Проходит час, другой — и утренняя тишина наполняется ликующим криком плывущих в небе косяков гусей. Завидев озеро, они пошли было на снижение, словно решили отдохнуть, но, чем-то встревоженные, взмывают ввысь и уносятся вдаль.

А за ними, эшелон за эшелон, идут все новые и новые стаи небесных странников: говорливых пискунков и белолобых гусей, степенных восточных гуменников, издающих басовитое гоготание. Начавшись в десятом часу утра, гусиный перелет стихает к полудню.

Появляются вереницы лебедей. Словно белоснежные кучевые облака, неторопливо проносятся могучие птицы. Летят они молча, лишь изредка оглашая небосвод тоскливым, волнующим кличем.

Много пролетает гусиных и лебяжьих стай, очень много. Но это не беспорядочное скопление случайных попутчиков. Каждый косяк составлен из дружных пар, связанных между собой долголетними брачными узами. Какая трогательная любовь и привязанность друг к другу у этих птиц! И каждый караван имеет своего вожака — старого опытного гуся или лебедя, не обязательно летящего впереди.

...Проходя мимо стендов с пернатыми, я мысленно возвращаюсь на берега Симина — и вздыхаю...

Не все гады — гадкие

Пресмыкающиеся вызывают не только отвращение, но и жгучее любопытство. Одна из моих читательниц, бельгийка Дебуа, спрашивала в письме: «Есть ли на

Дальнем Востоке ядовитые змеи?» Я ей ответил, что на юге края водятся обыкновенные гадюки и близкий родственник гремучей змеи — щитомордник.

Посетители музея любят рассматривать змей, особенно их привлекает довольно крупный, лишенный ядовитых желез полоз Шренка. Прежде «удава» иногда держали в избе вместо кошки за его пристрастие к мышам.

Однажды я привез из леса полутораметрового живого полоза. Увидев его, один мой знакомый — скульптор — уговорил меня подарить змею ему. Спустя несколько месяцев при встрече скульптор рассказал:

— Живет он у нас в клетке, но когда мы приходим домой, выпускаем его прогуляться. Полоз с явным удовольствием обследует все уголки квартиры. Завидев мою жену, он сразу приползает к ней, обвивает ее плечи и успокаивается. А соседок всех распугал. Как только они узнали, что мы обзавелись столь необычным питомцем, перестали даже заглядывать к нам.

Близким родственникам змей является наша кожистая речная черепаха. Движения ее на суше, а тем паче в воде отнюдь не отличаются медлительностью. Да и по характеру она довольно агрессивна: при неосторожном обращении с ней кусается очень больно.

За черепахой никто у нас специально не охотится, но если она угодит в сети, рыбаки не упустят возможности отведать черепашьего супа. Мясо черепахи по вкусу напоминает куриное, вот почему старожилы называют ее в шутку «речной курицей». В пищу идут и яйца черепахи, которые она откладывает в прибрежный песок.

Животное это заслуживает повсеместной охраны. Ведь кожистая черепаха встречается только на Дальнем Востоке. От нас зависит, как долго она еще просуществует на Земле.

«Царица-рыба»

— Какая большая акула! — воскликнула туристка, осматривая коллекцию рыб Амура. Пришлось ей объяснить, что это пресноводная рыба из семейства осетровых — калуга, которая встречается только в Амуре и его лимане.

Не все знают, что среди пресноводных рыб нет ни одной крупнее амурской калуги. Прославленный калужатник В. Корнев однажды добыл рыбину, потянувшую целых 1100 килограммов. Длина такого экземпляра — не менее пяти метров, и выставить его в музей не так-то просто.

Помог нам добыть «царь-рыбу» для музея житель села Мариинского дед Асмолов. В молодости он слыл знатоком калужьего промысла и, хотя уже много лет как отлов калуги был запрещен, по старой памяти хранил на чердаке аханы — ставные сети из четырехмиллиметрового капрона. Длина их до двадцати метров, ячей очень крупная — человек пролезет. Угодив в ахану, калуга задевает своими шипами сеть и, пытаясь освободиться, наматывает ее на себя. Тут калугу и берут.

Узнав, что разрешение на промысел у нас имеется, Асмолов оживился и как будто помолодел.

— Сегодня соберемся, а завтра утречком и подадимся на Старый Амур. Сапронова прихватим с собой, он у нас бригадир, — сказал старик на прощанье.

Чуть свет, погрузив снасти в плоскодонную лодку с мотором, Асмолов и Сапронов отчалили от берега. Мы следовали за ними на своем катере. К обеду прибыли на место.

Стоял жаркий июль, и все были рады прохладе, царившей в землянке. Но отдыхать долго не пришлось —

Асмолов торопил нас ставить ахану у ближней косы. Поставив сеть, к вечеру вернулись на табор.

Сгущались сумерки, повеяло прохладой, комары утихли. Мы уселись вокруг костра. Есть особое очарование в этих вечерах на берегу дремлющей реки, когда тонкий серп луны проглядывает сквозь шелестящие тальники, словно сквозь темно-зеленую тюлевую занавеску, а над огоньками догорающего хвороста закипает чайник. Спать не хотелось, и Асмолов вспоминал свою молодость:

— Раньше сила у меня в руках была большая, а нынче правой плохо владею. Повредил на рыбалке. Вроде и рыба была не особенно крупная — пудов на пятнадцать. И случилось это у косы, где стоит наша ахана. Приехал проверить снасти. Ну, как водится: поднимаю хребтину — калуга. Шепчу напарнику: «Цепляй «боевым» под передний плавник». Неопытный был малый, скользом пошел у него боевой крюк, за шкуру едва зацепил. Едва подтянули калугу к лодке — крюк сорвался, а со снасти она еще раньше сошла. Ну, думаю, уйдет! Схватил я одной рукой ее за жабры, другой держусь за лодку, чтобы в воду не утащила, и кричу напарнику: «Помогай!» Но пока он топор вытаскивал, чтобы оглушить рыбу, калуга так трепанула меня, что чуть пополам не разорвала. Хрустнуло в плечах, от боли в глазах потемнело, и все же я не отпустил ее. Спрашивается, зачем было руку в жабры пихать? Ведь не дурак, знал, чем это кончится, да и не последняя калуга-то. Рыбацкий азарт! Беда, когда у человека ум без разума бывает...

О многом хотелось еще расспросить Асмолова, но он уже шел в землянку. Завтра рано вставать...

Лучшая пора у реки — утро. Какая чистая голубизна разлита в спокойном небе и застывшей воде!

Вот и место, где стоит ахана. Асмолов медленно пе-

ребирает верха сети. Мы молча смотрим, как из-под воды выходят балберы — крупные поплавки. Но вот сеть пошла тяжело, словно зацепилась на дне за корягу. На поверхности воды забурили мощные водовороты, точь-в-точь как под кормой парохода, отчаливающего от пристани.

Сапронов берет «боевой», насаживает его на палку, всматриваясь в кипение воды. И вот на поверхности показывается зубчатая спина огромной рыбы. Она еще не поняла, что с ней происходит. Только бы ее не напугать раньше времени — ведь перевернуть лодку ей ничего не стоит.

Несильным, ловким ударом из-под низа Сапронов забagrивает калугу граненым крюком, который входит в ее тело ниже грудного плавника. Сильный всплеск — и зеленоватая туша исчезает в глубине, теперь ей не уйти, даже если она порвет сеть.

Дав успокоиться калуге, Сапронов снова подтягивает ее к борту. Широко раскрывается рыба пасть. В руке рыбака нож. Вмах — и сквозь прорезанную нижнюю губу быстро пропускается веревка. Подтянув голову рыбы к борту лодки, калужатники набрасывают петлю на хвост и подводят его поближе. Вцепившись в калугу и сильно накренив лодку, мы рывком переваливаем добычу на дно моторки, заодно изрядно зачерпнув воды.

На таборе лаборант обмеряет калугу: длина — 270 сантиметров, обхват у грудных плавников — 113. Вес около двухсот килограммов. Размеры далеко не предельные, но рыба все же крупная.

Сфотографировав «царь-рыбу», что называется, в полный рост, приступаем к главному — съемке шершавой шкуры. Хотя она больше походила на наждачную бумагу, чем на рыбью кожу, нож то и дело оставлял в ней прорехи. Пришлось вырезать деревянные лопа-

точки, с помощью которых мы и сняли в течение двух часов с калуги шкуру вместе с плавниками и огромной хрящевой головой. Сложив все это в двухцентнеровую бочку и залив содержимое крепким тузлуком, мы отправили нашу добычу в Москву на завод «Военохот», где и было сделано чучело.

Так появилась первая калуга в нашем музее, но меня она не удовлетворяла. Мне непременно хотелось показать крупную рыбину, весом если не в тонну, то около этого. Выхлопотав разрешение на отлов двух калуг, я выехал на устье Амура — в калужье царство, к знаменитому калужатнику Василию Васильевичу Корневу. Узнав о цели моего приезда, Василий Васильевич без колебаний оставил больницу на Нижних Пронгах, где завершал курс лечения.

— На свежем амурском воздухе скорее окрепну, — заявил он.

Раздобыв аханы, мы вскоре были в заветных местах старого калужатника.

— Калуга — хищник. Где скапливается разная рыба, там ее и ищи, — рассказывал Василий Васильевич. — Подо льдом она в зимовальных ямах разбойничает, летом и осенью кету да горбушу подстерегает. Когда идут лососи, все рыбы им дорогу уступают — боятся. Калуга кетой и горбушей кормится, это ее основной корм.

— А что, Василий Васильевич, после запрета больше стало калуги?

— Вестимо больше. Но если кормов для нее не будет вдосталь, переведется морской лосось к примеру, то тут и калужьему промыслу конец! Ох, и много же она рыбы всякой поедает, особенно кету любит. А рыбы в Амуре все меньше и меньше становится. И числом меньше, а размерами тем паче.

— Ну, и браконьеры помогают, — пытаюсь вставить я.

— Есть у нас браконьеры, но должен тебе сказать, что облавливание зимовальных ям мелкочейным неводом хуже браконьерства. Такие ямы все под охраной должны быть! Я, брат, хоть здесь живу, но весь Амур знаю, от Хабаровска до Николаевска. Сколько у нас больших озер с Амуром связано: Болонь, Кизи, Удыль, не говоря уж о таких, как Синдинское, Нергенское или, скажем, Деергинское. Для рыбы хорошие, кормовые озера, но зимой они мелеют и промерзают до дна. Много мальков не успевает выйти и погибает зря. Вот бы построить плотины, не давать воде уходить из озер. Сколько рыбы у нас развелось бы!

В рассуждениях Василия Васильевича была важная мысль. Я давно уже заметил, что после лета с обильными осадками рыбы становилось больше. Затопление широкой поймы с многочисленными озерами позволяло рыбе выметывать всю икру, да и корму хватало с избытком.

А как же будет в дальнейшем, когда многие реки, впадающие в Амур, будут регулироваться гидроэлектростанциями? Ведь наводнения на Амуре прекратятся, а надеяться, что сама природа восполнит рыбные запасы, не приходится. Только организованное на научной основе рыбозаведение в сочетании с разумным промыслом способно возродить рыбацкую славу Амура!

Мы ежедневно ездили с Корневым проверять аханы и каждый раз терпеливо выпутывали из сетей и выпускали на волю молодых калуг. Вес их не превышал полутора центнеров. Такие особи нам не нужны. Большие же рыбы не попадались.

Отпущенное мне время кончилось, и мы покинули табор. Возвращались ни с чем, что случалось со мной нечасто.

— А может быть, уже перевелись в Амуре крупные калуги? — спрашиваю Корнева.

— Нет, не перевелись, — отвечает уверенно Василий Васильевич. — Вот начнем промышленный лов, тогда и поймает для тебя большую калугу. А пока пусть еще подрастет.

Рыбья страсть

Трудно поверить, что рыба, появившаяся на свет у подножия Баджала — «крыши» Приамурья, в лесной речушке, может отправиться в странствования за тысячи километров, чтобы погулять в необозримых просторах Тихого океана. А с наступлением брачной поры — вернуться туда, где когда-то вывелась из икринки, чтобы приобщиться к таинству природы — продлить жизнь вида — и погибнуть.

Эта рыба — морской проходной лосось, наша кета. Как же находит она родную протоку? Чем руководствуется в поисках? «Обонянием», — отвечают ихтиологи. У рыбы, оказывается, особое чутье на химический состав воды разных рек.

Очень ошибаются те, кто сравнивает флегматиков с рыбой. Не так-то просто, совершая «свадебное путешествие», вернувшись из-за моря, проплыть по реке против течения сотни километров без пищи, преодолеть десятки заломов и перекатов, ползя по гальке и перепрыгивая через пороги. А ведь все это проделывает кета, розовое, истекающее жиром мясо которой мы так любим и ценим.

Я наблюдал, как на Тепловском рыбоводном заводе у перекрытого входа в протоку стояло стадо кеты, пришедшей на нерест. Завод уже выполнил план закладки икры, все емкости заняты, а рыбе хоть бы что. Пусть «ворота» завода закрыты, она стоит и терпеливо ждет.

И будет стоять днями, изнемогая от усталости. Казалось бы, путь по реке вверх свободен, проходи дальше, ищи подходящее место и нерестись. Так нет. Кете нужна именно эта протока, а не какая-нибудь другая.

Из Охотска в музей поступила интересная метка, снятая местными рыбаками с выловленной кеты. Ее прикрепили к рыбине американские ученые у своих берегов, и вот меченый лосось вернулся на родину.

Жемчужница

Еще не так давно в нашем крае занимались промыслом перламутровых раковин, которыми так богаты были реки Кур и Урми. Сотнями тонн в год заготавливался перламутр. Его вывозили за пределы края, использовали для изготовления пуговиц. Особенно славился красотой перламутр моллюска жемчужницы. Вес ее отдельных раковин достигал килограмма. Теперь запасы жемчужницы резко сократились. Многие считают, что виной тому перелов моллюсков, но, видимо, это не единственная причина. Жемчужница избегает тех рек, где не запрещен еще сплав леса, а в воду попадают отходы промышленности.

Помню, как ловцы, вооруженные граблями, насаженными на шестиметровое древко, бороздили железными зубьями дно реки и сбрасывали в лодку крупные черно-коричневые раковины бобовидной формы. Тут же на берегу кипели огромные чугунные котлы. В кипятке створки раскрывались, и раковина потом легко очищалась от мякоти.

Посмотрите на раковину жемчужницы в музейной витрине. Какие переливы нежных красок! Я люблю перламутр и за то, что он напоминает мне утреннее небо,

покрытое прозрачными бледно-розовыми облаками, сквозь которые едва проглядывает нежная голубизна. Самые дорогие и любимые вещи люди покрывают инкрустацией из перламутра.

Изредка в жемчужницах находят жемчуг — весьма ценный дар природы, хотя состоит он из одного вещества с перламутром. Четверть века назад мне подарил жемчужину старый гидролог Цыганков, отдавший изучению Кура и Урми много лет своей жизни. Эта крупная горошина вместе с великолепной раковиной, в которой ее обнаружили, долгое время украшала мой письменный стол. А когда заново перестраивался отдел природы, я преподнес ее в дар музею.

Красоту жемчуга, как и бриллианта, описать трудно. Словно светясь изнутри, белый шарик жемчужины кажется живым. Но жемчуг, как и любое органическое вещество, недолговечен. С годами он тускнеет и будто остывает.

Древнейшие обитатели Земли насекомые

Пожалуй, это самые теплолюбивые животные на Земле. Многие из них, появившись раньше млекопитающих, существуют миллионы лет, не претерпев почти никаких изменений. Мир насекомых Южного Приамурья многочислен и интересен. Люди обычно недооценивают значение насекомых в природе и жизни человека, и изучены эти крохотные и такие ничтожные с виду животные хуже, чем дикие звери, птицы и рыбы.

Кто в детстве не увлекался ловлей бабочек и жуков! Казалось бы, собрать коллекцию их под силу даже школьнику, однако музейные сборы этих насекомых в последние годы почти не пополнялись. И если в экспозиции вы увидите систематизированное собрание великолепных жуков и бабочек, то музей обязан упорядочением его геологу О. Н. Кабакову.

А насекомые заслуживают того, чтобы с ними считались всерьез. Достаточно вспомнить «бич тайги» — слепней, комаров, мошку. Как изнуряют зверей оводы и клещи! Последние опасны и для человека. Доступ в некоторые лесные районы края разрешен только таежникам, сделавшим специальные прививки.

Все лесоводы дружно ненавидят бабочку соснового шелкопряда. Сама она безобидна, но лавины ее личинок порой уничтожают леса на значительной площади. Такие места выглядят как после пожара.

А сколько заготовленной древесины портят жуки-дровосеки! Ущерб, наносимый зерноводству, овощеводству и садоводству насекомыми, неисчислимы. Для истребления вредных насекомых затрачиваются миллионы рублей, создаются даже целые научно-исследовательские институты.

Однако не все насекомые — вредители, многие приносят нам огромную пользу. Они опыляют растения, собирают мед, украшают природу своей яркой расцветкой днем и свечением ночью, услаждают слух мелодичным пением.

Помню, как обрадовался я на Сихотэ-Алине, услышав «песню» цикады. Эти звуки мгновенно перенесли меня в Крым, возвратили в пору босоногого детства, когда я мог часами беззаботно носиться за крылатым певцом, пытаясь непременно поймать его. Сумрачный уссурийский лес стал для меня ближе и роднее.

В экспозиции выставлены огромные шарообразные

гнезда ос и шершней. Посетители не оставляют их без внимания, нередко обвиняя вслух этих жалящих насекомых в нападении на пчел и домашних животных. Но однажды ученый-краевед А. К. Пехтерев рассказал мне о своих наблюдениях над осаами:

— Брат мой — фронтовик. После контузии страдал сердечным расстройством. Лекарства не помогали. Однажды его укусили осы, и он после этого поправился. Когда он поведал мне об этом, я посмеялся, хотя знал о целебном свойстве пчелиного яда. Но вскоре я сам заболел. Дело доходило до того, что терялся пульс, сердце не хотело работать. Выкашивая траву в саду на даче, я потревожил осиное гнездо. Осы укусили меня. Через некоторое время дела мои сердечные настолько улучшились, что я снова стал здоровым человеком. Теперь смеются надо мной, когда я рассказываю об «особотерапии».

Дальнейшие исследования ученых откроют еще немало интересного в мире насекомых.

Хехцир — земля заповедная

Каждому хабаровчанину хорошо известна синеющая гряда гор, подступающая с юга к окрестностям города. Это Хехцир — один из западных отрогов Сихотэ-Алиня. Начав знакомство с этим горным районом в нашем музее, гости города могут при желании увидеть его достопримечательности сами.

В. К. Арсеньев так объясняет происхождение названия Хехцирского хребта. Давным-давно здесь жил охотник-гольд Хээкчир. Уссурийские казаки называли его

именем весь горный хребет, а еще позднее Хээкчир стал Хехциром.

Склоны Хехцира покрыты северными джунглями. Ботаники называют их смешанным кедрово-широколиственным лесом. В нем сумрачно и душно летом, как в Индии, морозно и снежно зимой, как в Сибири. Это древний, доисторический лес.

Не случайно большая часть площади, занятой хехцирским лесом, отведена под Больше-Хехцирский заповедник (46 тыс. га) и Хехцирский заказник местного значения. Есть на Хехцире опытный лесхоз и специальные зоны для туристов и лыжников.

Растут на Хехцире ели и пихты, лиственницы и сосны обыкновенные (последние посажены недавно). Если среди хвойных господствует кедр, то среди лиственных царят липа и ребристая береза, ильм и ясень. Удивительной толщины достигают липы на Хехцире. Однажды, застигнутый ненастьем, я свободно укрылся в дупле старой липы как в маленькой пещере. Но самым толстым деревом в этих лесах является тополь Максимо-вича. На юге Азии бархат амурский называют деревом черного жемчуга. Я бы назвал его деревом серого каракуля, так похожа его кора на смушки, воспетые Гоголем.

Много найдет путник в этом лесу необычайно красивых деревьев: золотокорую черемуху Маака, зеленокорый клен, ильм японский, рябину, белую сирень и акацию...

На Хехцире лес труднопроходимый. Из-за густых кустарников, среди которых много колючих (элеутерококк, шиповник), и зарослей лиан (шизандры и актинидии) он еще и труднопросматриваемый. На полянах кустарники уступают место густым высоким травам. Дудник и какалия копьевидная достигают двух метров высоты, но наиболее распространены вейник и папорот-

ники. Здесь пышно цветут лилии и пионы, ирисы и орхидеи. Известный русский путешественник Н. М. Пржевальский, посетивший эти места в прошлом веке, писал: «...такое богатство лесной растительности редко можно встретить в других, даже более южных частях Уссурийского края».

На Хехцире мы находим почти всех представителей животного мира Приамурья. Здесь нет только лося, тигра, леопарда, пятнистого оленя и горала, но зато много изюбра, кабана, гималайского медведя, белки, колонка, зайца. Живут здесь рябчики и утки-мандаринки, полозы Шренка, черно-синие хвостосцы Маака и гигантские жуки-дровосеки.

В пятидесятых годах мне довелось выпустить на Хехцире полсотни бурейских соболей, и теперь след этого зверька здесь обычен.

Стоит мечтать!

В наше время часто говорят об оскудении природы, рисуют в мрачных красках ее будущее. Конечно, охранять природу, бережно относиться к ней, обогащать всемерно ее мы должны, но впадать в крайности не следует. Все зависит от человека, и если он задастся целью приумножить природные богатства, то этого достигнет. Более того, общество даже сможет устранить «диссонансы» природы, которых немало. Я верю в могущество разума!

Взгляните на животный мир нашего края. За годы Советской власти у нас появилось шесть новых видов: ондатра и норка, бобр и заяц-русак, полоскун и стерлядь. Численность соболей настолько приумножилась, что этот исчезающий вид стал основным объектом пуш-

ных заготовок. Возросло число и каланов. Как не радоваться этому!

А вот сокращение численности косули и тигра, фазана и лебедя, стад морских лососей и сельди нас огорчает и заставляет подумать о мерах по их охране и восстановлению.

За годы Советской власти на Дальнем Востоке создано немало новых отраслей народного хозяйства. Среди них — звероводство, вольное и клеточное. С успехом разводят у нас норок и лисиц, песцов и пятнистых оленей, а вот соболя мы еще не сумели посадить в клетку. Не дает он потомства в неволе. Попытки, предпринимавшиеся в пятидесятых годах на Ургале, оказались безуспешными. Но можно ли довольствоваться констатацией неудач? У соболей, как и у других животных, развиты индивидуальные особенности. Нужно подобрать двух производителей со спокойным, как говорят, «покладистым» характером и от них получить потомство, с которым и продолжить селекционную работу.

Уверен, что со временем охотоведы восстановят численность горала на Буреинском хребте, северного оленя на реках Кур и Урми, в районе имени Лазо, акклиматизируют в крае зубра, серую куропатку и широко расселят в южных районах Приамурья красавца пятнистого оленя.

Гордостью лесов юга нашего края является «розовая сосна», именуемая корейским кедром. Очень красивое и полезное это дерево. И орехами, и древесиной одаряет оно человека, да вот возобновлять вырубленные кедровники трудно. А может, мы его еще не познали до конца, не научились управлять ростом и развитием кедра? Мой сосед по даче несколько раз пересаживал молодой кедр в своем саду. Затем выбросил его за ограду. Сжалившись над усыхающим саженцем, школьники посадили его в каменистый грунт у дороги.

Кедр прижился. Посадил и я несколько саженцев в своем саду. Верю, что дождусь их плодоношения.

Не менее ценным деревом у нас является орех маньчжурский. Растет он очень быстро. Иной в пределах человеческой жизни достигает толщины в два обхвата. Ценнейшая древесина у него, да и орехи вкусны, только скорлупа крепка и толста, не враз молотком расколешь. А что, если скрестить его с грецким орехом, растущим на Карпатах? Может, у гибрида скорлупа потоньше будет? Зашумели бы тогда под Хабаровском ореховые рощи!

Бурно развивается в крае садоводство. Отрасль эта молодая, очень перспективная. Но каких бы успехов достигли дальневосточные мичуринцы, если бы шире использовали для селекции дикую плодовую флору! Много у нас «неудобных земель», как говорят землеустроители: облысевших каменистых сопочек, болот да марей.. На них можно закладывать плантации жимолости и лимонника, актинидии и дикого винограда, а на севере, на горях — плантации брусники, на моховых болотах — клюквы да голубики. Ухода всего лишь — от огня сберечь да урожай бережно собрать. Дикие ягоды витаминами, микроэлементами и бактерицидными свойствами богаче садовых, культурных.

Влажное теплое лето Приамурья способствует произрастанию разнообразных съедобных грибов не только на земле, но и на деревьях. Да руки у нас до них не дошли еще! Сотнями тонн можно солить, мариновать и сушить грибы в нашем крае. Тут и белый гриб, подосиновик, груздь и волнушка, ильмовик и подберезовик. Не все грибы еще определены и описаны. Побольше бы грибоварных пунктов и фабрик по переработке ценного лесного продукта следовало открыть в Приамурье, ибо любит русский человек грибные кушанья.

В нашем крае природа изумляет своей красотой бывалых путешественников, а развитие туризма сдерживается обилием гнуса и клещей. Неужели непобедимы эти ничтожные кровососы? Мне думается, должна быть такая одежда, которая отпугивала бы гнуса. Рано или поздно ученые придумают надежные средства защиты, и тогда оживут туристские тропы.

Замечено: чем больше обживается дальневосточная земля, тем меньше становится гнуса. Лет 30—40 тому назад его было значительно больше повсеместно. Любопытно, что у нас есть уголки, почти лишенные кровососущих насекомых. Так, в истоках Сукная гнуса нет, а в среднем и нижнем течении его предостаточно. Не мешало бы ученым узнать причину этого явления.

Географы вынашивают дерзновенные мечты об изменении климата Приамурья. Хабаровск стоит на широте Парижа, а каштаны на его улицах не растут. Кто поглощает у нас тепло? Кем расхищается солнечная энергия? Конечно, повернуть к нашим берегам теплое течение Куроисио или перевести меридиональное расположение горных цепей в широтное — дело несбыточное, но «облагородить» климат другими способами человек может. Можно углубить пролив Невельского, вывести Амур через Кизи в Татарский пролив, можно увеличить полноту древостоя в наших лесах. Человек способен создавать такие ландшафты, какие ему нужны, и мне думается, реконструкция климата в Приамурье — реальное дело будущего.

Вместо послесловия

Хочется поделиться впечатлениями от осмотра краеведческих и народных музеев Дальнего Востока. Обычно они состоят из трех отделов: природы, дореволюционного прошлого и истории советского общества.

Музеи Владивостока, Хабаровска, Магадана и Комсомольска очень похожи, особенно их отделы природы. Конечно, в крупных городах Дальнего Востока показ края по единой схеме может быть оправдан, но стоит ли делать это в Благовещенске, Биробиджане, Амурске, Николаевске-на-Амуре?

Для рассказа о природе необходимы хорошо изготовленные чучела животных, а таксидермических мастерских не только на Дальнем Востоке, но и во всей Сибири не сыщешь. Единственная мастерская в Московском зоокомбинате делает чучела не особенно качественно (набивка стружками, паклей и т. п.). Вот и вынуждены музеи заказывать чучела людям, как правило, далеким от искусства таксидермии. Не удивительно, что в Благовещенском музее соболя можно принять за лемура. Плохо оформленный природоведческий отдел оставляет гнетущее впечатление, карикатура на природу вызывает у посетителя смех.

Особенно нетерпим шаблон в оформлении экспозиций по современной истории. Да и как можно заинтересовать людей макетами машин из папье-маше, моделями домов и комбайнов, тусклыми фотографиями, выцветшими плакатами? Поэтому работники музея должны быть изобретательными, постоянно искать новые, яркие формы экспозиции и методы показа.

Нужно отбирать из многочисленных материальных свидетельств

истории самые характерные предметы. Спустя много лет они могут стать настоящей находкой для экспозиционера. Особенно ценны вещи, принадлежавшие известным деятелям науки, культуры и народного хозяйства.

У каждого края, каждого географического района — свое неповторимое прошлое. Его-то и должен отражать краеведческий музей. Так, в Благовещенском музее хотелось бы видеть экспозиции о походах Хабарова, о мужестве и стойкости албазинцев, о первых русских поселениях на Верхнем Амуре. В Комсомольском музее — о подвиге комсомольцев тридцатых годов. В Николаевском — о деятельности Амурской экспедиции Г. И. Невельского, о развитии горной промышленности на Нижнем Амуре.

В последние годы работы в Хабаровском краеведческом музее мне довелось принимать участие в организации многих районных и городских музеев на общественных началах. Дело, казалось бы, во всех отношениях доброе. Вначале все идет хорошо: разыскиваются интересные экспонаты, музей посещают все жители, от старого до малого. Но проходит время — и редко кто заглядывает в музей, разве только приезжие, а там, смотришь, и экспонатов побавилось.

Эти музеи имеют перспективу развития лишь там, где есть энтузиасты краеведческой работы. В Охотске это Е. В. Мороков, в Кондоне — Е. В. Самар.

С тревогой смотришь на некоторые уникальные экспонаты народных музеев, сохранность которых для науки отнюдь не гарантирована. Вот почему особо ценные предметы следует передавать в ближайшие государственные музеи, заменяя их муляжами или макетами.

Наш музей называется Хабаровским краевым, но правильное было бы переименовать его в Дальневосточный. Ведь до конца тридцатых годов границы Хабаровского края почти совпадали с границами Дальнего Востока, и в фондах музея отложились памятники природы, дореволюционного периода истории, времен гражданской войны, культуры Камчатки и Чукотки, Приамурья и Приморья.

В истории наших городов и сел немало волнующих страниц. Открытый и впервые описанный русскими землепроходцами, Дальневосточный край вот уже четвертое столетие осваивается и обживается народами нашей страны. Много пота и крови пролили они на этой земле, преображая ее и защищая от врагов. Широкий Амур стал рекой подвигов. Но по сей день мы не располагаем вещественными свидетельствами об эпохе русских землепроходцев XVII века. Музей должен принять участие в раскопках крепости Албазин, возглавить поиски знаменитого Ачанского городка. Следует также разыскать место в низовьях Амура, где стояло зимовье Василия Пояркова, организовать раскопки Удского острога, зимовья Ивана Москвитина в устье реки Ульи.

Необходимо постоянно пополнять запасники музея экспонатами по истории развития горной, лесной и рыбной промышленности в крае, а также земледелия, различных промыслов, предметами быта первых русских и украинских крестьян-переселенцев, произведениями декоративно-прикладного искусства. Хочется надеяться, что историко-культурные экспедиции в Комсомольск-на-Амуре, Амурск и Солнечный, на БАМ, снаряженные Хабаровским краеведческим музеем, позволят обогатить экспозиции по истории общества развитого социализма.

Хочется видеть другим и художественное оформление нашего музея. Признаться, эти мысли навеяло на нас каменное чудо, сотворенное заслуженным художником РСФСР Геннадием Дмитриевичем Павлишиным.

Готовясь к XIV Тихоокеанскому научному конгрессу, который проходил в Хабаровске с 20 августа по 1 сентября 1979 года, строители города воздвигли на берегу Амура великолепный Дворец приемов. Красивое современное здание оригинальной архитектуры, поднявшееся на улице Шевченко, привлекает строгостью и четкостью своих очертаний. Вот в обширном светлом мраморном вестибюле этого дворца и находится огромное (общая площадь 12 квадратных метров) живописное панно Г. Д. Павлишина.

Взору посетителя открывается панорама дальневосточного кедрово-широколиственного леса. Исполинский кедр растет рядом с

лиственницей и ребристой березой; деревья обвивают лианы — ши-зандра с гроздьями красных ягод и амурский виноград. В тени, среди пышных папоротников, рдеет таинственный женшень. Сквозь сумрак древесных ветвей просвечивает река: как глубоки и прохладны ее воды! Вдали видны убегающие к горизонту голубоватые сопки.

Мир животных, населяющих этот реликтовый лес, невероятно разнообразен. Тигр и северный олень, гималайский медведь и кабарга, леопард и рысь, представляющие северные и южные виды, волей художника оказались почти рядом, но даже самый взыскательный краевед не найдет в картине вымысла и отступлений от натуры.

Однако главное достоинство картины — в ее художественности и замечательном, почти ювелирном исполнении. Они-то и очаровывают зрителя, захватывая его воображение.

Огромная картина выложена из камней Приамурья: яшмы и гранита, халцедона и оникса, моренна и чаронита, сердолика и опала. Основу составляют различные офиокальциты и кальцифиры. Более сорока разновидностей минералов и горных пород использовано художником для изготовления этого уникального панно.

Колорит картины созвучен мраморным стенам зала, полу, выложенному плитами красного гранита. Знатоков горных пород поражают сочетания мягких и особо твердых камней. Художнику и камнерезам удалось соединить в одном шлифе нежный мрамор и кремнь, уступающий в прочности лишь алмазу и корунду. Как же надо постигнуть «душу» камня, чтобы изображения в картине получились объемными, выпуклыми, чтобы в ней чувствовалось пространство, заполненное воздухом.

Воспевая в своем творении мощь и красоту природы родного края, Г. Д. Павлишин доказал, какие неисчерпаемые цветовые гаммы таятся в дальневосточных камнях, если к ним прикоснется рука талантливого художника. Постоянным помощником его был мастер-камнерез В. Г. Рюмин.

Всем участникам конгресса понравилось произведение Г. Д. Павлишина. Они называли его гимном природе, каменной

сказкой, рукотворным чудом, а автора сравнивали с мастером Данилой из бажовских сказов. Это вполне заслуженная оценка оригинального творения!

Геннадий Дмитриевич Павлишин родился в Хабаровске. Широкую известность в стране и за рубежом он получил как художник-иллюстратор книг. Оформленные им книги «Амурские сказки», «Поклон тайги», «Огненные листья» не раз отмечались высшими наградами и дипломами. Незаурядный талант, помноженный на неиссякаемое трудолюбие, граничащее с самопожертвованием в работе, — вот источник успеха художника Павлишина.

В «Поэме о Приамурье» Г. Д. Павлишин проявил еще одну грань своего самобытного таланта. Как бы хотелось, чтобы новые его поэмы из камня украсили наш краеведческий музей, став достоянием многих тысяч зрителей! Но для этого геологи должны помочь Геннадию Дмитриевичу в подборе красочных камней, ознакомить его с месторождением самоцветов в нашем крае.

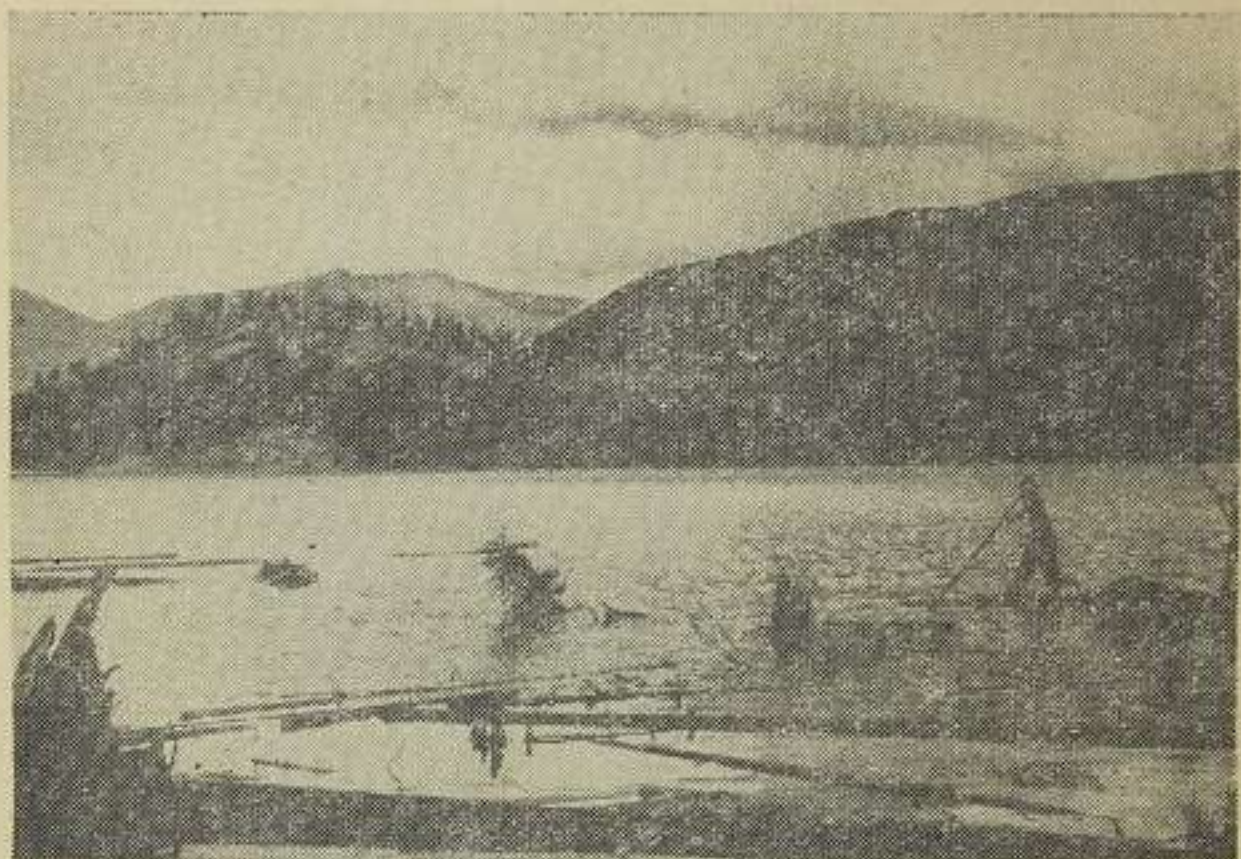
Поистине безграничны возможности музея, когда ему служат все музы, все таланты!

ГОРЫ И РЕКИ

Фотоочерк автора

Много лет назад я впервые поднялся на Баджал, и красота этой горной страны навсегда покорила меня

Тихо сияют голубые чаши баджальских озер

Но зато как неистовы реки, сбегаящие с горных круч!

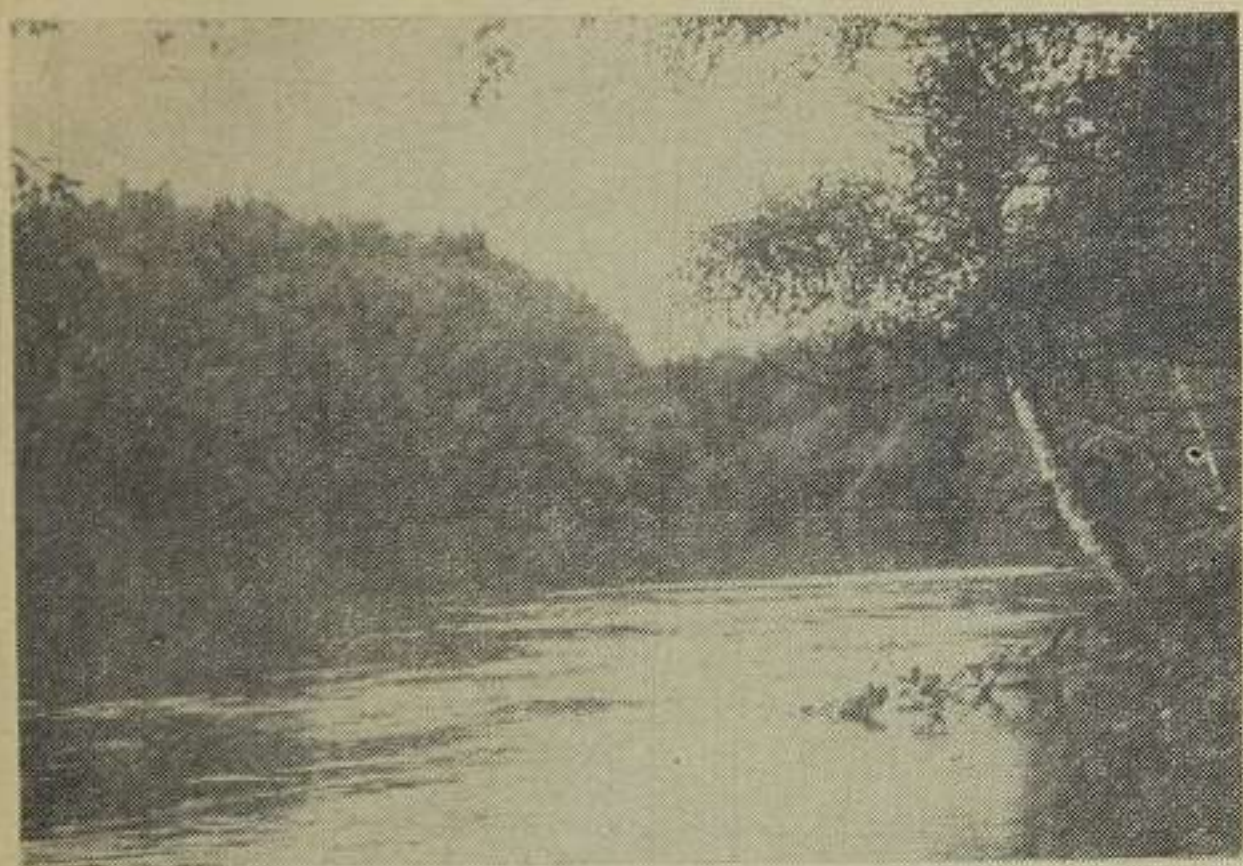
Реку Ниман, приток Буреи, я запомнил и ревущей по-тигриному на порогах

...И мирно текущей среди лесистых берегов

Спускаться вниз по Ниману лучше всего в резиновой лодке

После опасного непостоянства горных рек низовья Амауни дарят путешественнику долгожданный отдых

*По этим сказочным краям я ходил, наблюдая жизнь природы,
и всем увиденным и пережитым делился с читателем*

СОДЕРЖАНИЕ

Приглашение к путешествию	5
-------------------------------------	---

Раздел первый

«Минувшее проходит предо мною...»

Хабаровский мамонт	20
Преданья старины	29
В экспедиции с академиком А. П. Окладниковым	32
Приамурье — земля русская	41
Путешественник, ученый, писатель	48
На плахе истории	57
Матрос Ефим Старостин	59
Амурский чекист	61
«Дальневосточный Перекоп»	65
Память о Чкалове	75
Великая Отечественная война	77
Первенцы индустрии на Амуре	79
Первооткрыватель Солнечного	85
Художник Николай Николаевич Кириллов	88
Лесная и рыбная промышленность	90
Сельское хозяйство и охота	94
Поступь истории	98

Раздел второй

Манящая природа Приамурья

Наши камни	104
Загадка старого тиса	108
Наш кедр	110
Маньчжурский орех	112
Древесная яшма и растительный каракуль	113
Лианы и снег	115
Женьшень зацвел на подоконнике	116
Страна цветов	117
Морская капуста	118
Век зверобоев прошел	119

Необычные гости Хабаровска	119
Лесная трагедия	121
«Владыки джунглей»	128
Медвежий «небоскреб»	132
Благородные и неблагородные	136
Лоси	140
Косуля	141
Вепри	143
«Душистые» звери	144
Дальневосточные эндемики	145
«Черная молния»	147
Доисторическая птица	148
Красный волк	149
Звери-переселенцы	150
«Короли» пушных зверей	153
Белые белки	154
Росомаха — зверь не пакостный	155
Небесные странники	156
Не все гады — гадкие	159
«Царица-рыба»	161
Рыбья страсть	166
Жемчужница	167
Древнейшие обитатели Земли насекомые	168
Хехцир — земля заповедная	170
Стоит мечтать!	172
<i>Вместо послесловия</i>	<i>176</i>
Горы и реки. <i>Фотоочерк автора</i>	<i>181</i>

Всеволод Петрович Сысоев
ПУТЕШЕСТВИЯ ПО МУЗЕЮ

Редактор *В. С. Шевченко*
Художник *Ю. И. Дунский*
Художественный редактор *А. В. Колесов*
Технический редактор *Е. С. Польщикова*
Корректоры *В. М. Сосновская, Н. Б. Хохлова*

ИБ 249. Сдано в набор 19.06.79 г. Подписано к печати
14.09.79. ВЛ 03266. Бумага типографская № 2. Формат
70×108¹/₃₂. Гарнитура литературная. Печать высокая.
8,31 уч.-изд. л. 8,4 усл. п. л. Тираж 30 000 экз. Заказ
№ 1712. Цена 25 коп.

Хабаровское книжное издательство Государственного
комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.
Типография № 1 краевого управления издательств, по-
лиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Се-
рышева, 31.

Сысоев В. П.

С95 Путешествия по музею. Записки краеведа. Хабаровск, Кн. изд., 1979

192 с.

Имя писателя-дальневосточника, заслуженного работника культуры РСФСР Вс. П. Сысоева давно известно советским и зарубежным читателям.

В новой книге Вс. П. Сысоев рассказывает о своей многолетней работе в Хабаровском краеведческом музее и встречах с замечательными людьми, о путешествиях по краю.

С $\frac{70302-58}{M160(03)-79}$

4702010200

ББК 47.2.1.2
P2

М-Н КНИЖНЫЙ МЫР
ОТДЕЛ БУХГАЛТЕРИИ
ИНН 2721000731

11-01-00 11-37
КАССИР 1

ОТЧ. СЧ 1	¥6.00
СУММА	¥6.00

НАЛИЧНЫЕ	¥6.00
----------	-------

НОМЕР ДОК.	002502
ИНН	000000000000
ИН	049828077

25 коп.

